МИКАЭЛЬ **ЮРАС**

Финалист литературных премий Prix de l'inaperçu и Prix Marcel-Aymé

Короткие слова — великие лекарства

Роман

Ключ к счастью находится между строк любимых книг. Нужно только уметь его найти

Короткие слова – великие лекарства

Микаэль Юрас

Аннотация
Микаэль Юрас. Короткие слова – великие лекарства
Все началось с неприятности
Древние и современные
Домовладелица-консьержка, или Двуногий оксюморон
Зеркальце, зеркальце…
Немного ономастики
Он лжет, когда пишет, что ему лучше
Возвращение боли: этимология
Маленькая старушка и футболист в супермаркете
Немного высоты
Человек доброй воли
Трудно быть… ребенком
Как я стал собой
Только лососи плывут вверх по реке
Компьютеры слишком много болтают
Идти в ногу (или не в ногу)
Слезы императора и слезы царицы

Полифония
Герой
Переписка украдкой, или Мадам де Севинье умерла
Классики бессмертны
Размер лжи
У меня две любви
Встретиться можно везде
Обломов и мышь – зевгма
Наконец жизнь… И книги!
Где я исчезаю
Еще одно бегство
Даже люди доброй воли прекращают борьбу
Крыша под ногами
Конец истории, которая не началась
Дорогая тетя
Подъем
Волхвы в Кретее
В конце концов выигрывает служанка
Произведения, которые Алекс прописывает своим пациентам

Аннотация

Молодой парижанин Алекс имеет новую для Франции и редкую специальность: он библиотерапевт, то есть психолог, который лечит с помощью художественной литературы. Алекс выписывает рецепты: прочитать такую-то книгу, и выбирает ту, которая поможет человеку привести душу в порядок, а иногда изменить жизнь. Но теперь лечение книгами понадобилось самому Алексу: его спутница жизни Мелани возмущенно заявила, что книги интересуют его больше, чем она, и ушла от него. Алексу приходится налаживать одновременно четыре жизни – трех пациентов и свою собственную. Алекс верит, что в любой области новое – это лучшее, и решает полечиться литературой от профессионального выгорания.

Микаэль Юрас
Короткие слова – великие лекарства

Aux Petits Mots Les Grands Remèdes
© La Librairie Générale Française, 2016
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Посвящается Анне, Таис и Леони

Человек никогда не читает книгу. Посредством книг он читает себя или для того, чтобы узнать себя, или для того, чтобы контролировать себя.

Ромен Роллан. «Молния Спинозы».

Жизнь – это сон, который иногда становится кошмарным. Человек переносит кошмар, и жизнь продолжается.

Шарль Трене

Все началось с неприятности

Имя пациента: Александр

История болезни:

Александр только что расстался со своей спутницей жизни Мелани. Точнее, Мелани решила покинуть Александра и их супружеское жилище. Ничего общего с фильмом Трюффо (кстати, восхитительным).

Мелани больше не могла терпеть отношение Александра к книгам. Такое, которое называют всепоглощающей страстью. Хотя все страсти такие, если они настоящие. Она больше не могла терпеть и другое — об этом мы поговорим позже. И вот она взяла и ушла, оставила его одного. Хотя не совсем одного: у него же остались его книги.

Александр находится в трудной ситуации, поэтому я заполнил этот бланк. Однако он продолжает работать. Его профессия помогает ему преодолеть это испытание. Он хочет снова завоевать Мелани.

План работы:

Читать, чтобы попытаться соблазнить ее снова.

Книга, рекомендуемая Александру:
Сёрен Кьеркегор. «Дневник соблазнителя».
Примечание: Александр — это я.

Я никого не оставляю равнодушным.

Каждый раз, когда дверь открывается, бывает одно и то же — то же недоверие, то же удивление, тот же мысленный вопрос: «Как я смогу выбраться из этого с помощью его книг?»

В лучшем случае мой собеседник адаптируется быстро, и мы почти сразу меняем тему, переходим к другой — к причине его прихода ко мне.

В худшем случае переход на этап «попытаемся» оказывается невозможным. Тогда я осознаю, что настаивать бесполезно. Я не открываю свою книгу. Я отхожу от этого человека или принимаю других, чтобы им помочь, а не чтобы создать дополнительную неприятность. Можно помочь, и не прикасаясь. И если ко мне обращаются, в это надо верить, хотя бы немного.

«Ты никого не оставляешь равнодушным». Моя мать говорила это сотни раз. Она преподавала литературу в университете и все же не могла подобрать слова, чтобы объяснить, что именно ее беспокоит.

Ее голос звучит в моей голове:

«Ты никого не оставляешь равнодушным.

Ты никого не оставляешь равнодушным.

Ты никого не оставляешь равнодушным…»

Копирование и вставка фразы — признание в нехватке словарного запаса. Специалистке по реалистическим романам ниже опускаться некуда.

Почему она целый день повторяла эту фразу? Может быть, она поняла, что я не пойду по ее пути. В ее мире все люди были похожи, кроме меня.

Я благодарен ей за то, что она подсказала мне мою эпитафию. «Ты никого не оставлял равнодушным» — будет написано на моей могильной плите.

В остальном она дала мне мало. Эта мысль печалила меня, но это была правда. Моя мать знала все в своей области. Она была эрудитка, блестящий специалист, могла объяснить значение прилагательного, о существовании которого не знает большинство людей. Рассказать историю слова от его рождения на улицах Рима в годы правления Цезаря до современного смысла. Важнейшие вещи.

«Как? Ты не знаешь значение слова «аналепс»? Нет, это не постыдная болезнь. И не смейся, в этом слове нет ничего безнравственного. Аналепс — это РИТОРИЧЕСКИЙ прием!»

Она знала только это. Только слова, которые пугали своей непрозрачностью или вызывали смех своим сходством с другими, более смелыми терминами. А я относился к словам по-другому: я видел в них компрессы, которые точно накладывают на определенное место, чтобы они оказывали там свое действие.

Надпись крупными буквами «НЕ ЗВОНИТЬ» вынудила меня постучать в дверь. В некоторых домах агрессивность можно почувствовать уже на пороге с первым глотком воздуха. Когда входишь к другим, надо уметь быть сдержанным, иначе тебя быстро выставят вон. А я не хотел, чтобы это случилось. Я не привык ходить по квартирам, но иногда возникают ситуации, которые заставляют нас менять привычки.

Дверь открылась, и до моих ушей донеслось слово «Да?», которое конкретизировало природу беспокойства, вызванного моим приходом. Обычно входящего приветствуют словом «Здравствуйте», но в этом доме — нет.

Передо мной стояла женщина чуть моложе пятидесяти лет. К счастью, я ничего не продавал. Во время учебы я работал тайным покупателем в магазине бытовой электротехники, но этот опыт оказался неудачным. По мнению моего работо-

дателя, я был недостаточно скрытным. На самом деле я не мог не предупреждать продавцов о своем присутствии. Подводить их под увольнение за то, что они, как эта женщина в дверях, не говорили «здравствуйте», казалось мне чрезмерным и губительным в стране, где любезность почти не существует. Тайный покупатель, который ищет идеальную стиральную машину…

— Здравствуйте, я Алекс. У нас назначена встреча на четырнадцать часов.

— Ах да, я вас ждала, — сухо ответила моя собеседница. — Входите.

Я вошел вслед за ней в темный бесконечный коридор, который напомнил мне лабиринты «Замка» Кафки.

Мои шаги по дубовому паркету звучали громко: слуховое последствие покупки слишком дорогих ботинок. Нужно было бы указывать на обуви уровень шума, который она создает, как на посудомоечных и стиральных машинах. Это позволило бы избежать многих неприятностей. Я не хотел эти башмаки. Мне было неудобно их носить: у меня возникало впечатление, что все смотрят на мои ноги, а это неприятно. Почему я сдался и ношу их? Ношу как память, тут нет сомнения. Я не оставлял равнодушным никого,

кроме одного человека — кроме той, кого любил.

Хозяйка дома была чем-то вроде привидения в его логове. Призрак — сторож пещеры. От нее не исходило ни звука. Ее туфли-лодочки, конечно, были специально сделаны так, чтобы быть бесшумными. Еще я заметил, что она почти никогда не касалась каблуками пола. Можно было предположить, что она скользит над поверхностью по воздуху, как суда на воздушной подушке.

Мы пришли в большую комнату с ультрасовременной мебелью. Все предметы мебели были лакированы — зеркальные отражения гарантированы. Ей, должно быть, нравилось жить как в выставочном зале. Все было холодным и отталкивающим. К несчастью для моей хозяйки, я не декоратор интерьеров.

— Садитесь сюда, — велела мне она, указывая на стул, точнее, на какой-то предмет, который носил имя «стул», но не имел ничего общего с тем, на что я привык пристраивать свой зад.

В моем сознании летали, запертые как в тюрьме, слова «дизайн», «очищенный», «строгость», «окружающая среда». Эта комната словно сошла со страниц журнала, где пишут об интерьерах.

Я подчинился установленному порядку. Я не из тех, кто противоречит людям, которые впус-

кают меня к себе. Моя собеседница осталась стоять, скрестив руки. Это защитное поведение, по мнению специалистов по языку тела, которых я всегда считал обманщиками.

— Как я недавно говорила вам по телефону, Ян особенный подросток, ранимый. Он был козлом отпущения в коллеже, и теперь с ним происходит то же самое в лицее. Мой супруг и я не понимаем, в чем причина этого ожесточения. Я бы предпочла равнодушие этому постоянному насилию. Теперь он проводит все время в своей комнате: я сделала его невидимым для других.

— Вы…

Она не позволила мне продолжить. Одно слово, и не больше. Это как минимум наступательное поведение, а возможно, и оскорбительное. Язык тела действительно идиотская выдумка: руки оставались скрещенными.

Ян был современной «Пленницей», новым воплощением героини романа Пруста. Запертый, чтобы больше не страдать.

— Если я обратилась к вам, то потому, что вы предлагаете интересный оригинальный метод. Мы хотим излечить нашего сына от этого недомогания. И мы пробовали все.

Моя собеседница делала на меня большую

ставку. Я люблю чувствовать, что другой чего-то ждет от меня. Однако я не обещаю никаких чудес. Впрочем, кто может их обещать? Я никогда не верил в чудеса, только в силу воли. Хотя я еще вернусь к этой теме. Вернусь потому, что эта фраза, которая словно взята из руководства по хорошему самочувствию для толстяков-американцев, имеет границы применения. «Вы весите сто пятьдесят кило, и индекс массы вашего тела больше пятидесяти, но это не проблема. Немного силы воли — и вы сбросите сто кило за три месяца».

— Я схожу за ним. Пожалуйста, подождите меня немного.

Что, по ее мнению, я мог делать, если не ждать? Я сидел на своем вращающемся стуле; его способность вращаться я заметил, едва не сломав себе шею от желания увидеть все в этой огромной комнате. Окружающие предметы воспринимаются лучше, когда голова и туловище движутся в одном и том же направлении. Я делал круг за кругом; это было очень глупо. Эта детская игра может вызвать тошноту или неприятное ощущение. К счастью, я уже не ребенок. Я остановился.

У моих глаз есть плохая привычка искать книжный шкаф в каждом жилище, которое я посещаю. Книги, порядок, в котором они размещены, их

состояние много говорят об их владельцах. В скольких квартирах не было ни одной книги, даже ни одного журнала? Места без чтения, изолированные от интеллектуальной жизни. Или места, где книги использовали нестандартным образом — как подпорку под мебель, как ночной столик (сложив в стопку и ни разу не открыв). Или держали у себя фальшивую книгу — подделку, обложка которой часто бывала уродливой, но заглавие вполне реальное — «Роман мумии», только, к моему отчаянию, он был без слов…

Хозяйка дома попросила меня ждать ее, но не запретила перемещаться по комнате. Я встал перед примерно сотней книг. Книги по искусству. Ротко, Хоппер, Бэкон и Плеяда. Полное собрание. Расставлены по алфавиту, как в библиотеке. Я случайно взял в руки одну из книг Бальзака. Но была ли это действительно случайность? Моя рука схватила том, который был толстым. Толщина всегда привлекает.

«Поиски абсолюта»; Балтазар и его безумие. Его разрушение, его отчаяние. Я вернул эту книгу в футляр. Хорошее собрание книг, которые невозможно читать. Слишком тонкая бумага, крошечные буквы, от которых можно ослепнуть. Платить так дорого за то, чтобы потерять зрение!

Я заметил менее престижное издание: роман «У пристани» Гюисманса, зажатый в тиски между правой стенкой шкафа и Цвейгом, последним из Плеяды. Я с трудом достал его оттуда, сломав при этом ноготь.

«У пристани» Гюисманса. Переход пирога к бабушке вызвал у меня кошмары, которые продолжались много недель. Кулинарные курсы, где учат готовить еду из мертвецов…

«– А ты тоже помнишь свою бабушку, малыш?

Ребенок задумался. В годовщину смерти этой почтенной дамы дома готовят пирог с рисом, которому придают запах тела покойной. По какой-то странной причине она при жизни пахла нюхательным табаком, и с тех пор, как она умерла, его ароматом пропитывают цветы апельсина».

Романист, сошедший с ума. Испуганный читатель. Представить себе эту сцену, представить, как я ем свою бабушку! Не нужно было идентифицировать себя с героем, но уже поздно. И кошмары повторялись каждую ночь. Я на кухне, на мне великолепный фартук, завязанный на шее. На фартуке рисунок-принт — петух, красный, как кровь. Почему петух? Почему цвет крови? Не имею ни малейшего представления. Я готовлю

себе на полдник пирог с йогуртом. Работа по рецепту закончена; я готовлюсь поставить форму в печь. Тут в кухню входит мой отец, протягивает мне коробочку с сероватым порошком и говорит: «Это твоя бабуля! Добавь это в тесто». Я не решаюсь на такое; он настаивает: «Это приказ!» Против своей воли я добавляю этот порошок. Через час мы, отец и сын, сидим за столом. Перед нами кусок пирога, и такой большой, что под ним не видна десертная тарелка, на которой он, должно быть, лежит. Я ем свою бабушку. Мой отец всегда ее ненавидел. К моему удивлению, вкус приятный. Я беру вторую порцию. И тут под моим зубом трещит что-то твердое — конечно, осколок кости. Я громко кричу.

Кошмар, достойный фильма ужасов, снятого кинематографистом-любителем. Бюджет крошечный, но эффект гарантирован.

Я сажусь обратно на свой вращающийся стул. Немного покручусь на нем: это успокоит мой страх перед Гюисмансом и сделает немного приятней мрачную атмосферу этой квартиры.

— Ян придет через пять минут; он заканчивает одеваться.

Я уронил роман, и тот упал на идеальный паркет. Я снова подумал о своих попытках на-

стелить у себя в кабинете паркет — одно из тех изделий, которые владелец «устанавливает самостоятельно», и для продавца установка паркета была «детской игрой»… Мне так и не удалось это сделать! Паркет почти везде поднимался, и это делало кабинет опасным для того, кто не знал топографию пола. И сколько часов я потерял зря, скорчившись, с резиновым молотком в руках. У матери Яна паркет был гладким, как лед на катке зимнего курорта класса люкс.

— Извините меня, пожалуйста: я не смог устоять перед искушением посмотреть ваше собрание книг.

— Пожалуйста, смотрите сколько угодно! В них больше уже никто не заглядывает. У меня нет желания, а мой муж заходит к нам лишь ненадолго. Что касается Яна, вы скоро поймете, что у него другие интересы.

— Однако ваше собрание, осмелюсь сказать, не отстает от времени.

— Да, я забочусь о том, чтобы регулярно покупать книги. Ян в конце концов начнет их читать. Или это сделают его дети… Простите, я даже не представилась. Меня зовут Анна.

Анна — солнечное имя в полумраке.

— Он начнет их читать, это несомненно.

— Не хотите ли кусок пирога, пока ждете? Наша кухарка отлично готовит пироги. Если вам нравится начинка из цветов апельсина, это будет для вас настоящее наслаждение.

— Нет, спасибо. Вы очень любезны, но я совершенно не люблю цветы апельсина.

Иногда литературе удается поймать жизнь. Может быть, потому, что все уже написано. А может быть, потому, что людей, которые пишут, становится все больше. Существуют миллионы авторов и миллионы читателей. Что касается меня, я никогда не писал и никогда не буду писать. Я слишком много прочитал для того, чтобы писать: заниматься плагиатом мне не интересно.

Предложение хозяйки дома зародило во мне сомнение. Почему она вдруг стала мне угождать и начала улыбаться? До сих пор она видела во мне «объект», который может помочь ее сыну — GPS или программу проверки орфографии. Теперь она произвела меня в звание человека. Что-то вроде повышения. За этим обязательно что-то скрывалось. Что именно, я узнал через пять минут, когда она разыграла передо мной сцену из «Покинутой женщины»[1]. Она заговорила о своей печальной

---

[1] Сноски: 1

«Покинутая женщина» — роман Бальзака, вышедший в свет в 1832 году. (*Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.*)

жизни и о своем отсутствующем муже. Долгие часы у окна. Ожидание. Ее сын, его проблемы. Разумеется, моя жизнь ее совершенно не интересовала. Ее монолог был усеян местоимениями «я», а местоимение «вы» исчезло. Жорж Перек прекрасно сочинял липограммы[2]. У Анны так же прекрасно получился липомутос[3]. Это слово — неологизм из числа тех, которые ненавидела моя мать. Она видная участница Ассоциации защиты французского языка — клана, который изобилует университетскими преподавателями, чья карьера идет к закату.

Это как Французская академия, только хуже. За подобный неологизм она бы задушила студента, способного на такое кощунство. Человек получает такой мятеж, какого достоин.

Десять минут нескончаемого монолога. Однако эта женщина должна была уплатить мне вознаграждение за работу, поэтому я старался быть терпеливым и вежливым. Как зритель в театре, если пьеса слишком длинная.

Закончив свою речь, она казалась обессилев-

---

[2] Сноски: 2

Липограмма — литературное произведение, в котором автор добровольно обходится без одной или нескольких букв алфавита.

[3] Сноски: 3

Буквально — исчезновение слова.

шей. Она сказала все, влила свою жизнь в мои уши. Больше не осталось ничего.

— Я пойду взглянуть, что делает Ян.

И она снова ушла на встречу со своим подростком. На этот раз вернулась с листком бумаги в руке и с искаженным лицом.

— Ян сегодня не может встретиться с вами: он сильно устал. Вам придется вернуться сюда завтра. Извините его. Извините меня за то, что я настаивала, чтобы вы пришли сегодня днем. Он предупредил меня о своей усталости.

— Ничего страшного, я все понимаю. Я вернусь завтра в то же время.

— Возьмите это, — сказала она, подавая мне листок. — Ян захотел написать вам эту записку.

— Спасибо. Я ее прочитаю.

Анна молча проводила меня до двери: нужно было не заблудиться, выходя из этого замка.

— Итак, до завтра, — сказала она с тревогой. — И не беспокойтесь, я оплачу вам этот визит.

— Я не беспокоюсь. До завтра.

Людям, которые в своей профессии не производят ничего конкретного, физического, иногда бывает трудно получить плату за свою работу. Много раз я не получал за мой труд ничего, кроме неприятностей. Преследование не желающего

платить должника с бухгалтерской книгой в руке в знак угрозы давало лишь очень слабый результат. Кто, кроме школьников, боится книг?

Было пятнадцать часов, мой день был испорчен. Я отменил две встречи, чтобы увидеться с Яном. Я дошел до бара (судя по вывеске, пивного), где обычно пил кофе по утрам.

— Здравствуйте, Алекс. Кофе, как обычно?

— Да, пожалуйста.

Хозяин был очаровательным человеком; особенно я ценил в нем единственную фразу, с которой он обращался ко мне каждый день: «Здравствуйте, Алекс. Кофе, как обычно?» В его фразе никогда ничего не менялось, словно в его словаре не имелось других слов.

На улице было необычно тепло для ноября. И кофе, который принес хозяин, мне не понравился. Слишком горячий. Слишком крепкий. Нужно было заказать какой-нибудь прохладный напиток. Вставая, чтобы расплатиться, я уронил записку, которую прислал мне Ян. Развернув листок, я прочитал:

«Алекс, мне очень жаль. Моя мать (хотя она много говорит), конечно, рассказала вам не все обо мне. Меня зовут Ян, и мне семнадцать лет. Шесть лет назад я попал в ужасную автомобильную катастрофу. Машину вел мой отец. Мой язык был изрезан на части, лицо смято. С тех пор я не могу произнести ни слова. Я немой. Кроме того, у меня бывают ужасные головные боли. Я не выношу шума. Обо всем этом она вам не сказала, я уверен. Она слишком боялась, что вы не придете. Теперь вы знаете, кто я. Вам решать.

Ян».

«Франция находится в полосе удивительно хорошей для ноября погоды. В некоторых регионах дождя не было уже два месяца. Станет ли СПИД скоро хронической болезнью? Беседа с профессором Фаржоном в конце нашего журнала. Этим летом заметно увеличилось количество краж автомобилей. Мы сообщим вам список марок, которые больше всего нравятся ворам. Сборная Франции, продолжая свое зимнее турне, одержала убедительную победу над сборной Англии со счетом 3:0. Следует отметить дубль звездного

нападающего Энтони Полстры».

Чтобы просыпаться под голос радио, нужно чертовски много мужества и приличная доза одиночества. С тех пор как Мелани решила судьбу нашей совместной жизни, я слушал радио. Она больше не была рядом, чтобы говорить со мной. Ее голос еще отдавался слабым эхом в моей голове. Мелани больше нет рядом, чтобы сказать мне «пора вставать». Я заменил ее предметом. Светящимся. Точным. Не ошибающимся. Но он никогда не тянулся ко мне и не касался моего тела, как Мелани касалась моей руки. Ее ладонь на моей руке, которую она крепко сжимала, чтобы остановить мой храп.

Я много читал, чтобы забыть, — не получилось. Это уже слишком.

«Сапожники всегда обуты хуже всех. Недавно проведенное исследование показало, что врачи не лечат себя…»

Я выключил радио. Если врачи отказывались лечить себя, это могло быть потому, что они боялись терпеть два или три часа в приемной, чтобы попасть… в собственный кабинет или в кабинет своего коллеги. Боялись печальной судьбы, уготованной для черни, для невежд в медицине. К счастью, врачи умирали, имея плохое здоровье.

Каждое утро отсутствие Мелани было вспышкой, фейерверком, овладевавшим квартирой. Дождем черных ракет в освещенной комнате. И все же надо было выбираться отсюда и пытаться помочь другим. Ян; я должен увидеть Яна. Опустошенный подросток. К счастью, я знаю писателя, который мне поможет, — Сэлинджера. Он пишет так, как думают подростки. Мизантроп Сэлинджер, который способен заставить замкнутых и недоверчивых людей полюбить литературу. «Над пропастью во ржи»!

Когда закончился радиожурнал, я наконец встал. Над моей комнатой безжалостно господствовало зеркало-псише — воспоминание об иной эпохе. По правде сказать, до встречи с Мелани я даже не знал, что предметы такого рода существуют. Общий вид. Туловище между двумя стойками. Худой; видны вены. Грудь? Нет, никаких висящих сосков. Ноги длинные и стройные. Волосы короткие. Я мог бы выступать на подиуме для кого-нибудь из создателей моды, если бы был женщиной!

Мелани нравился мой неброский силуэт. Невероятно, но на этой земле человек всегда в конце концов встречает человека, которому он нравится. Я хотел увидеть ее в последний раз.

Поговорить с ней. Чтобы сказать что? Об этом я не имел никакого представления. Поговорить с ней о книгах, как всегда. О книгах про любовь. Например, про роман «Влюбленные». По-французски он называется «Красавица господина». К сожалению, я плохо представлял себя в роли «господина» и еще хуже в роли «красавицы». А об этой книге говорили все, даже политики. Нужно быть более оригинальным. Более современным.

Я написал ей текстовое сообщение: это лучший способ приблизиться друг к другу, не приближаясь. Когда пара расстается, тот, кто покинут, добивается у другого аудиенции, как раньше добивались у правителя или папы. Тут все дело в иерархии. Но мое мужество, о господи, куда делось мое мужество? Оно пропало! Нужно было просто нажать на кнопку «Отправить». Простое нажатие, слабее того, которое нужно, чтобы нажать кнопку лифта. Очень легкое; это мог бы сделать и ребенок. Скажем, двухлетний ребенок. Но я не смог. Я оказался не лучше грудного младенца. «Детство… повсюду», — говорил Людовик XIV, и был не прав! Я записал свое сообщение в черновики. Там оно и останется до тех пор, пока я не найду свое мужество, а для этого мне потребуется немало времени.

Я снова подумал о Яне и ужасном содержании его записки. У него отрезан язык. Как у маленькой Эллен Джеймс из романа «Мир глазами Гарпа». Такие ассоциативные связи никогда не давали мне покоя. Литература во всех случаях, мне это уже противно. Вы любите суши? Только суши маки с лососем? Попробуйте есть их утром, днем и вечером двадцать лет подряд — вы превратитесь в рыбу.

Последнее желание: сожгите мое тело и выбросите пепел в море. Желательно в Норвегии.

Древние и современные

Коридоры больницы. Они недавно покрашены заново, и от этого почти хочется здесь пожить. Как будто цвет много значит в нашей жизни.

В регистратуре сидит все та же молодая женщина. Она смотрит на меня, не отводя глаз. Уже месяц, как я прихожу сюда два раза в неделю. А она до сих пор смотрит на меня с удивлением: «Что он здесь делает? Он не врач…»

Антуан, начальник отделения, тоже хотел бы знать ответ на этот вопрос, но не смел спросить. Он долго учился, и его родители объяснили ему, что нельзя задавать некоторые вопросы, потому что они беспокоят людей. Прекрасное образование. Он умирал от желания узнать, что я делаю с его пациентами и своими книгами.

— Здравствуйте, Алекс. Надеюсь, что скоро опять встречусь с вами. Не стесняйтесь зайти сюда, когда у вас будет свободная минута.

— Рассчитывайте на меня, Антуан.

Я не знаю, вернусь ли когда-нибудь сюда. Я прихожу, если меня зовут.

— Кстати, вы получили мое сообщение по по-

воду Жака Бюри? Вы не ответили мне.

— Да, я его прочитал. В последнее время у меня было много работы, но я рассчитывал ответить вам. Спасибо за информацию.

— Пожалуйста. Со своей стороны я должен поблагодарить вас за то, что вы посоветовали мне прочитать Буццати. Я был в восторге от «Охотников за стариками».

Антуан выбрал гериатрию потому, что хотел полной власти над своими пациентами. Желал могущества. Прожив восемьдесят лет, люди реже повышают голос, реже бунтуют, не подвергают сомнению проводимое врачом лечение из-за того, что прочитали статью в Интернете. Они молчат. Они устали. Этот врач был счастлив такой специальности: она давала ему время читать, выходить на люди, просто жить. И очаровывать. Быть всемогущим врачом. Он был очень мил, этот Антуан. И уверен в себе. Но одно он не рассчитал — возраст посетителей. Разумеется, он прекрасно знал, что у него никогда не будет приключений с его больными. Ох, это был бы ужас! Нельзя смешивать чувства и профессию — кушетки, вставные челюсти, слуховые аппараты. Никакого риска. Порядочность профессионала. Но ведь к пациентам приходит много посетителей — и посетительниц.

Он, несомненно, сможет обмениваться фразами, улыбаться, очаровывать. Сможет жить. Однако кто приходит навестить стариков? Их дети. Дочь старика в лучшем случае пожилая женщина, в худшем уже умерла. Внуки — более доступные мишени, но они приходят редко. У них так много дел в других местах. Поэтому Антуан набрасывался на всех, кто не пользовался ходунками, мужчин или женщин, на всех, кто слышал более или менее хорошо, на всех, кто видел, не щуря глаза. К примеру, на меня: спортивная походка (на самом деле она — приманка, как у служащих на собачьих бегах, которые этой походкой взбадривают борзых), работающие уши, которые без ущерба для себя пережили бесчисленные отиты в годы моего детства, и глаза, которым никогда не были нужны очки. Несмотря на свою безмерную любовь к чтению, я единственный в нашей семье не носил их. На фотографиях семейных встреч видно только это — моя голова без очков среди множества голов в громоздких и более или менее уродливых оправах. К несчастью, очки не всегда были модным аксессуаром.

Что касается моих ушей, в первые годы моей жизни они были главной причиной беспокойства родителей. Как такая маленькая барабанная

перепонка смогла выдержать столько атак? Даже наш старый семейный врач от изумления забывал все, что написано в справочнике лекарств «Видаль» (хотя я сомневаюсь, что он, с его особой специальностью, знал о существовании этого справочника).

При каждой консультации он пытался все глубже заглянуть в мой слуховой проход, чтобы лучше видеть — но безуспешно. Я садился на смотровой стол, врач становился на него коленями, чтобы оказаться немного выше, и приближался к больному уху. Он наклонял мою голову, и путешествие по извилинам моего уха начиналось (удивительно, но в правом ухе словно было какое-то противоядие от отитов). Что он мог увидеть? Что он искал? Зверька? Микроб, который вырос таким большим, что врач мог бы поздороваться с ним, глядя ему в глаза? Старый врач никогда ничего не находил. И мы, я и мои родители, уходили от него все с тем же рецептом — с антибиотиком, который излечивал все, что доктора были неспособны увидеть.

Итак, Антуан, Антоний, был, как Цезарь, потенциальным мужем всех женщин и женой всех мужчин, которые попадали в коридоры его отделения.

— Доброе утро, Жак; как вы чувствуете себя сегодня?

— Очень хорошо, Алекс; так, что лучше не может быть. Через час я ухожу отсюда. Видите, какой я элегантный.

Я в первый раз видел Жака стоящим на ногах и не в больничной одежде. Он снова становился гражданским человеком, который может гулять по улицам Парижа без капельницы. Свободным от химии, которую уже много лет вливали в его тощее тело. Однажды он объяснил мне, что болен очень давно. Его проблемы со здоровьем начались в его сороковой день рождения. Он упал в обморок перед праздничным пирогом, купленным у лучшего кондитера в квартале. Может быть, это синдром Стендаля[4]. Упал без чувств перед великой красотой пирога, как писатель перед «Рождением Венеры».

Потом он стал набирать недуги один за другим, как добавляют одну за другой подвески в ожерелье. Его история болезни была длинной, как «Человеческая комедия». Воплощенный словарь болезней. К счастью, все это скоро закончится.

---

[4] Сноски: 4

Синдром Стендаля — психосоматическое заболевание, симптомы которого впервые описал Стендаль (1783–1842), возвращаясь из Флоренции.

— Вы великолепны. Чтобы отпраздновать ваш уход, я принес вам маленький подарок — «Мемуары шулера» Гитри. Это забавно. А поскольку вы любите грибы, не будете разочарованы. Юмор и еда — все, что вам нравится! «Нас было двенадцать за столом. В один день из-за блюда грибов я остался один во всем мире». Больше я вам ничего не скажу.

— Спасибо, Алекс. Я очень хотел поблагодарить вас за все, что вы сделали. Но у меня есть для этого только слова. Подарка нет! Надо сказать, что в этих стенах есть мало того, что можно подарить. И к тому же слова — это ваше дело! Поэтому я надеюсь, что их будет достаточно.

— Разумеется, их достаточно! Большое спасибо. А теперь я должен бежать на другую встречу. До свидания, Жак.

— До свидания, Алекс. Мне очень повезло, что я встретил вас.

Жак улыбался. Ему оставалось жить несколько месяцев. «Теперь старик — он. И его очередь пришла». Эта фраза Буццати непрерывно звучала в моей голове.

Смысл сообщения, которое врач Антуан прислал на мой электронный почтовый ящик, был ясен: «Жак Бюри покидает наше отделение. Мы

с ним пришли к соглашению на этот счет. Его болезнь достигла стадии, на которой мы уже ничего не можем для него сделать. Ему восемьдесят два года. Он должен с пользой прожить то малое время, которое ему осталось».

Врачебная тайна была для Антуана святыней, и поэтому я не должен был бы знать эту новость. Жак Бюри скоро умрет. Я об этом догадывался; впрочем, об этом, должно быть, знали даже больничные уборщицы. Я был счастлив, что принес ему несколько минут покоя. Мы читали вместе, чтобы улыбаться, чтобы смеяться, иногда забывая, что находились в отделении гериатрии. Это были путешествия посредством слов. Саша Гитри и его истории о смертоносных грибах обещали Жаку еще несколько прекрасных минут.

Остальная часть сообщения состояла из многочисленных и разнообразных попыток встретиться со мной за пределами больницы. Я должен был ему ответить: борзой, который без остановки гнался за приманкой, начинал уставать. Но я не хотел прекращать свой бег. Антуан ведь кончит тем, что найдет в больничных коридорах другой объект с интересными характеристиками. Я бы, конечно, написал ему, что Мелани ушла, потому что я и сам могу слишком много сказать об

этом человеке, которого почти не знаю. У меня нет никаких оригинальных высказываний о моих сердечных горестях, только жалкое нытье. Человек часто бывает жалким, когда жалуется. Я вспомнил моего университетского друга Максима. Тот непрерывно заливался слезами и часто дышал, потому что его покинула, холодно простившись, любимая девушка — студентка, изучавшая психологию животных (в университетах есть курсы на любую тему). В таких случаях первые минуты после шока имеют важнейшее значение. И разумеется, вокруг «раненого» собралась группа друзей (около десяти человек). Я был в их числе. Вот только чем больше дней проходило, тем больше мы осознавали, что Максиму приятно горевать и что горе, которое сначала трогало наши души, теперь начинает нас раздражать, причем всерьез. Сочувственно предлагаемые носовые платки, дружеские хлопки по спине, фразы «все будет хорошо» и «она в конце концов вернется» становились все реже. Мы были уверены, что специалистка по животным не вернется. И она была совершенно права. Из десяти помощников осталось восемь, потом шесть. Кончилось тем, что однажды вечером Максим остался один. И тогда он перестал скулить.

Поэтому, хорошо подумав, я решил, что напишу Антуану, но не буду жаловаться. Просто посоветую ему участвовать в приеме на службу санитаров. Среди кандидатов, несомненно, есть очень красивые юноши и девушки, которых привлечет престиж униформы и его собственный престиж. Он сможет обольщать их — мужчин и женщин, Никомеда или Клеопатру, как Цезарь со своего трона.

Возвращаясь из больницы, я получил по электронной почте странное сообщение: меня просили дать номер моего телефона в целях возможного сотрудничества. Те сюрпризы, которые действительно достойны этого названия, происходят, когда ничто не позволяет их предсказать. Кто в Рождество посчитает сюрпризом подарок? Но я был потрясен уровнем правописания автора:

«Не магли бы вы аставить мне номер мобильника штоп я вам пирезванил? Спасибо. Вы будете мне нужны».

Не ребенок ли это? Слова, которые мы выбираем, всегда позволяют определить наше положение в обществе. В этом случае я подумал о человеке, который очень рано прекратил учиться в школе.

Разумеется, я «аставил» ему свой номер. В конце концов, разве библиотерапия и незнание орфографии несовместимы? Разве величайшие писатели не проходят испытание корректированием? Корректор перечитывает, изменяет, преобразует целые абзацы их произведений — разумеется, всегда сохраняя верность произведению. Мне было любопытно встретиться с этим человеком. Мое ночное электронное сообщение было прочитано за минуту, потому что почти сразу мой телефон зазвонил. Номер, с которого звонят, скрыт. Я инстинктивно нажал «Ответить», рискуя попасть в сети центра обработки вызовов, который проводит опрос по поводу применения тройных стекол в континентальном климате.

— Добрый вечер. Библиотерапевт — это вы?

Этот голос вызвал у меня смутные воспоминания. Он не был мне совсем незнаком. Может быть, это шутка. По порядку слов понятно, что я для собеседника — единственный библиотерапевт в мире. Библиотерапия — это я один.

— Да, добрый вечер. Называйте меня Алекс.

Магическое пересечение текстов, о котором мой собеседник ничего не знал: я только что процитировал Германа Мелвилла, его «Называйте меня Измаил». Мой талант явно не имеет себе

равных… Стоя на капитанском мостике, готовясь загарпунить кита, я ждал, что будет дальше.

— Хорошо, Алекс. Ну а я — Энтони. Это вам подходит?

— Не важно, какое у вас имя. Вам нужен терапевт?

— Да; во всяком случае, я думаю, что да. Это сложная история.

Все пациенты считают свою ситуацию сложной. Иначе почему бы они приходили ко мне? Я не мог представить себе, чтобы один из них связался со мной с целью сказать, что его жизнь удалась, что он и его жена — идеальная любящая пара и что он преуспевает на работе. Когда у человека все хорошо, он идет к книжному шкафу или в библиотеку, а не к библиотерапевту.

— Вы хотите поговорить со мной сейчас? Или предпочитаете, чтобы мы встретились позже?

— Я вам мешаю?

— Нет, нисколько. Я оставляю выбор за вами.

Произнося глагол «оставить», я мысленно увидел перед собой «аставить» из его сообщения. Нужно изгнать эту «вещь» из моего ума. Изыди! Иначе как я продолжу разговор, не объяснив Энтони, что в письменной речи у фонетики есть границы?

— Это мило.

— Пожалуйста, не надо: это естественно. Так скажите мне, сейчас или позже?

— Пожалуйста, сейчас.

— Очень хорошо.

— Я живу в суровой мужской среде. Это мне нравится. Но я, скажем так, иногда чувствую себя не таким, как другие.

— В каких случаа… ях… извините. Этой ночью я плохо спал, так всегда бывает со мной в полнолуние.

Я не смог подавить зевок. Мне редко случалось работать до такого позднего времени. И рано работать тоже. Я работаю днем, у меня график как в учреждениях. Я чиновник в терапии. Но необычные ситуации и приключения привлекают меня. Просто моему телу нужно приспособиться к такому положению. По крайней мере, я немедленно отдавал телу приказ это сделать. А о полной луне я сказал лишь для того, чтобы найти правдоподобный предлог. Оставалось только надеяться, что мой собеседник не астроном.

— Я футболист. Понимаете, в футболе много двигаются, задевают один другого, толкаются. Футболисты не очень-то ласковы друг с другом. И нужно давать отпор, иначе потеряешь репу-

тацию.

— А кроме футбола, какая у вас профессия? Простите меня за любопытство, но мне нужны подробности, чтобы хорошо понять ситуацию.

— В вашем вопросе нет ничего плохого. Я профессиональный футболист. Футбол — моя профессия.

Когда я был ребенком, у моей матери была жуткая привычка в те дни рождения, которые мы с моими друзьями отмечали у нас дома, делиться с нами своими большими познаниями в литературе. Кажется, у нее были хорошие намерения; она желала заинтересовать и развлечь нас, чтобы мы не устроили разгром в моей комнате. Если бы она была парикмахершей, то говорила бы о том, какие длина и объем волос сейчас в моде; если бы она была врачом, то давала бы нам уроки того, как надо мыть руки, чтобы не позволить микробам размножаться. Но она преподавала литературу в университете.

В день, когда мне исполнилось десять лет, она говорила нам о синонимическом повторе — средневековом литературном приеме, когда одну и ту же мысль повторяют в разных формах. Чтобы настоять на своем. В этом телефонном разговоре Энтони желал убедиться, что я верно понял

значение слова «профессионал». Поэтому он, как моя мать, применил повтор, чтобы я правильно понял его мысль.

— Да, я понял: вы зарабатываете на жизнь футболом.

Третий повтор. В конце концов, я тоже имею право изобретать слова. Если хорошо подумать, было очень жестоко говорить на дне рождения о риторике.

— Да, это так.

— А что вас беспокоит?

— Я плохо принимаю свою непохожесть.

— В чем вы чувствуете себя непохожим?

Несмотря на усилия моей хорошо тренированной воли, мое тело не желало подчиняться моему желанию. Мышцы моего лица и моей диафрагмы снова сократились. Мое тело отключалось. Человек не всегда хозяин себе самому. Я часто терял лицо из-за этого несовершенного организма, но когда-нибудь он заплатит мне за это. Обязательно заплатит. Например, когда я куплю абонемент в спортивный зал.

— Я оставлю вас отсыпаться. И позвоню вам завтра, возвращаясь с тренировки. Около одиннадцати часов; это время вам подходит?

Я уступил настойчивости моего собеседника и

принял его предложение. Футбол — среда, зараженная допингом, не лечением книгами. Допинг так изменяет физические способности человека, что это может сравниться с мутацией. Человек больше не устает. Я никогда не принимал допинг, разве что допингом признали бы парацетамол и внесли бы его в список запрещенных препаратов.

На этот раз Анна, открывая дверь, улыбнулась мне. Сверкающие зубы свидетельствовали о ее огромной любви к уходу за ними. Чтобы добиться такого блеска, ей, несомненно, нужно в течение года три раза чистить их от камня и два раза отбеливать. Это был удар по моему страху перед дантистами. Я-то медлил у телефона несколько недель перед тем, как записаться к зубному врачу. Самый легкий предлог (забастовка парижских транспорт ников, плохое предзнаменование, поломка обогревателя…) становился основанием, чтобы надолго отсрочить такую встречу. Когда представится случай, я расспрошу Анну, как ей это удается.

Анна заговорила об удивительно мягкой погоде. Радио создает шаблоны и сглаживает разницу между беседами. Все говорят об одном и том же. Погода — тема, которую от безнадежности выби-

рают тщеславные люди. Потом она провела меня в комнату Яна. Дверь была приоткрыта, Анна постучала в нее и пригласила меня войти. А сама осталась на пороге и закрыла дверь, как только я оказался внутри.

Ян сидел; я видел только его спину. По его позе я понял, что он что-то пишет. Наконец он повернулся. Я никого не оставляю равнодушным, Ян тоже. На его лице оставила свои метки авария. Это было лицо воскового манекена: ничего подросткового, все застыло. Никаких изменений в будущем. Только глаза были в состоянии выразить чувство. Сейчас это было удивление.

Он протянул мне свой планшет. Там было написано:

«Я буду должен все писать. Я вам не лгал. Вы уже увидели, как я устроен, — неудачная скульптура».

— Вы написали эти слова заранее. Вы ожидали, что я буду удивлен, но я замечаю, что вы сами тоже удивлены, что видите меня. Значит, у нас есть одна общая черта: мы никого не оставляем равнодушным.

«В тот раз вы произвели на мою мать яркое впечатление. Она задавала себе множество вопросов о вас. Она представляла вас другим — с более со-

лидной походкой, в костюме. Она заметила в вас что-то женственное… Но она слишком застенчива, она не осмелилась заговорить с вами об этом. Родители научили ее никогда не беспокоить других и плакать в своем углу. Она ледяная, верно?

А я совершенно перестал быть щепетильным с тех пор, как выражаю свои мысли только с помощью клочков бумаги или планшета. Я пишу то, что думаю. Вы, должно быть, полагаете, что это ничего не значит: преимущество быть инвалидом — то, что мне все прощают».

— Я могу понять удивление вашей матери. Я не часто одеваюсь так, как положено человеку моей профессии. Что касается некоторой моей женственности, я полностью с этим согласен. Говорят, что женственность — качество, которое есть у любого человека. Но это не важно. Однако остерегайтесь своего привилегированного положения. Не всем выпадает удача быть инвалидом. Вернемся к вашей матери. Я считаю ее очаровательной.

Не знаю, поверил ли Ян моим словам о своей матери. Возможно, в первый раз кто-то назвал ее очаровательной. На самом деле в ней не было ни капли очарования, но мне трудно было сказать это ее отпрыску.

«Вы действительно думаете, что можете мне помочь? Я видел немало господ с прекрасными дипломами, которым мой случай оказался не по зубам».

— Я никогда ни в чем не бываю уверен, когда начинаю вести пациента. Сомнение — часть моей системы. Я не врач. Врач никогда не должен сомневаться. Я хотел бы прочесть вам для начала один текст:

«Война началась в величайшем беспорядке. Этот беспорядок не прекращался до самого ее конца, и вот почему. Короткая война могла бы стать лучше и, так сказать, упасть с дерева, но война, продлеваемая из-за чьих-то странных интересов, насильно прикрепленная к ветке, все время предлагала улучшения, которые были первыми опытами и уроками.

Правительство только что покинуло Париж, или, как наивно сказал один из его членов, переехало в Бордо, чтобы организовать победу на Марне…»

Я прочел Яну пятнадцать первых страниц романа Кокто «Самозванец Тома». Он слушал не прерывая. Когда ему хотелось что-то сказать, он нервно писал это на листках бумаги, потому что разрядился планшет. Шуршание бумаги меня

раздражало. Первый текст — самый важный. Он позволяет увидеть, насколько глубоко мои слова могут проникнуть внутрь слушателя. Насколько он проницаем для литературы. Вначале слушатель или губка, или камень. Если надо преобразовать камень, работа библиотерапевта бывает сложной. Но какое удовольствие, когда ты добиваешься успеха!

В данном случае Ян наслаждался словами Кокто и этой изумительной историей о лжеце. Он вернулся в детство, когда его мать, чья душа еще не сжалась в комок, рассказывала ему истории перед сном. Чтобы подобраться к своим пациентам, я должен окунать их в ванну с доверием. Преграды падают легче, когда пациент лежит в тепле под одеялом и слушает своего самого любимого человека. Я люблю тебя, мама. Побудь со мной еще немножко. Ян, конечно, ни о чем не догадывался. Как другим, ему было нужно затеряться. Забыть материальные обстоятельства, чтобы полностью открыть себя литературе.

Я выбрал Кокто потому, что он идеально соответствовал положению, в котором находился Ян. Светский писатель с… как бы это сказать… надменным голосом. Да, именно надменным. Читать Кокто в красивом буржуазном доме? Мне не

хватало перчаток, носового платка в нагрудном кармане и костюма, сшитого точно по фигуре. Кокто — Прекрасный Голос. Погружение в архивы ИНА[5], в пыль.

Когда я закончил читать, Ян протянул мне свой блокнот.

«Вы не могли бы продолжить чтение?»

— С удовольствием.

И я продолжил. Сорок минут чтения вслух. Удовольствие от текста. Приключения Тома. Романтизм, война, любовь. Надежда, что не умрешь. Я отрывался от земли, поднятый словами Кокто, которые всегда в конце концов увлекали за собой вверх и его. Я отрывался от земли, играя комедию (плохо играя), произнося каждый восклицательный знак, каждый вопросительный знак, как преподаватель, который желает произвести впечатление на слушателей-подростков, но, обеспокоенный внезапными движениями голов и все более многочисленными вздохами, в конце концов понимает, что половина класса мирно спит.

Внезапно Ян прервал меня, написав:

«Я устал, остановимся на этом. У меня очень болит голова».

---

[5] Сноски: 5

ИНА — Национальный институт аудиовизуальных документов. (*Примеч. пер.*)

— Хорошо. Я счастлив, что этот роман вам нравится. Оставляю его вам. В следующий раз мы поговорим о нем.

В Яне не было ничего от идеального клиента. Если бы он не был так изуродован, я бы его возненавидел. Как он посмел прервать меня в разгар чтения? Может быть, он почувствовал, что я немного переигрываю?

Но в одном он был прав: людей, чья жизнь — мучение, охотнее прощают. У меня в уме все было ясно. Я надеялся снова увидеться с ним, чтобы попытаться пробить стену, которую он построил между собой и другими. И мне были нужны деньги. Мелани ушла, и я должен один платить за квартиру, а владелица дома женщина раздражительная и живет на одной лестничной площадке со мной. Она не чувствует литературу, ее невозможно растрогать, она наблюдает, как я прихожу и ухожу и при этом серьезна, как немецкая овчарка. Я чувствовал за дверью неприятное дуновение: это она дышала. Я не люблю домашних животных. Я боюсь их с детства. С того дня, когда я, приглашенный на день рождения к другу, оказался нос к носу с большой семьей далматинов, а мои руки были заняты подарками. Далматины были такие же, как в мультфильме,

но с клыками. Отец моего друга стал профессиональным заводчиком этих собак после того, как в одно дождливое грустное воскресенье сводил своего сына в кино. Там показывали классику Диснея. В тот день рождения собаки воспользовались приходом маленького товарища, который, в отличие от меня, принес только один хрупкий пакет с подарком, и решили лично встретить меня. Мне нужно было убежать, не потеряв мои дары. Это было нелегко. Даже невозможно. И наконец я пожертвовал пакетами ради спасения своих икр. Я вернулся домой весь в поту, волосы у меня на руках стояли дыбом. Моя мать была погружена в чтение и не заметила моего присутствия, несмотря на сопровождавший меня сильный запах пота. Я решил уничтожить видеокассету VHS со «Сто одним далматинцем».

Домовладелица-консьержка, или Двуногий оксюморон

На площадке за мной ведут слежку. Я должен скорее найти ключ и убежать, спрятаться в укрытие. Но все происходит как в фильмах ужасов, где героя всегда догоняют. Машина не трогается с места. Новая машина! Мои ключи падают. Поздно! Свет гаснет. Она выходит и зажигает свет. Ее дыхание действительно неприятное — горячее и плохо пахнет. Она часто дышит. Я поворачиваюсь — она рядом, стоит в нескольких сантиметрах от меня. Она из числа тех людей, которые считают, что, разговаривая с вами, обязаны бросать слова вам в рот, чтобы те не потерялись в пути. Господи, слушают ведь ушами, а не ртом!

— Вам надо бы подумать о том, чтобы внести плату!

— Добрый вечер, мадам Фарбер. Не волнуйтесь. У меня временные неприятности, но все наладится. Я вам заплачу.

— Очень надеюсь на это. Жизнь сурова для всех.

— Заплачу на будущей неделе, я вам обещаю.

— А ваша подруга что, здесь больше не живет? Если вы больше не можете вносить плату один, надо сказать об этом мне.

В этих словах я уловил два чувства своей собеседницы — удовольствие от осознания моего несчастья и печаль оттого, что она больше не увидит Мелани.

Мелани — женщина. Фигура, улыбка, волосы. Меня мадам Фарбер охотно бы заменила кем-нибудь другим. Но ушла Мелани, а я стоял теперь перед этой женщиной, которая похожа на Верлена со старой фотографии, сделанной в кафе «Прокоп». Только без абсента и со зловонным дыханием.

Марселина Фарбер, или искусство принимать посетителей. Воплощение такта. И воплощение великодушия тоже. Она владела половиной дома и была обязана платить налог на состояние. Однако мои неуплаты, кажется, портили ей жизнь. В семьдесят лет — никакой приветливости. Зовут Марселина[6] — как поэтессу, только поэзии в ней нет.

— Она в поездке по служебным делам.

— Понятно. Во всяком случае, не забывайте обо

---

[6] Сноски: 6

Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859) известна своими элегическими стихотворениями.

мне. Значит, на следующей неделе.

— На следующей, обязательно. Передайте от меня привет своей матери.

— Понятно, но маме не нужен ваш привет.

Мать Марселины до сих пор жива, хотя в это трудно поверить.

Она живет в тепле у своей семидесятилетней дочери. И конечно, должна платить дочери за квартиру, чтобы не оказаться на улице. Я испытывал нежность к этой матери, Августине, с которой случайно встречался три раза, когда она еще могла выходить из квартиры. Я испытывал нежность к Августине потому, что она с утра до вечера терпела мадам Фарбер. Такое мужество у девяностолетней женщины!

Свет опять погас. Я был в темноте вместе с Марселиной Фарбер. Уже минимум пятьдесят лет она не оказывалась в темноте наедине с мужчиной (и, к несчастью, сейчас мужчиной рядом с ней был я). Не оказывалась с тех пор, как умер ее муж. Когда у нас с ней были хорошие отношения, она рассказала мне о своей «прежней» жизни с необыкновенным человеком, который ушел из жизни «слишком рано». Теперь я понимал этого человека: лучше смерть, чем эта мегера.

Она нажала на выключатель, и передо мной

снова возникли ее зубы. Между зубами были небольшие промежутки, чтобы выпускать наружу дыхание, которое я терпел. Мать-природа все хорошо устроила. Есть существа, которых терпят. Марселина вернулась в свою квартиру и встала за дверью. На свое любимое место, на свой наблюдательный пункт. Я наконец поднял свой ключ и исчез из поля ее зрения.

Я прошел в ванную, наполнил умывальную раковину водой и окунул в нее голову до ушей. У меня не было другого способа дать выход моему гневу — только крик в воде. Кричать в воде и понимать всю глупость этого поступка. Наполовину задохнуться. Глаза покраснели, уши заткнуты. Есть риск получить воспаление среднего уха. И все это из-за дуры. Я вспомнил об одной своей подруге, которая однажды попыталась покончить с собой, съев целый пакет йогуртов. Не получилось: она только на короткое время расстроила себе кишечник. Врач скорой помощи, которого я вызвал по ее совету (она стояла согнувшись лицом к туалету, но еще могла говорить), не соизволил сдвинуться с места. А дежурный врач-диспетчер сделал мне замечание. И все это из-за йогурта. Однажды я рассказал эту историю одному своему пациенту, мужчине лет шестидесяти (приятному

человеку, который хотел с помощью чтения перестать есть по десять пицц в день; надо сказать, что мой «рецепт» ему ничем не помог). Он ответил, что в нашей проклятой стране все гибнет и что мой случай — пример эгоизма, которым пропитано все вокруг. И добавил, что в его время (в какие годы? Я так и не узнал этого) врач вскочил бы в машину и приехал помогать моей подруге, которая отравилась, может быть, смертельно. Регулируйте, регулируйте, диспетчеры: смотреть больше не на что.

Зеркальце, зеркальце…

Имя пациента: Ян Б.

История болезни:

Ян равнодушен к внешнему миру. Он вне мира. Кто может сердиться на него за это? Его жизнь после травмы превратилась в накапливание унижений. Со временем он стал чемпионом в искусстве быть козлом отпущения — тем, кто принимает удары за других. Ему нужно было уйти, чтобы спастись от ударов. Сложнейший, но увлекательный случай. Пограничный опыт для терапевта. И все же — не сомневаться в способностях Яна! Не сомневаться в моих способностях! У него необыкновенная способность к анализу. Он заметит малейшую мою слабость. Никакой замкнутости или сдержанности. Речь правильная. Продуктивный интеллект. Если эта характеристика верна, то можно найти решение.

Анна: Заново определить ее роль. Она присматривает за ним, как за маленьким ребенком. Влечение и отторжение одновременно по отношению к мысли, что Ян вернется в мир. Мать-буфер: принимает удары, которые наносит ей сын.

План работы:

Книги, рекомендуемые Яну:

Жан Кокто. «Самозванец Тома».

Дж. Д. Сэлинджер. «Над пропастью во ржи».

Книга, рекомендуемая его матери:

Альбер Коэн. «Книга моей матери»… Но тут я не уверен, потому что это книга о любви сына к матери.

— Это Энтони.

— Я узнал ваш голос. Я обдумал вашу ситуацию.

— Вы передумали? Вы больше не хотите заниматься мной. Я понимаю…

Энтони сказал это как мальчик, которому что-то пообещали, чтобы его обмануть.

— Нет, нет, успокойтесь. Я не передумал. Мои слова «обдумал вашу ситуацию» значат, что я подобрал вам текст.

— Прекрасно! А можно продолжить общение по телефону?

— Буду с вами откровенен: я бы предпочел, чтобы мы встретились для работы.

— Это будет очень сложно: у меня мало времени. Я редко выхожу на люди и люблю сдержанность. Общаться по телефону нам было бы спокойней. Может быть, я прошу у вас слишком

много?

— Скажем так: я не уверен, что моя терапия действует на расстоянии. Мы должны встретиться.

— Я знаю это, знаю… Обещаю вам прийти в ваш кабинет. Значит, вы подобрали текст?

— Да. «Одиссея» Гомера. Эта эпопея вам идеально подойдет. Назначим время встречи.

— Приключения Улисса, да?

— Да, именно они. Будущая неделя подходит?

— Я читал это в школе, когда был ребенком. Подождите минуту.

Я услышал шуршание мнущейся бумаги, словно телефон опускали в карман. Потом раздались громкие мужские голоса: «Что ты там еще затеял?», «Ты пойдешь с нами?». Они напомнили мне те, которые я слышал, когда подростком пытался играть в гандбол. Шесть адских месяцев я безуспешно старался забить гол. Я всегда бил слишком слабо, и вратарь останавливал мой мяч так легко, как будто я просто делал ему передачу. Ему не приходилось предпринимать никаких усилий. А для меня это была оправданная затрата энергии. Я был худшим гандболистом в истории. Мой тренер, хороший педагог, однажды вечером отвел меня в сторону после тренировки и заговорил на эту тему: «Алекс, у нас с тобой

маленькая проблема: ты никогда не забиваешь, а хочешь все дольше играть во время матча. Это невозможно». Я ответил ему, что, дольше находясь на поле, я, несомненно, буду иметь больше шансов увеличить счет — «скорировать», так он говорил, образуя это слово от английского «ско», что значит «счет». Этот глагол казался мне отвратительным: когда тренер его произносил, я слышал французское «скори́», которое значит «шлаки» или «отбросы». Забивать голы — почти выкидывать отбросы. Наш спор продолжался, не внося никаких интересных изменений в мое положение. Чтобы закончить разговор на хорошей ноте, он предложил мне послать мяч в пустые ворота, чтобы я увидел, как выглядит попадание мяча в сетку. Я это сделал, но не без труда, потому что был совершенно без сил. Сразу после душа моя карьера гандболиста закончилась. Голос Энтони, когда тот отвечал на вопросы, звучал не так, как когда он обращался ко мне. «Да, иду. Ты что, подыхаешь от голода? Погоди две минуты, я сейчас возьму сумку и приду». Разговор закончился откровеннейшим смехом.

— «Улисс»; я о нем и не подумал.

— Вы можете говорить?

— Нет. По-настоящему — нет.

— К следующему разу достаньте себе этот текст и начинайте его читать. Я объясню вам свой выбор. Вы понимаете, что по телефону это будет сложнее.

— Понимаю. Я вам перезвоню.

— Когда?

— Я не знаю.

— Я говорил вам: нужно назначать точное время наших встреч.

Нас прервал прежний громкий голос: «Шевелись, Энтони!»

— Алекс, я должен вас покинуть. Не беспокойтесь. До скорой встречи. Значит, Улисс.

— «Одиссея», Энтони. Не Улисс. До скорой встречи.

Итак, я обнаружил, что разговоры велись тайно. Это вызвало у меня любопытство. Я должен был работать с Энтони незаметно, а это было для меня чем-то новым. Несомненно, я буду должен расталкивать других локтями, чтобы занять место в его жизни, потому что люди, которые его окружают, кажется, по меньшей мере далеки от мира художественной литературы. Они прочно прикреплены к реальности. Их ступни приколоты к земле шипами, которые облегчают сцепление с поверхностью. Они — футболисты. В

этом виде спорта голова работает, но очень мало. Иногда она сталкивается с мячом. Делает это почти по ошибке, чтобы легче вернуться на землю.

В любом случае моя профессия приносит мне удивительные новости. После терапии на дому я пробую себя в терапии по телефону. Надо жить в ногу со временем… И работать!

Как обычно, я читал два часа подряд. Это передозировка слов. Глаза лопаются. Голова болит. Если слишком много читаешь, это вызывает болезнь, но не убивает. Я — живое доказательство этого. Кто-нибудь слышал, чтобы человек умер оттого, что прочитал всего Золя за неделю? Тексты, прочитанные в юности, — новеллы, романы, театральные пьесы, письма… Нет, от чтения человек не умирает, только становится немного больше мизантропом.

Чувства меры — вот чего мне иногда не хватает. Когда я был ребенком, мои товарищи приходили к богатому дому, в котором мы жили, и стучали в дверь. Я отказывался идти играть с ними. Моя мать сходила с ума: почему он никогда не хочет выйти? Потому что я читал. И эта зависимость от книг усилилась: я желал прочитать все, а это невозможно. Целые дни в муниципальной библиотеке. Я жил как затворник, но не как монах:

я не мог бы жить, не прикасаясь к женскому телу. Но мама этого не знала, и я старался продлить сомнения. Я получал удовольствие, когда заставлял ее верить, что меня интересуют только книги. На самом же деле я был влюблен во всех девушек, которых встречал. Когда я заговаривал с ними, то не мог удержаться, чтобы не процитировать того или другого писателя. Я считал, что благодаря этому буду что-то значить для них. Я ошибался: литература вызывала у них скуку. Они искали пылкого и мужественного поклонника, которым могли бы гордиться, а не мальчика, который способен декламировать Расина на краю бассейна, когда другие мужчины прыгают в воду, делая сальто вперед.

Моя мать тоже любила книги, но ее любовь не была зависимостью и не мешала ее общественной жизни. Я же отгородился от мира. Друзья стали реже приходить ко мне. Дружба — это присутствие рядом, это контакт. Это значит касаться друг друга, смеяться, видеть все мельчайшие подробности внешности друга.

Вскоре я уже не видел никого. Не виделся ни с кем до того дня, когда понял, что чтение может восстановить душевное равновесие, утешать страдающих и помогать им. Это и есть библио-

терапия. Она стала моей профессией. Поскольку слова способны уничтожить и поскольку все на этой планете содержит в себе два начала — положительное и отрицательное, чтение некоторых текстов имеет спасительные свойства.

Когда я произнес слово «библиотерапия» при моей матери, она решила, что я вступил в секту. Дианетика. Полное собрание сочинений Л. Рона Хаббарда. Литературный жанр — книги о развитии личности: «Законы успеха», «Счастье везде», «Стань тем, кто ты есть»…

Нет, я не желал заниматься такими сочинениями. Я хотел заниматься только литературой. Значит, не было никакого риска впасть в сектантское безумие. Но матери всегда беспокоятся о детях. Я не мать. Впрочем, я и не отец. Мелани хотела ребенка, но я ничего не знал о себе и не мог его хотеть. Стать началом чьей-то жизни на этой земле? Это вызывало у меня страшную тревогу. А если мой ребенок будет безобразным? Надо будет навязывать его внешность другим. И ему самому — с помощью зеркала-псише. Это меня не мотивировало. А если он будет идиотом? Например, горячим приверженцем гандбола с толстыми руками. О чем бы мы говорили? О его десяти голах в каждом матче? О моей негодности

ни на что в этом виде спорта?

Споры, напрасные обещания, когда я пожелаю что-то получить, — вот что принесло бы нам предполагаемое отцовство. И еще мадам Фарбер, которая, несомненно, подслушивала у нашей двери. Она знала о нас все. Уж не напичкала ли она нашу квартиру маленькими камерами? В кухне — чтобы убедиться, что мы не портим пол; в ванной — чтобы убедиться, что я действительно мужчина; и в спальне, чтобы видеть, как мы занимаемся любовью. Смотрит ли она на меня сейчас? На меня, который сидит совершенно один в захваченной книгами квартире, которую она мне сдает.

Мелани обязывала меня ставить их на место. Она была воплощением порядка. Как я мог любить женщину, которая ничего не читала? Может быть, я любил ее потому, что вместе мы образовывали что-то стоящее. Образовывали единое целое. Каждое лето она требовала у меня список «обязательных» книг. Я брал свой блокнот и начинал писать в нем заглавия, потом другой, и так до тех пор, пока листок не исчезал под словами. Она была не в состоянии сделать выбор, тогда я предлагал ей взять наугад роман в библиотеке, но она никогда этого не делала. Нужно было вы-

нуть чемоданы, гладить белье и — главное — не забыть косметику от солнца. Эти дела казались ей запретными для мужчин. Казались без всякой причины. Феминизм был принесен в жертву умению «хорошо подготовиться к отъезду в отпуск».

Когда Мелани не удавалось уснуть, она просила меня рассказать ей о том, что я читал. Я пересказывал книги коротко, одну за другой. Я дробил классиков на куски, чтобы они позволили нам уснуть. Слышала ли это Марселина Фарбер? Что ж, ей приходилось терпеть!

Я был полон слов и потому решил послать Мелани электронным сообщением несколько строк Верлена. Этот поэт-алкоголик и его двойник хорошо сочетались с моим положением. Я переписал строчки из его «Амура на земле»: «Ветер недавней ночи сбросил Амура на землю […] и меланхолические мысли кружат в моем сне, в котором глубокое горе напоминает, что будущее станет одиноким и губительным».

На этот раз у меня хватило сил нажать на «Отправить». И мне сразу захотелось остановить это сообщение. Но где оно? Где это сообщение? Раньше я мог напрасно ждать у реального почтового ящика, пока почтальон придет забирать почту. Невозможно было попросить у почтальона раз-

решения взять обратно письмо, которое я больше не желал посылать: я делал это уже минимум десять раз, и он меня знал.

«Добрый день, Алекс. Открыть вам ящик, как обычно?»

Я так неумело использовал чужие слова. Верлен был слишком печальным, слишком жалким. И слишком пьяным. А я был не в силах создать приложение, которое стало бы революцией в отношениях между людьми — функцию «Удалить» для уже отправленных сообщений. Тот, кто ее придумает, немедленно войдет в пантеон важнейших изобретателей. Но это буду не я. Чтобы создать что-то в этом роде, нужно очень хорошее математическое образование. А мое обучение математике закончилось в шестом классе.

Мои бесконечные сожаления (и безответный вопрос: почему я никогда не слушал своих учителей математики?) были остановлены появлением на экране моего мобильного телефона маленького значка «конверт». Новое сообщение. Эта пиктограмма была проста и понятна для всех. Я был далеко от поэзии символистов.

Мелани, которая обычно медлит с ответом, несомненно, была испугана словами поэта. Мы, наконец, опять начнем общаться. Разговаривать.

Может быть, выпьем вместе по бокалу. Пообедаем. Было приятно думать об этом. Я открыл сообщение и прочитал:

«Алекс, я жду вас сегодня в 15 часов. Мне очень нравится «Самозванец Тома». *Ян*».

Хорошая новость для мадам Фарбер и плохая для моего сердца. Когда ждешь от конкретного человека звонка или сообщения, которое успокоит твое ожидание, то все другие тебя раздражают. Даже самые близкие родственники или, как в данном случае, Ян и деньги, которые он мне приносит.

Мне была нужна любовь. Невесты больше нет, но есть мобильник в руке.

Социальные сети были созданы не для общения, а для утешения несчастных людей — и тех, кто потерял работу, и тех, кого изуродовал парикмахер. У меня есть работа — и такая, которая, пожалуй, возвышает человека (терапевтом становится не каждый, кто этого хочет). А мой парикмахер был бы достаточно приятным человеком, если бы не установил у себя в салоне граненый шар и не приплясывал, переходя от одного кресла к другому. Я всегда был доволен тем, как он меня стриг, хотя он и тратил на стрижку меньше десяти минут. Поскольку я виделся с ним

два дня назад, решил выложить в своей любимой социальной сети свой фотопортрет с большим контрастом. Хотел, чтобы меня полюбили в ответ. Средний план, спиной к зеркалу. У Нормана Рокуэлла есть что-то в таком же стиле, но кто об этом помнит?

Через две минуты начали приходить сообщения: «Слишком красиво», «великолепно», «прелесть»… Вечер в Каннах, я на красной дорожке, зрители кричат мое имя, чтобы привлечь мое внимание, и фотографы тоже. Опять «слишком красиво». Действительно, мое лицо, несмотря на неприятности, дышало здоровьем (странное выражение, пришедшее из другого времени). Мои друзья, мужчины и женщины, изливали на меня неиссякающий поток похвал. «Ты всегда такой же красивый». Спасибо. Нехватка сна, нехватка солнца — все это заглаживают, как полировка, лучи света. Мой мобильник устраняет проблемы. «Невероятно». Нет, именно вероятно! Я жив! И полностью владею своими ресурсами. И несколько минут был в центре внимания. Я пользуюсь этим. Ливень комплиментов от людей, которых я почти не знаю или которые не посмели бы сказать мне в лицо, как много красоты я внес в их жизнь. Муза 2.0. Если бы Ронсару выпала удача

быть моим знакомым, он, несомненно, прославил бы меня сонетом. Но я бы никогда не уступил его ухаживаниям. Это не по мне.

«Сонеты для Александра».

Это заглавие звучало немного приторно и напомнило мне заглавие «Баллада для Аделины»[7]. Так называется музыкальная пьеса, которая прославила одного пианиста, слишком хорошо причесанного, чтобы быть хорошим музыкантом.

Сообщения для Александра Пантократора приходили все реже. Друзья бросились на свои клавиатуры как голодные хищники из семейства кошачьих — на добычу, а теперь насытились и отдыхали на солнце до следующей фотографии. Я не сразу решился сделать новый автопортрет. Мне казалось трудным найти новый угол зрения и новый интерьер в такой квартире, как моя. Я не желал показывать всему миру свою личную жизнь. Хотел показать только свое лицо.

«Ты не похудел немного?»

Эти несколько слов незнакомого друга — парня, с которым я встретился всего один раз за

---

[7] Сноски: 7

Эту балладу написал Поль де Сенневиль в 1977 году, а известной она стала в следующем году, когда ее исполнил на пианино Ричард Клайдерман.

столом у друзей моих друзей, — заставили меня похолодеть. Похудел? Я никогда не взвешиваюсь. Коснуться напольных весов ступнями, дождаться, пока на дисплее появится ноль, замереть в ожидании цифры — это для меня слишком большой стресс. И доверять этому аппарату рискованно: ты никогда не уверен в правильности результата. Нет ничего лучше весов Роберваля, которыми пользовались на лекциях по естественным наукам. Старых ржавых весов.

Я подскочил к псише, чтобы проверить, действительно ли произошла та перемена в моем телосложении, которую он имел в виду. Никаких заметных признаков похудения. По какому праву он мог заставить сомневаться других? Худеть — начать исчезать. А когда не останется ничего, что можно заставить исчезнуть… Снова вспомнился Ронсар:

> *Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада*
>
> *Я приближаюсь, глух, изглодан, черен, слаб…*[8]

Социальные сети созданы для того, чтобы по-

[8] Сноски: 8

Пьер де Ронсар, из сонета «Я высох до костей…». Перевод В. Левика. (*Примеч. пер.*)

пытаться утешить несчастных.

Немного ономастики

Александр, Алекс.

Мои родители дали мне имя Александр. Я должен был называть себя «Александр». Выбора не было. Если бы я родился девочкой, я все равно носил бы имя Александр. Мои родители договорились бы об этом со служащим мэрии. Иначе быть не могло. Моя мать в это время писала диссертацию об Александре Дюма: «Исторические и вымышленные персонажи в творчестве Александра Дюма». Она стояла в нерешительности на границе между вымыслом и реальностью. Я был вымыслом до того, как с шумом ворвался в реальность.

Я родился в тумане и в литературе. Имя Александр мелькало у нее перед глазами сотни раз в день: Александр, Александр, Александр, Александр.

Наконец оно проникло в мои хромосомы, создало в них нарушения и погубило их. Бедные хромосомы! XX. XY. Непонятная смесь.

В конечном счете мама сделала поворот в сторону реализма и с профессиональной точки

зрения. Но мне кажется, что она до сих пор предпочитает вымышленного Александра, который жил в ее голове до моего рождения. Того, о ком она мечтала. Мужественного сына с пухлыми щеками и пышными волосами. Может быть, литератора. Того, кто способен писать романы в пятьсот страниц, а не только читать их.

Итак, меня зовут Александр. Чтобы хоть в малой степени вернуть себе контроль над своей жизнью, я решил, что меня должны называть «Алекс». Уменьшительное имя — уменьшение материнской власти. Моя мать так никогда и не согласилась ни с этой символикой, ни с самим укороченным именем. Она произносит «Александр» с таким сильным ударением на последнем слоге, что кажется, будто она восклицает: «Александре!»

Восклицать всегда означает выражать какое-то чувство. Готов держать пари, что в данном случае это разочарование.

Она была разочарована моим отношением к книгам. Я не подсчитывал число употреблений того или иного слова в каком-либо романе, я не обязательно искал в книге смысл, я ни с кем не спорил по поводу толкования того или иного текста. Я искал в нем силу и чувство. Восклица-

тельная функция текста!

Меня зовут Алекс, и я не пишу. И никогда не буду писать. Бедная мама! Кстати, она окончательно разочаровалась в сыне, когда он совершил преступление — оскорбление величества: продал редкий экземпляр «Двадцати лет спустя»[9] мошеннику-антиквару, чтобы купить себе гандбольные кроссовки с коричневыми подошвами.

Специальные спортивные кроссовки, которые я надел всего два раза: так сильно они терзали пальцы моих ног. Кроссовки, которые до сих пор лежат в нашем семейном жилище и оживляют самые худшие из злобных чувств, когда моя мать видит их на дне старого стенного шкафа, куда мы по традиции складываем все, что больше ни на что не годится. Этот шкаф — прихожая свалки.

«Приближается Рождество. Не забывайте, что Почта открыла бюро Санта-Клауса. Он ответит на все ваши письма — и детям, и тем, кто старше. Численность безработных по-прежнему растет. Премьер-министру надо бы прокомментировать эти цифры на завтрашней пресс-конференции. Новости спорта: Энтони Полстра, капитан сборной Франции, не вернулся в свой клуб после

---

[9] Сноски: 9

«Двадцать лет спустя» — продолжение «Трех мушкетеров», написанное Александром Дюма.

победы над Англией и начал жесткое противостояние с Парижем, потому что желает сменить обстановку. Эксклюзивное интервью со спортсменом будет в конце журнала».

У меня нет абсолютного слуха, но я легко узнал голос своего пациента-футболиста. Энтони — это Энтони Полстра. Чтобы получить о нем больше информации, я зашел на его страницу в Интернете.

«Французский спортсмен, родился в 1985 году в Сент-Этьене. Начал карьеру в своем родном городе, затем перешел в столичный клуб. Капитан национальной сборной и ее признанный бомбардир».

Эта скупая характеристика дала мне мало информации об отношениях Энтони с другими игроками команды и не дала совсем никакой информации о его отношении к чтению книг. После сжатой биографии было опубликовано множество его фотографий. И сколько снимков — столько же разных причесок. Длинные волосы, короткие волосы, связанные, приглаженные, бритая наголо голова, синие волосы, красные волосы… Это напомнило мне многих подростков, которых я встречал на улице. В конечном счете футболисты сменили писателей. В XIX веке все по-

эты подражали Бодлеру, а все романисты сначала Флоберу, потом Золя. В XX веке тексты были наводнены бесконечными фразами в стиле Пруста, потом эти фразы были разрезаны селиновскими многоточиями. Но тогдашним подросткам было наплевать на внешность их образцов. Рембо не одевался как Бодлер, когда копировал Бодлера. Мопассан не мечтал о брюшке как у Флобера. К счастью, Полстра влиял на моду в области причесок, и мне, по правде говоря, его вклад в эту моду не казался чем-то крайне важным. Со временем центры интереса сильно сместились.

Имя пациента: Энтони Полстра

История болезни:

Когда ты богат, красив, знаменит и обладаешь хорошим здоровьем, для тебя нет ничего легкого! Эта фраза могла бы стать началом очерка. Полстра не осознает своего могущества, своего влияния, того, какое место он занимает в обществе, ищущем героя. Его мучают вопросы, которых много (слишком много для футболиста?).

План работы:

Рекомендуемые сочинения:

Гомер. «Одиссея».

Какой-нибудь рыцарский роман — что-то из Кретьена де Труа или из Вальтера Скотта? Погони

верхом на конях, дуэли, победы, влюбленные молодые женщины. Полстра будет в восторге.

Он лжет, когда пишет, что ему лучше

Моя вторая встреча с Яном началась с чтения того, что он написал на своем планшете:

«Я редко говорю о себе. Я знаю, что вы сейчас рассмеетесь: «говорю»… я же не говорю, а пишу. Французский язык плохо устроен. Или, наоборот, устроен хорошо, я не знаю. Он позволяет сказать то, что невозможно.

Кажется, те, кому ампутировали конечность, продолжают чувствовать ее, хотя она была сожжена в ближайшей больнице. Я иногда слышу в своей голове, как звучит мой голос. В своих снах я тоже говорю. Я лгу себе. Вот почему мне нравится чтение книги про «Самозванца Тома» — обманщика. Мы хронические лжецы. Вы тоже, как остальные. Хронические больные узнают друг друга. Обманщик Ян. Обманщик Алекс.

Я лгу, когда пишу, что мне стало лучше.

Я лгу, когда думаю, что моя жизнь снова станет такой, как была.

Я лгу, когда не плачу.

Я лгу, когда заставляю мою мать верить, что я

ее ненавижу.

Я лгу, когда говорю, что я не страдаю оттого, что никогда не вижу своего отца.

Мой вызов вам — говорить правду, единственный раз».

Я знал, что Ян сложный человек, а теперь чувствовал, что он меня оценивает. Это озадачивало и немного смущало. Он был прав, когда сказал, что я тоже лгу. Но я приходил к нему не для того, чтобы говорить о себе. Он хотел, чтобы я еще почитал ему вслух текст Кокто. Поскольку он сам продвинулся достаточно далеко в чтении этой книги, мы скоро дойдем до конца романа.

— Ваше желание показать себя таким, какой вы есть, тронуло мою душу. В противоположном случае наше сотрудничество не дало бы никаких результатов. Я могу вам сказать, что вы прекрасно понимаете людей, которые вас окружают.

«Это потому, что я не трачу себя на слова. У меня есть время, чтобы наблюдать. А болезнь настолько стала частью меня, что я достаточно легко замечаю ее в других. Роман Кокто — прекрасный выбор для кого-то вроде меня. Деклассированный человек, который живет только иллюзиями, — это история Тома; и это моя история тоже. Поэтому я благодарю вас за то, что вы дали мне

эти пути для размышления. Я знал у Кокто только «Красавицу и чудовище». Полусумасшедший старик-преподаватель заставил нас изучить эту вещь. Жан Маре, плохо загримированный под рыжего дикаря. И с ляжками как у танцовщицы».

— Я знал, что эта книга тронет вашу душу. По крайней мере, я этого желал. Я иногда делаю ставки.

«Мы все их делаем. Я тоже делаю их в Сети. Это такое же занятие, как любое другое».

— Я в этом не сомневаюсь. Вы знаете про пари Паскаля?

«Нет, а при чем тут оно?»

— Я просто хотел сказать, что люди делают ставки уже много лет и во всех областях.

«Паскаль был букмекером? Я этого не знал».

— Был в определенном смысле.

«И он выигрывал свои пари?»

— Его нет в живых, поэтому он не может нам ответить. А дать ответ мог бы только он. Он считал, что с точки зрения статистики верить в Бога лучше, чем не верить. Поэтому я не знаю, выиграл ли он.

«А я выиграл! Я поставил на победу французской сборной над английской. Никто в это не верил. Полстра — невероятный игрок. Он артист.

Когда передает мяч, он, двигаясь, как будто чертит рисунок на поле, словно художник. У него все на своем месте, все имеет смысл. Как на картине Пинтуриккьо».

— Вы вызвали у меня интерес к этому игроку.

Я не думал, что когда-нибудь стану говорить со своими пациентами о футболе. Но нужно было признать то, что очевидно: этот вид спорта — неотъемлемая часть общества, и тот, кто желает избежать этой темы, мешает себе понять общество.

Дома я отыскал биографию Альбера Камю. На обложке была его фотография, где он показан в спортивной экипировке. Альбер Камю был вратарем команды «Рейсинг» Алжирского университета. Я быстро нашел для спорта поручителя-интеллектуала. Полноценного человека, у которого есть и голова, и ноги. И пусть плачут интеллектуалы, которых раздражает малейшее физическое усилие. Я пролистал книгу, которую никогда по-настоящему не читал. Одну из тех, которые купил и сразу поставил на полку. В начале одной главы — цитата из этого философа-романиста-футболиста-драматурга: «Тот небольшой запас морали, который у меня есть, я, в сущности, приобрел на футбольных полях и театральных

сценах, и они останутся моими настоящими университетами»[10].

Значит, основой интеллектуального формирования Камю был футбол. А я-то нажимал на пульте кнопку переключения каналов каждый раз, когда видел на экране телевизора спортивное поле… Конечно, футбол не случайно стал самым распространенным в мире видом спорта. Во всем есть смысл — в движениях Полстры по полю, в косых поперечных линиях его передач, в словах Яна, в его ставках, в том, что он читает «Самозванца Тома».

> Пуля, – сказал он себе. – я погиб, если не притворюсь мертвым.
>
> Но в нем вымысел и действительность были одним целым. Гийом Тома умер.

Роман закончился. Я поднял взгляд на Яна, который во время чтения не отрываясь смотрел на меня. Нужно сосредоточиться, чтобы не повредить текст; нужно играть чувства… Меня испугало застывшее лицо подростка. Со времени нашей первой встречи его глаза приобрели привычку ничего не выражать.

---

[10] Сноски: 10
Albert Camus. Pourquoi je fais du théâtre, 1959.

Ян спрятался. Секунда за секундой проходила в тишине, и это молчание все не заканчивалось. Я встревожился. Он не хватался за свой планшет, не шевелился. Я решил сам нарушить молчание:

— Вы хорошо поняли финал романа?

По-прежнему никакого движения. Может быть, я плохо произнес свой вопрос? Я его повторил:

— Вы хорошо поняли финал романа?

Подросток остался неподвижным. Совершенно ясно: это болезнь. Я решил позвать его мать.

Она вошла почти сразу, как будто подслушивала у двери. Мои глаза внимательно всмотрелись в нее, потом снова стали глядеть на ее сына, который ни на что не отреагировал.

— Что происходит? — спросила Анна.

— Ваш сын плохо чувствует себя, — ответил я.

Ян продолжал смотреть на меня. Мать без паники подошла к сыну и взяла его за руку. Групповая фигура «мать и сын». Сын мгновенно очнулся, как игрушечный робот, в котором зарядили батарейку, и набрал на клавиатуре несколько слов для своей матери:

«Оставь нас, мама, все хорошо. Я размышлял кое о чем».

И Анна ушла, словно ничего не произошло. Я подумал, что Ян мог бы мне объяснить, в чем

дело. Но нет — никаких объяснений, Ян снова принял прежний бесстрастный вид.

— Остановимся на этом сегодня. Я обещаю вам вернуться через два дня.

Он набрал ответ на клавиатуре, и на гигантском настенном экране появились слова:

«О'кей. До четверга».

Его мать ждала меня в коридоре. Она сказала мне, что со времени аварии Ян иногда впадает на несколько минут в полукоматозное состояние. Тело жило, но души в нем не было. «Я без меня», как написал Малларме в «Могиле Анатоля». Но сейчас я был не в литературном тексте. Я «попробовал на вкус» это ужасающее исчезновение живого существа.

— В такие моменты Ян становится чем-то вроде предмета — машиной, которая дышит. Врачи думают, что причина этого — напряжение и стрессы. О чем вы говорили перед самым приступом?

— Я просто спросил его, понял ли он финал романа, который мы читали вместе. Вот и все.

Нужно было жить с этим. Другого выхода не было. Медицина ничем не могла помочь Яну. Она, такая могучая и эффективная, не предлагала ему никакого решения. Отчаяние оттого, что

ему не повезло болеть излечимой болезнью. Его мозг время от времени отключался, чтобы защитить себя. Как перегревшийся прибор. Я слушал, как Анна говорила мне о своем сыне, и искал в литературе подходящие цитаты, чтобы помочь ей, чтобы сделать их опорами для ее рассказа. Я нашел их много, но предпочел промолчать: Анна не была моей пациенткой.

Возвращение боли: этимология

После остановки сердца мозг живет еще несколько минут. Этот установленный учеными факт объясняет, почему те, кто был на волосок от смерти, утверждают, что видели, как перед ними с огромной скоростью проносится их жизнь. Искаженные образы, неслышные слова — потому что надо спешить: после этого уже не будет ничего, и наш мозг это знает.

Какие образы возникнут в моем мозгу? Конечно, книги и Мелани. Она ушла еще и потому, что я никогда не ставил ее на первое место. Начнем сначала. «Все будет хорошо» — ее любимая фраза. Она непрерывно повторяла ее; она говорила это даже в тех случаях, когда на улицах Парижа тысячи демонстрантов кричали о своей ненависти. Мне нравилось думать, что присутствие рядом мужчины — мое присутствие — успокаивает ее. На самом деле я совершенно не был в этом уверен. Я был, если можно так сказать, частью ее набора демонстрантки, как подходящая пара обуви или одежда от K-way.

Мелани боролась за все и за всех. За однополые

браки, за прием мигрантов, за выдачу законных документов тем, у кого их нет. Это изматывало меня. Не потому, что я не поддерживал идеи, за которые она выступала, наоборот, поддерживал; я уставал просто потому, что заботиться обо всех в конечном счете означает не заботиться ни о ком. И ее демонстрации часто заканчивались бегством, потому что она выбирала только те случаи, когда два лагеря противостояли один другому. Это придавало остроту нашей жизни: по вечерам в кругу друзей мы могли рассказывать, как спаслись от группы скинхедов, спрятавшись в мусорном контейнере азиатского ресторана. Этот случай навсегда поссорил меня с вьетнамскими блинчиками «нэм» и другими блюдами из карамелизованной свинины.

Мелани напоминала мне тех маляров-любителей, которые однажды решают изменить цвета своей квартиры. Здесь положим синюю краску, там красную, эту плоскость покрасим зеленым, здесь будет серый цвет, не слишком темный, чтобы не уменьшить комнату (но как можно уменьшить комнату, не поставив перегородку?), здесь лиловый, здесь коричнево-серый. Через три часа в доме все накрыто чем-нибудь для защиты, но никто уже не чувствует себя в силах покра-

сить хоть что-то: работы слишком много. Нужно уметь ставить себе достижимые цели, даже если до начала работы они кажутся жалкими. Я однажды предложил Мелани стать крестной матерью маленькой козочки с плоскогорья Ларзак. Это казалось мне осуществимым и мужественным. Никто не интересуется этими маленькими животными. К тому же нам обещали присылать фотографии нашей крестницы, чтобы мы видели, как она растет. Но Мелани ответила резким отказом. Козий сыр, лежавший в холодильнике, на много недель попал под запрет: Мелани считала его провокацией. Лично я видел в нем сладостное воспоминание.

«Все будет хорошо». Значит — Мелани. Наша история на огромной скорости и без конца.

И книги. Слова других, не мои собственные. Все слова Альбера Коэна. Любовь, высокомерие, жалость, красота. Весь Коэн? Нет, надо выбрать. У мозга будет мало времени. Солаль. Пруст тоже, но он такой длинный. Как выбрать? Тогда лучше пусть будет поэт. Сюпервьель. Скачка на коне по пампе. Океан. Тишина. И пустота.

«Я не всегда ухожу в глубь себя один, я увожу с собой много живых существ…»

Я не пошел на назначенную встречу с Яном. Я

отложил ее на два дня, чтобы мальчик понял, что я не его слуга. Мне трудно было принять своим сознанием наш последний сеанс. И я — не просто чтец, я желал общаться с другими людьми, делиться мыслями о книгах, которые им советовал.

Я мог дать Яну время на размышление еще и потому, что ко мне обратился мужчина лет пятидесяти, желавший начать сотрудничество. «Сотрудничество» — совместный труд; вот это — верное слово. Новая встреча и немного денег, если все пройдет хорошо. Я даже мог бы заплатить мадам Фарбер, которая только что прислала мне заказное письмо с уведомлением о вручении, сообщая, какую сумму я ей должен. Но я знал эту сумму, 1800 евро. Два месяца просрочки. Гора, которую нужно перейти. Моя квартирная хозяйка заплатила 5 евро за это агрессивное письмо, хотя могла бы бесплатно подсунуть записку под дверь. Заплатила за удовольствие, чтобы письмо вручили официально.

Анна плохо восприняла новость о том, что я задержусь.

— Через два дня? Но Ян был так счастлив видеть вас. Алекс, скажите откровенно: вы ведь вернетесь, да? Я знаю, что последняя встреча прошла

плохо, но уверяю вас: больше такого не случится. Не оставляйте нас.

Она боялась, что я откажусь выполнять ее поручение. Снова проводить весь день наедине с сыном в этом ледяном доме. В мире Кафки; в холодном ресторане. И не пробовать ничего из внешнего мира — больше не слышать его звуков, не чувствовать его запахов.

— Конечно, не оставлю, — ответил я. — Я никогда не покидаю человека в пути. Сейчас у меня возникло срочное дело, но не беспокойтесь: я вернусь.

Анна не знала, что я всегда охотно брал на себя роль покинутого. Она надевалась на меня, как идеально подогнанный костюм. Я даже мог бы сказать, что она прирастала к моей коже, становилась ее частью.

До Мелани у меня была Элоиза. Чудесное имя: весь Руссо в семи буквах — «Новая Элоиза». Я полюбил эту девушку еще до того, как увидел. Влюбился в нее, когда преподаватель в университете назвал ее по имени, чтобы передать ей проверенную письменную работу. Элоиза! «О-И» — великолепное сочетание звуков: два гласных как будто обнимают тебя. Имена литературных героинь (снова «о-и») всегда очаровывали

меня. Таосер, Береника, Эсмеральда, Кунигунда[11]. Правда, из романа-сказки Вольтера я прочитал только начало.

В тот день моей прекрасной Элоизы (я был уверен, что она красива) не оказалось в аудитории. Она не могла спуститься по ступеням амфитеатра и предстать перед моими глазами. И тогда я назвался ее другом, чтобы забрать сочинение и передать ей позже. Преподаватель согласился на это и, отдавая сочинение, сопроводил его фразой, которая была великолепна своей паузой: «Я доверяю вам, молодой… человек». Элоиза. Все это из-за имени. Через несколько дней после этого я отдал ей сочинение. Я попросил в аудитории: пусть ее предупредят, что незнакомец забрал ее сочинение и хочет вернуть его ей.

Я занял место в самых верхних рядах, чтобы увидеть, кто из девушек станет поворачиваться, ища незнакомца. А также из предосторожности: если бы студентка оказалась уж очень безобразной, я мог бы опустить глаза и сделать вид, что не имею никакого отношения к этой истории. Но Элоиза была прекрасной. Такой же прекрасной,

---

[11] Сноски: 11

Героини соответственно «Романа мумии» Теофиля Готье, драмы Расина, названной именем героини, «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго и «Кандида» Вольтера.

как девушка с картины Вермеера. И наша история началась: я передал ей сочинение по «Пармской обители». А в этом романе есть Клелия.

Конец истории оказался до ужаса банальным. Мы собирались быть вместе до конца наших дней и все такое. Но будущего вместе не получилось. В общем, мы слишком хорошо ели, и оба поглощали кушанья с неудержимым аппетитом. Однажды утром мы заметили, что на столе пусто и в холодильнике тоже. Элоиза ушла за покупками и не вернулась. Невозможно купить любовь, когда ее больше нет. Я потом много лет хранил это сочинение под килограммами книг, среди которых, конечно, был и Руссо. Три балла из двадцати возможных, и красными чернилами — замечание старика-профессора, такого старого, что, казалось, он умрет после часа работы со студентами: «Недостаточно носить имя литературной героини, чтобы писать приятные и умные сочинения».

Надо бы никогда не позволять литературе решать, как нам жить, но для того, кто живет в литературе, это невозможно. Моя мать долго пыталась уберечь меня от этого подводного камня — и не смогла. Когда ребенок осознает, что его родители могут ошибаться, земля уходит у него

из-под ног.

Мелани так хотела иметь ребенка. А я боялся той минуты, когда наш ребенок задаст своей матери этот вопрос. Я избегал этой темы. Нас ничто не заставляло торопиться. «Вся жизнь впереди»[12]. Настолько впереди, что ее невозможно схватить.

[12] Сноски: 12

Название романа известного и очень талантливого французского писателя Ромена Гари. (*Примеч. пер.*)

Маленькая старушка и футболист в супермаркете

Когда зазвонил мой телефон, я был в супермаркете. Поскольку съедобную книгу пока еще не изобрели (кстати, эту идею стоило бы разработать), я должен питаться, как любой другой человек. На экране появилось имя Энтони. У меня было две возможности:

• Не отвечать и связаться с Энтони позже. В любом случае у меня не было с собой расписания приемов, чтобы наметить время нашей с ним встречи в кабинете.

• Ответить и рисковать, что меня побеспокоит старушка, которая попросит помочь ей дотянуться до высоко уложенных валиков для мытья стекол. Всегда найдется мамаша, которая о чем-то попросит.

На самом деле решение было принято быстро. Людей, у которых в жизни действительно есть выбор, не так уж много. Остальные, такие, как я, только воображают, что он есть; они изображают сомнение и размышление, хотя решение приняли за одну минуту. Это — полная проти-

воположность взглядам Сартра, если, конечно, я верно его понял.

Я ответил.

— Я не побеспокоил вас, Алекс?

— Нисколько, Энтони. Я ухожу из зала, где закончился коллоквиум по библиотерапии.

— Вы могли бы уделить мне две минуты?

— Конечно, могу. Вы хотите выбрать время встречи?

Функция автоматической фотосъемки в телефоне не станет прогрессом для миллионов лгунов и лгуний, у которых есть мобильные телефоны. Слово «коллоквиум» звучало серьезней, чем слово «супермаркет». Мои глаза искали убежище.

— Кстати, я прочитал другие приключения Улисса. Он в самом деле потрясающий.

— Отважный, пылкий, решительный. Он вам никого не напоминает? Но об этом мы поговорим, когда встретимся с вами, Энтони.

— О еще одном персонаже из книги?

— Нет, о людях из реальной жизни.

Я отошел в сторону, в отдел «Корма для животных». В этот час хозяева домашних любимцев выгуливали своих питомцев и еще не думали об обеде. У меня было две минуты, пока не подойдет охранник. В супермаркете покупатель, который

кружит по какому-то одному отделу, несомненно, вор.

— Я не знаю…

— Я говорил о спортсменах! О вас, Энтони! Вы — герои современных эпопей.

— Это слишком сильно сказано.

— Не думаю, что вы правы. Вы играете ту же роль, что эти античные герои.

В отдел вошел охранник. На его месте я поступил бы так же. Меня здесь ничто не интересовало. Я ненавижу домашних животных — их запах, их трение о хозяина. Ненавижу собак, которые подают лапы, кошек, которые приносят птиц, грызунов, которые бегают всю ночь.

Я перешел в другой отдел — «продукты для раннего завтрака». Вдруг мне на плечо легла чья-то ладонь. Продолжая говорить об Улиссе, я узнал мадам Бельтран, мою соседку снизу. Улисс и его сила. Мадам Бельтран и ее девяносто лет.

— Доброе утро, Алекс. Вы не могли бы достать мне сверху вон ту банку варенья?

Конечно, она мне мешала, но я плохо представлял себе, как отказаться исполнить ее просьбу.

— Энтони, пожалуйста, подождите одну секунду: коллега задал мне вопрос.

— Я терпеливо жду.

Желанная банка с вареньем стояла на самой верхней полке стеллажа, ближе к потолку, чем к полу.

— Разумеется, могу, мадам Бельтран.

Несомненно, преклонный возраст моей соседки мешал ей правильно воспринимать реальность. Чтобы дотянуться до верхней полки, нужно было иметь рост метр девяносто сантиметров.

Девяносто лет и метр девяносто: все совпадает. Я встал на первую полку, чтобы иметь опору под ногами. Поднял руку как можно выше — и мои пальцы коснулись банки, которая казалась мне чашей Грааля. Делая величайшее усилие в более чем неудобной позе, я повернулся к мадам Бельтран и спросил:

— Это она?

— Нет, мне не малиновое, а грушевое, оно рядом.

Подвиги величайших атлетов кажутся легкими, когда видишь их на экране телевизора, сидя в кресле. Бросить оранжевый мяч прямо в корзину, которая висит на высоте трех метров, выполнить подачу со скоростью двести километров в час, обвести пять защитников и забить гол…

Я был атлетом, моя соседка зрительницей. Я посмотрел на нее и изобразил мимикой, что понял

ее уточнение. Затем продолжил восхождение, то есть поставил ногу на вторую полку. На этот раз я собирался завладеть грушевым вареньем. Очень вкусный продукт, но он не заслуживает таких усилий. Я надеялся, что мадам Бельтран в награду пригласит меня на полдник. Она прекрасно пекла блины. Иногда, если она неточно рассчитывала или внуки обещали прийти, но не приходили, или просто потому, что считала меня приятным человеком, она приносила мне несколько штук. Без всякого сомнения, она меня вознаградит.

— Вы хотите именно грушу?

— Да, ее, — с наслаждением ответила она. — Алекс, простите меня за беспокойство.

— Вы ничего плохого не сделали.

— Мои внуки должны прийти на полдник, и я обещала им блины.

— Я был в этом уверен…

— Что вы сказали?

— Ничего. Я не могу взять банку. Мне очень жаль. Попросите охранника.

Я спустился со своего пьедестала. Нужно уметь оценивать риски. Я не Улисс.

— Я не хотела, чтобы вы ранили себя, — сказала старая дама.

— Было бы жаль, если бы это случилось. Я

больше не мог бы работать. Удачного дня, мадам Бельтран.

— До скорой встречи, мой дорогой. Зайдите ко мне домой без колебаний.

Я не собирался колебаться ни минуты. Я зайду к ней, как только запах блинов проникнет в мои ноздри. А пока что меня звал голос из кармана брюк. Маленький дух, запертый в кармане.

— Алекс, Алекс…

Это говорил Энтони. Вовсе не дух и совсем не запертый.

— Простите, Энтони; я не забыл о вас. Вернемся к нашему разговору. Итак, я говорил, что спортсмен, в том числе вы — современное подобие античного героя. Тот, кто совершает подвиги, о которых мечтает народ. Вы слушаете меня?

— Да, слушаю. О'кей насчет подвигов, но если я буду знать, что я современный Улисс, чем это мне поможет?

— Потерпите; нужно сформулировать понятия. Улисс сложный персонаж. Гораздо более сложный, чем о нем говорят согласно традиции. Вы это поймете.

— Желаю понять.

— Вы собираетесь перейти в другой клуб?

— Не знаю.

— Я слышал вас по радио. Ваш голос очень хорошо воспринимается.

— Скажите это моему президенту.

— Я полагаю, у вас с ним напряженные отношения.

— Это самое меньшее, что можно сказать.

— Вы желаете покинуть Францию?

— Возможно.

— Я не журналист. Вы можете говорить.

— Я немного недоверчив. Поставьте себя на мое место.

— Профессиональная тайна, Энтони, профессиональная тайна.

Если говорить честно, в нашем сотрудничестве было больше любопытства, чем осознанной необходимости. Со мной говорил по телефону человек, который был в центре внимания всех французских масс-медиа, и он был в одном шаге от того, чтобы сказать мне, где он будет играть в следующем сезоне. Это же была бы сенсация! Если он не станет следовать моим советам насчет чтения и ему придет в голову не слишком вежливо отблагодарить меня за советы, у меня будет прекрасный предлог, чтобы установить контакт с каким-нибудь информационным каналом. Заработать немного денег постыдным способом мне

бы не повредило. Я стал бы кем-то вроде Артюра Рембо от библиотерапии, «плохим мальчиком». Я тоже, как Рембо, написал бы кому-нибудь из своих бывших учителей (но кому?), которого желал бы «ограбить как подлец», как он сказал в одном из своих «Писем ясновидца». К несчастью, мое желание взбунтоваться против моего статуса честного человека было сметено следующей фразой Полстры. Я никогда не мог устоять против комплиментов, а он сказал:

— Я знаю, Алекс, что вы настоящий профессионал. Моя жена обожает Испанию. Может быть, мы поедем туда.

— По крайней мере, вы поживете при хорошей погоде.

— Но сейчас она и в Париже неплохая.

— Это правда, но, боюсь, это не продлится долго. Во всяком случае, вернемся к нашему чтению. Вам нужно бы прочитать главу о жизни Одиссея у Цирцеи и у Калипсо.

— Я это сделаю.

— И может быть, еще стихотворение дю Белле «Блаженны те, кто как Улисс…».

— Пришлите мне эту информацию эсэмэской: мне нечем ее записать.

— Давайте встретимся через два дня.

— Вы ничего не скажете обо мне?

— А что я мог бы сказать? Что ваша жена любит Испанию?

— Вы меня поняли.

— Я могу сказать, что вам нравится «Одиссея»?

— Да, без проблем. Хотя — нет, не говорите обо мне. Если пресса узнает, что я прохожу терапию…

— Половина французов проходят какую-нибудь терапию.

— Но не говорят об этом.

— Это верно. Так через два дня, Энтони?

— В какое время?

— В семнадцать часов, в моем кабинете.

— Значит, у вас, это мне не подходит.

— Сделайте усилие, это крайне важно. От этого зависит успех нашего сотрудничества.

— Отлично, я приду.

— И продолжайте читать. Я хотел бы поговорить с вами об эпизоде с сиренами.

Полстра закончил связь. Я не знал, услышал ли он конец моей фразы.

Возле кассы моя соседка стояла впереди меня. Банка варенья. Литр молока. Порция салата на одного человека. Два ломтя ветчины. Один рубленый бифштекс. Одиночество преследует

одиноких людей даже в супермаркете. Глядя на ковер, двигавшийся под нашими ногами, я понимал тех, кто толкал перед собой тележку. У них семьи, они набрали для семьи много йогуртов. Целые слои продуктов. Продукты яркие. Для одиноких есть продукты в более тусклых упаковках: у одинокого дома нет других людей, которых товар должен прельстить.

Я набрал продукты — шесть литров молока, пирожки, слишком сладкие напитки, полуфабрикаты из рыбы в сухарях и множество всего, что попало под руку. Лишь бы было много. Кассир понимающе улыбнулся мне, словно хотел сказать: «Да, если у человека есть семья, покупки — непростое дело». Он не знал, что я живу один. Хотя я уже не так одинок: мне нужно будет распаковать и расставить по местам все эти продукты.

Укладывая все это продовольствие в свою тележку, я снова подумал о Полстре. Он сумел начать сеанс библиотерапии посреди супермаркета. Когда мне задают вопросы о книгах, мне безумно тяжело не ответить.

Немного высоты

Из Канады, где я жил какое-то время, я привез диплом по библиотерапии, который почти не встречается во Франции, и большую любовь к чтению на высоте. Чтение на крышах позволяет человеку укрыться от дураков. Меня научил ему Джеф, чистокровный житель Квебека с психическим расстройством (которое никак не было связано с его американским происхождением), пожиратель жареной картошки по-квебекски с соленым сыром и сладковатым соусом, самого отвратительного блюда в истории человечества. Пока я читал, он фотографировал город. Подниматься вверх, чтобы описывать свои головокружения, — еще одна отсылка к Артюру Рембо. Джеф был таким же красавчиком, как этот поэт, но ничего не писал. Он был похож на Артюра Рембо во второй части его жизни, когда тот торговал оружием в Абиссинии, и был толще. Джеф любил меня, а я очень любил его снимки. Автострады на них были похожи на длинные и тонкие разноцветные леденцы, которые я ел в детстве. Только теперь не было риска заболеть ка-

риесом. Это возвращение детских воспоминаний было обоснованным: те леденцы были изготовлены на основе веществ, произведенных из нефти. Короче говоря, Джеф научил меня забираться на самые высокие крыши города. Я придавал этому упражнению свою собственную окраску — таскал с собой в карманах книги. Мы оставались вдвоем на крышах, одни в мире. Дружба на высоте. Как у Монтеня и Ла Боеси. Но всегда недоверчивая дружба. Джеф порой вызывал у меня беспокойство, когда пускался в длинные псевдопоэтические монологи. Он трубным голосом высказывал птицам, облакам, дымовым трубам свои дурацкие идеи, совершенно неожиданные, но всегда под девизом «бессмыслица». Джеф был похож на изящный труп, который стоит на ногах и гальванизирует себя словами, постепенно повышая их громкость. Заканчивал он криком. В такие минуты я боялся, что он сбросит меня с крыши, чтобы красиво закончить свою речь сюрреалистическим финалом. Я каждый раз отходил подальше от своего друга, когда чувствовал, что приближается конец монолога.

Когда я стал способен взбираться на вершины без его помощи, я стал проводить много часов подряд на крышах, читая. Никто мне не мешал.

Только иногда птица, которую, может быть, когда-то потревожил Джеф, удивлялась, что встретила человека, и нарушала мое спокойствие. Но каждый из нас уважал желание другого остаться в покое. Я не кричал. Я поднимал в высоту книги, которые этого не стоили, и оставлял их птицам.

Вернувшись в Париж, я сохранил привычку подниматься на крыши. Но здесь все было труднее: это, несомненно, особенность Франции. Подниматься на парижские крыши казалось мне сложнее, чем сложное маневрирование между препятствиями перед въездом на Элизе (похоже на новый вид автоспорта, он называется джимхана). Приятно было обманывать бдительность охранников или жильцов и ставить свои ноги над их головами. Читать, пока они ужинают, занимаются любовью, спорят между собой. Я никогда не беспокоил их, не пытался подсматривать за ними. Мне не было интересно смотреть на них. Мне было достаточно знать, что они здесь. Это казалось невероятным тем, кто замечал меня из своих квартир. Как будто подняться на большую высоту обязательно значит быть любителем подглядывания. В непохожести на других всегда есть что-то нездоровое, и порой оригинальность воспринимают как порок.

Сидя перед океаном серых красок и геометрическими фигурами из цинка, я позволял солнцу нежно танцевать на моих страницах, изменяя их цвет.

Танец солнца на крышах Оперы — незабываемое воспоминание. Танец солнца на моем экземпляре «Страданий юного Вертера». Лотта.

«Когда она, говоря что-нибудь, кладет свою ладонь на мою, когда во время беседы она приближается ко мне и ее божественное дыхание касается моих губ, мне кажется, что я падаю, словно в меня ударила молния».

Потом я убегал. В службе безопасности сказали: «Он хочет убить танцовщиц». Я не «он» и не террорист. Я библиотерапевт. Танцовщицы меня не интересуют, кроме тех, которые написаны на картинах Дега. Да и те слишком дорогие и старомодные.

Я предпочитаю роскошное здание с истерзанными телами. Потом пришлось давать объяснения в полицейском участке. «Покажите свое оружие!» Вот оно: книга из 220 страниц. Нет, я не сумасшедший. Да, фотография в удостоверении личности моя. Я подношу удостоверение к своему лицу. Смотрите! Это я! Я знаю, что сильно изменился. Не все полицейские физиономисты.

Проверки заняли много часов. Полицейские брали мою фотографию и приставляли ее к моему виску, потом позвали специалиста по идентификации. На меня смотрели с улыбкой. Вскоре все выяснилось, и я пробормотал в свою рождающуюся бороду:

— «О смертный, как мечта из камня, я прекрасна».

— Вы что-то сказали?

— Ничего.

— Нет, я слышал, вы что-то сказали.

Это произнес специалист. Тот, кто с одного взгляда должен был понять, что я не человек с фотографии. Или наоборот. Этот специалист, должно быть, не узнавал собственных детей, когда они переодевались для карнавала. Как можно не увидеть, что я — это я?

— Я цитировал Бодлера. Стихотворение «Красота». Это карается законом?

— Читали стихи! Вы здесь не в школе. Но повторите-ка, я хочу послушать.

— «О смертный, как мечта из камня, я прекрасна».

— И что это значит?

— Не знаю.

— Значит, так можно говорить людям то, что

они не понимают. Хитро придумано. Вы смеетесь над нами?

— Вовсе нет. Я просто расслаблялся, пока вы меня рассматривали.

— Вы знаете продолжение?

— Того, что происходит сейчас? Знаю ли, что со мной будет дальше?

— Нет, продолжение стихотворения. Вы ничего не поймете.

— «И грудь моя, что всех погубит чередой, сердца художников томит…»

— Хватит Бодлера; тебя достаточно долго слушали.

Потом я много часов сидел в камере-вытрезвителе: все остальные клетки были заняты. Это было уже слишком: я редко пью спиртное, и голова у меня от него не болит. Закончив проверки, они решили вернуть мне свободу. Правда, это только говорится «вернуть»: на самом деле мне ничего не вернули, меня толкнули к выходу. Два часа назад мне не позволяли сделать одному даже шаг. Меня конвоировали два полицейских, страдавшие от нехватки приключений. Со мной они могли играть в сильных и получать от этого удовольствие.

— Я могу забрать свою книгу?

— Ах да, ваша книга. Я не знаю, куда ее положил. Зайдите за ней позже: мне нужно выслушать еще несколько человек. Я загружен по горло.

— Эта книга мне дорога.

— Успокойтесь. Вы же не станете устраивать скандал из-за какой-то книжки. Когда будете выходить отсюда, загляните в магазин сети Fnac. Там столько книжек!

Если хорошо подумать, его аргумент был похож на мое возражение маме после того, как я продал редкий экземпляр «Двадцати лет спустя», чтобы купить себе кроссовки для гандбола. Жизнь всегда заботится о том, чтобы нас наказать.

Человек доброй воли

Стук в дверь.

Я открываю ее. Отправляюсь в неизвестность. Я никого не оставляю равнодушным. Мгновение неуверенности. Мужчина, который стоит передо мной, не реагирует на мою нерешительность. Я чувствую, что внутри меня шевелятся какие-то образы, как в компьютере, в котором произошел сбой. Шум обогревателя. У мужчины на лице капли пота. Четыре этажа пешком: для этого нужно быть достойным меня или быть в полном отчаянии. Он болтается в слишком широком для него костюме. Костюм серый — одежда торгового агента, который ищет, кому бы продать товар. Осанка человека, который в жаркие летние дни водит автомобиль по столице, раздевшись до пояса. Обычно я отвечаю таким людям: «Ваш случай меня не интересует», но в этот раз — нет. Меня интересует, решится ли он начать разговор.

— Добрый день. Меня зовут Роберт Чэпмен. Извините меня за одышку, но на улице очень жарко. Я отвык от физических упражнений.

— Добрый день, месье Чэпмен. Входите, пожа-

луйста.

Он вынул из кармана тряпичный носовой платок и вытер лоб. Эти носовые платки — рассадник микробов. Я думал, что они исчезли еще лет десять назад, но они еще тайно живут в нескольких карманах. Тайное общество тряпичных носовых платков.

Роберт Чэпмен. Эта фамилия мгновенно напомнила мне про Джорджа Чэпмена, серийного убийцу из XIX века. У этого типа была дурная привычка отравлять своих подружек. Они жаловались на постоянные боли в желудке, но никто всерьез не обращал на это внимания. У всех людей бывают боли в желудке. У всех, кроме Джорджа, которого повесили.

Впрочем, «мой» Чэпмен выглядел совершенно безобидным. Только немного уставшим.

Итак, «мой» Чэпмен обратился ко мне потому, что один из его друзей уже опробовал на себе библиотерапию — и успешно. Чэпмен пошел мне навстречу — упомянул про стресс, который подтачивает его жизнь с тех пор, как он посвящает большую часть своего времени работе. Профессиональное выгорание.

Я уютно усадил его в чудесное кресло от Икеа, которое мне оставила Мелани. А ведь оно было ей

очень дорого. Может быть, однажды она вернется забрать его. А пока она не всегда отвечает на мои сообщения.

Для начала я попросил Чэпмена рассказать мне, как проходит его обычный будний день.

— Я должен встать в 5.30, чтобы просмотреть почту и папки с делами до того, как проснутся дети. В 7.30 я ухожу в бюро. Рабочий день у меня начинается в 8.30, но лучше прийти заранее. Мой начальник не любит тех, кто опаздывает. Он ценит тех, кто приходит рано. Работаю до двенадцати. Перерыв на завтрак: 20 минут. Снова в бюро до 19.30. Если работа над делами продвинулась хорошо, возвращаюсь домой. Если нет, бывает, что сижу в бюро до поздней ночи. Вы мне не поверите, но случалось, что я ночевал в своей машине. Какая польза возвращаться домой в 4 утра, чтобы встать через полтора часа? У меня минивэн, в нем можно вытянуться на три четверти роста. Моя жена думает, что я ее обманываю. Ее сослуживцы тоже так думают. В такой ситуации трудно не вообразить, что муж изменяет. Но я ее не обманываю. Да и как бы я смог это сделать? В какой момент? И она мне дорога, хотя я и провожу самую светлую часть своей жизни в бюро: когда я возвращаюсь домой, уже темно. Я спрашиваю

себя, видел ли я когда-нибудь свою гостиницу при дневном свете. Я все время смотрю на свой смартфон. Он для меня как бутылка с кислородом. Или, вернее, как подушка, которая меня душит. Я сплю очень мало: всегда кошу глазом на телефон, слежу, нет ли красной точки, которая указывает, что пришло сообщение.

— Вы хорошо сделали, что пришли ко мне, месье Чэпмен: библиотерапия дает хорошие результаты в таких случаях, как ваш. Мы вам поможем.

Когда я сказал «мы», хотя один пытался утешить этого несчастного, я это сделал, чтобы выглядеть немного солиднее, немного значительнее. Слово «мы» всегда успокаивает, как вторая футболка. Произнося его, я чувствовал себя так, словно вместе со мной работает команда из пятнадцати человек. И словно я добиваюсь результатов в любых обстоятельствах. Второе верно лишь отчасти. В моей области ни в чем нельзя быть уверенным. В том, что касается разума, никогда нет полной определенности. Но Чэпмену не полагалось это слышать. Нужно было дать ему время, и это была самая большая трудность. Чтение — пожиратель времени, а Чэпмен уже потратил половину срока, на который рассчитаны песочные часы. Я не стал

сразу говорить ему, какую книгу я желал бы, чтобы он прочитал. «Проезд закрыт». За годы работы я стал достаточно талантливым лжецом. Человек гордится тем, чем может. В конце концов, у меня есть много общего с торговым агентом, у которого плохо идут продажи. Мне не хватает только такого же костюма.

— Я вам верю. Я не хотел начинать процедуру, в которой слишком много медицинского. Я всегда боялся врачей. Мой отец был врачом. И могу вам сказать, что он «лечил» меня очень оригинальным образом — побоями по рецепту. По специальности он был семейный врач, но для чужих семей, не для собственной. Я для него значил меньше, чем старики, которыми он занимался. Зато он постоянно носил белый халат, даже когда не был на «службе». Вот почему я выбрал библиотерапию. Я знал, что здесь никогда не увижу этот халат.

— Ну, в этом смысле вы ничем у меня не рискуете. Я не ношу белый халат! И я не предлагаю химические медикаменты. У меня просто слова. Последовательность слов, которые, я надеюсь, найдут отклик в вашей душе. Я хотел бы, чтобы вы сегодня прочитали один текст. Но сначала скажите мне, какие у вас отношения с чтением.

— Раньше я много читал, теперь уже нет. Как я вам только что объяснил, у меня нет на это времени. Но я хочу измениться! Я действительно хочу снова погрузиться в книги.

— В какое время вашей жизни вы много читали?

— Могу сказать точно: от пятнадцати до двадцати пяти лет. Пятнадцать лет мне было, когда умерла моя мать. Я прочел «Постороннего» Камю: «Сегодня мама умерла». Это время имело для меня два смысла: потеря самого дорогого в моей жизни человека и открытие литературы. Мне помогли книги. Я читал все, что попадало мне под руку. Это был способ уйти от этого мира, оборвать мрачные мысли. А в двадцать пять я нашел серьезную работу. В торговле. Продажа ручных часов класса люкс. С того времени я забросил книги. В люксовом часовом магазине персонал читает мало. Клиенты, состоятельные люди, тоже не читают. Мне стало не очень интересно говорить о литературе. Вы заметили, что богатые люди почти никогда не читают?

— Я знаю очень мало богатых людей и поэтому не могу вам ответить. Как вы объясняете эту закономерность?

— Книги не приносят никакого дохода! Посмот-

рите хотя бы на нищету писателей. Они сотни лет жалуются на свое нищенское существование. Часы, которые я предлагаю, стоят тридцать или сорок тысяч евро. Кто-нибудь заплатит столько за книгу? Сомневаюсь.

— Может быть, коллекционеры платят. Однако не будем говорить о страданиях артистов. Вот несколько листков, которые я приготовил для вас. Прочитайте их в спокойной обстановке, а потом посмотрим, что мы сможем из них извлечь.

И я протянул ему несколько листов формата А4, напечатанных в расчете на то, что они смогут его заинтересовать. Чернила — самая дорогая жидкость в мире. Настоящее черное золото. Золото всех цветов. Купленное на все мои оставшиеся деньги, на которые я должен был дожить до конца этого бесконечного ноября.

— Простите меня, но у меня немного влажные ладони: жара, стресс. Я бы не хотел повредить эти листы. Прочитаю их в метро. Когда у нас новая встреча?

— Прочитайте их спокойно и приходите снова через неделю. Мы поговорим об этом тексте.

— Через неделю? Отлично: у меня будет время выполнить задания. Я приду примерно в двадцать часов.

— В двадцать часов?

— Раньше невозможно. Я смог отпроситься только на сегодня. Мой начальник думает, что я у хирурга. Я купил на специальном сайте фальшивую справку для подтверждения этого.

— Я не знал, что существуют такие сайты.

— Итак, в двадцать часов?

— В двадцать. Приятного чтения.

Я уже представлял себе выражение лица спрятавшейся за своей дверью мадам Фарбер. Принимать пациентов в такое позднее время! Она может подумать, что я вступил в какую-то маленькую тайную группу сепаратистов. В подпольное общество. Или что я продаю запрещенные вещества. Это я-то, который провел ночь в отделении скорой помощи после того, как выкурил одну легкую «Мальборо» для подростков! Марселина начнет расспросы по этому поводу. Может быть, я попрошу на специальном интернет-сайте справку:

«Месье Алекс Т. принял в 20 часов месье Роберта Чэпмена с целью заработать немного денег, чтобы погасить задолженность по арендной плате».

Разумеется, с печатью «Подтверждаю».

— Мы закончим не слишком поздно?

— Не знаю; это вы желаете, чтобы мы встрети-

лись ночью.

— В двадцать один час будет футбольный матч, который я не пропущу ни в коем случае.

— Мы закончим быстро.

— Это, возможно, последний матч Полстры во Франции.

— Снова Полстра…

— Вы с ним знакомы?

— Только знаю его по имени.

Мы «знали по имени всех». Джеф, квебекский любитель высоты, когда я однажды его спросил, знает ли он Гюго (в этом случае «знать» означало «прочитать»), ответил: «Да, по имени». Этот странный ответ испугал меня до ужаса. Глагол «знать» опасен. И я вспомнил о библейском значении этого глагола, которое было бы еще менее уместно в этой ситуации:

«И познал Адам еще жену свою, и она родила сына…»[13] Если бы я сказал Чэпмену, что Полстра — один из моих пациентов, Чэпмен не отстал бы от меня. Он попросил бы у меня позволения пообедать вместе со мной, полулежа на моем канапе, в надежде, что футболист неожиданно ко мне зайдет. Когда речь заходит о футболе, взрос-

---

[13] Сноски: 13
Бытие, 4: 25.

лые мужчины снова становятся мальчиками. Чэпмен — мальчик с фамилией убийцы.

На лестничной площадке Чэпмен едва не споткнулся из-за развязавшихся шнурков. Он никогда не умел завязать их правильно. Четыре или пять раз в день ему приходилось наклоняться, чтобы повторить это несовершенное движение, жест-замену, который один друг Чэпмена, огорченный его неловкостью, показал ему, когда тот был еще подростком: «Сделай две петли, скрести их, и все готово». Друг его подвел: Чэпмен достаточно скоро понял, что этот прием хотя и казался достаточно похожим на классический, на самом деле был только низкокачественной заменой.

А маргарин никогда не будет иметь вкус масла. Пока он возился со шнурками, свет погас. Чэпмен стал на ощупь искать выключатель. В конце концов он нашел кнопку и нажал на нее. Это была кнопка звонка. Алекс открыл дверь, и свет из его квартиры осветил площадку. Глаза Чэпмена сузились.

— Вы что-то забыли?

— Нет. Мне очень жаль, что так вышло: я искал выключатель.

— Ничего страшного. Он размещен очень неудачно; вы не первый, кто столкнулся с этой

проблемой.

Алекс вышел на площадку и зажег свет. Потом он подошел к Чэпмену, который по-прежнему почти сидел на полу. Редко случается, что человек при встрече с тобой находится в этой позе.

— До следующей недели!

Чэпмен закончил свое дело и, выпрямляясь, уронил конверт, который носил в кармане пиджака. К счастью, он заметил это, крепко сжал конверт и улыбнулся от удовольствия. Конверт много для него значил.

На двери были написаны два имени:

Мелани Аттал/Алекс Дрю

Входя, Чэпмен не понял, что эти слова звучали в его маленькой голове нескладно. Как мелодия с поцарапанной пластинки.

Странно иметь имя Алекс. Ну да, в этом нет ничего плохого, но имя слишком короткое, выглядит как обрубок. Для Чэпмена в нем чего-то не хватало.

Свет опять погас. Чэпмен, полностью погрузившись в свои достойные худшего из последователей Пруста размышления об именах, не имел силы духа сообразить, что таймер продолжал работать. На этот раз он без труда нажал на вы-

ключатель: мозг запомнил, где тот находится. Чэпмен несколько раз подряд прочитал: «Мелани Аттал». Эти два слова хорошо сочетаются, подумал он. В них все на месте.

Личные почтовые ящики получили широкое распространение еще в XIX веке, но, кажется, до кого-то эта информация не дошла до сих пор. Я терпеть не могу эту болезненную страсть подсовывать почту под дверь. Кто-то подошел к моей квартире так близко, что почти мог просунуть в нее письмо. Тут все дело в «почти». Наполовину у меня, наполовину на площадке. Наполовину цело, наполовину разорвано. Письмо для Мелани, имя которой еще было указано на двери. Убрать его оттуда означало полностью уничтожить надежду на ее возвращение. Значит, отправитель письма не знает и о том, что она меня бросила. Кто же это? Никакого штемпеля. Загадка в стиле тревожного ожидания.

Я отложил письмо. Это случай увидеть ее. Конечно, она подумает, что это я повредил ее почту. Но это не важно. Одной претензией больше. К счастью, тулонской каторги больше нет. Я никогда не был ревнивым. Благодаря Богу. Благодаря Прусту. Бегать по Парижу всю ночь в поисках Мелани — какое несчастье! Допрашивать ее много

часов подряд, чтобы узнать, как она проводит время, — нет уж, спасибо! И хотя она мне не верила, когда я формулировал это утверждение, я не знал по-настоящему, что это за чувство. А потому я не ощущал никакого желания вскрыть это письмо. Что внутри? Имя поклонника? Записка с оскорблениями? Возможно все.

Имя пациента: Роберт Чэпмен

История болезни:

Переутомлен. Чтение будет для него переобучением. Снова научить не торопиться. Не останавливаться на его удивительных замечаниях. Он явно по-своему чувствительный человек. Добровольно пришел сюда, хотя знает, что это причинит ему боль.

План работы:

Рекомендуемые книги:

Иван Гончаров. «Обломов»: это очевидно!

Милан Кундера. «Неспешность». Может быть. Верхом на коне с Виваном Деноном.

Мишель де Монтень. «Опыты». Не торопиться.

«Будьте внимательны. Для вашей безопасности мы советуем вам следить за своими вещами и держать их возле себя. Не стесняйтесь сообщить нам о любом пакете, который покажется вам

бесхозным».

Станция «Порт-Майо».

Утром Чэпмен обнаружил, что семейная стиральная машина перестала работать. Он пошел в кладовую за своими только что постиранными брюками. Они были сухими, потому что машина не работала. Может быть, дело в уличной жаре. Он, невнимательный в этот утренний час, наступил на одну из расставленных по комнате мышеловок. Щелк! Проклятый грызун, которого он не может выгнать, несмотря на целый арсенал оружия! Уже много недель продолжается эта борьба с невидимым врагом. Перегрызенные провода, помет в разных местах дома. Безнадежно пустые мышеловки вызывали у Чэпмена мысль, что у мышей произошла мутация и теперь эти зверьки знают, что к приманкам нельзя приближаться.

Все расшаталось. Ничто не существует долго, кроме мышей. Времена года переплетаются одно с другим, и получается путаница. Стало невозможно отличить мужчин от женщин. Поезд метро остановился на набережной. Чэпмен заметил гигантскую рекламу, которая расхваливала революционный прибор. «Достаточно одного стакана воды». Вот это изобретение! Нужно узнать

о нем побольше. Одного стакана воды хватает, чтобы очистить пять килограммов белья! Удача улыбается Чэпмену. Стены помогают ему в поисках. Один стакан воды! Это смешно. Человек за день потребляет намного больше. Наука каждый день делает шаг вперед. Инженеры работают над тем, чтобы сократить потребление воды. Какая спасительная задача! Довольный своей находкой, Чэпмен сфотографировал на свой смартфон марку стиральной машины.

Станция «Аржантин».

«ЮНИСЕФ: 780 миллионов людей не имеют доступа к питьевой воде».

Этот плакат Чэпмен не увидел: он был слишком озабочен, что его телефон не может выполнить соединение.

Станция «Шарль де Голль — Этуаль».

Метро похоже на большинство человеческих пороков. Конденсат нищеты и убожества, их эссенция, вроде эссенции ароматного вещества для духов. Туалетная вода из порока. Одни мужчины-пассажиры стараются привлечь к себе взгляд своей соседки, надеясь завязать с ней беседу о пустяках. Другие находятся здесь ради непосредственного контакта. Немного навязанного человеческого тепла. От трения рождаются энер-

гия и жизнь. Воры, которые крадут под шумок. Просветленные, которые считают себя жертвами всемирного заговора.

Станция» «Франклин Д. Рузвельт».

Те, кто читает, находятся внутри своих маленьких миров. Те, у кого нет книг, стараются всеми возможными способами разглядеть на обложке заголовок, который всегда напечатан слишком мелким шрифтом. Это нужно делать незаметно, полузакрыв глаза, чтобы не привлекать внимания: читатель может рассердиться и убрать свою книгу или изменить ее наклон, чтобы усложнить задачу любопытным соседям. Но он тоже может быть порочным — использовать литературу для ловли сердец.

Станция «Конкорд».

Чэпмен открыл кейс и стал читать листки, которые ему дал Алекс. Молодая женщина, сидевшая рядом, сразу же устремила свои глаза на текст:

«В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи,

всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности».

Сначала Чэпмен был удивлен своей встречей с Ильей Ильичом, но они быстро стали хорошими знакомыми. Гончаров владел искусством начала — умением знакомить и увлекать читателя. Обязать его остаться, написать между строк: «Ты должен прочесть эту книгу, а не отложить ее». Подсознательное послание автора. И вот устаревшая книга перепрограммирована: текст, написанный в 1859 году, завладел вниманием переутомленного парижанина двадцать первого века. Возникла хрупкая дружба.

«Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки, но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души».

Увязнув в романе, Чэпмен проехал свою станцию. «Свою» — как будто она ему принадлежит. Он только проходит по ней, призрак среди призраков. Кстати, кому принадлежат эти станции? Кто захотел бы их иметь? Быть владельцем всей

этой грязи и всех этих пороков. Его соседка вскочила с сиденья, почти раздавив ему ногу. Чэпмен не споткнулся: у него не было на это времени. Книжная грабительница была уже на платформе. Мысль, что на его супердорогом ботинке может навсегда остаться след от только что перенесенного нажима, заставила Чэпмена оцепенеть. Он снял ботинок, чтобы расправить кожу рукой, а листки положил на оставшееся свободным место. Рядом с Чэпменом сразу же сел мужчина и накрыл листки своим задом, даже не заметив этого. Чэпмен не знал, как быть: башмак в руке, листки раздавлены. Сосед казался ему не слишком симпатичным, поэтому Чэпмен не осмелился его побеспокоить и оставил его кивать в такт музыке, которую тот слушал. «В любом случае я не смогу ему ничего объяснить, — подумал он. — Этот человек отрезан от мира своими наушниками. Как жаль: мне очень нравился этот текст. Попрошу Алекса забрать его у меня. В конце концов, это всего лишь текст. Если бы речь шла о моем ботинке, я бы стал тормошить соседа».

«Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье. Туфли на нем были длинные, мягкие и широкие, когда он, не глядя, опускал ноги с постели на пол,

то непременно попадал в них сразу…»

Чэпмен размышлял о своем чтении и о том, как мала его ценность по сравнению с ценностью башмака, и тут услышал, что объявляют следующую станцию, «Лионский вокзал». В первый раз с тех пор, как пользуется парижским метро, он проехал свою станцию, «Бастилию»! Значит, надо возвращаться. Он машинально пошевелил ступней и почувствовал прохладу пола, которая контрастировала с жаркой сыростью вагона. Уличная жара по-прежнему оккупировала метро. Чэпмен заметил, что не надел ботинок. Люди вокруг него, разумеется, не удивились человеку с ботинком в руке. Чэпмен обулся и выбрался из крошечного пространства, где сидел. И не забыл сказать «извините» соседу. Тот даже не заметил, что Чэпмен его слегка толкнул: музыка поглощала все его чувства. Он с полнейшим безразличием давил собой шедевр русской литературы.

Возвращаясь домой, на свежем воздухе кроткий и ласковый, что было для него необычно, Чэпмен решил, что расскажет жене, как провел день. С ним случились необычные происшествия. Он непрерывно вытирал свой мокрый лоб. После тридцати лет супружеской жизни сходить к библиотерапевту или проехать свою

остановку — необычные происшествия. Супруга будет избавлена от вечных рассказов про бюро и сослуживцев, которых она знает только по именам. Ей не придется притворяться, что она его слушает, и при этом автоматически готовить ужин. Может быть, она прислушается к нему на несколько мгновений.

Раскатать тесто.

— Помнишь, я на сегодня был записан к библиотерапевту. Он очень симпатичный. Немного странный, но добрый, а человек, который возится с книгами, не может не быть странным.

Положить бекон и нарезанный кубиками край ветчины.

— Мы с ним хорошо поговорили. Я думаю, что буду хорошо с ним ладить. Это меня удивляет, потому что он не выглядит мужественно, ни крупицы мужского начала, а я люблю настоящих мужчин.

Перевернуть форму. Посыпать блюдо тертым сыром.

— Он дал мне домашнее задание. Я должен прочитать начало русского романа. Название — «Обрамов» или что-то в этом роде. Я дам тебе его почитать. Ты согласна?

Выпекать в духовке 40 минут при температуре

180 градусов.

— Дорогая, ты меня слышала?

— Что такое?

— Ты не против читать вместе со мной книгу, про которую он мне сказал?

— Какую книгу?

— Ту, которую дал странный библиотерапевт.

Салат из овощей, поджаренных на гриле.

Положить зубцы чеснока в давилку или растолочь их до консистенции пюре.

Оливковое масло налить в миску и добавить в него чеснок.

— А ты не видел, что стиральная машина не работает?

— Я нашел гениально придуманный аппарат, который потребляет очень мало воды. Учитывая цену, по которой его продают, я думаю, что нам действительно стоит вложить деньги в машину последнего поколения.

— Дорогой, я согласна с тобой. Мы вместе пойдем по магазинам в эти выходные.

— Смотри, — сказал он, протягивая ей свой телефон, — вот этот аппарат.

И жена с величайшей серьезностью погрузилась в чтение технического описания. В это время пирог пекся, а салат стоял в прохладном месте.

Трудно быть... ребенком

После того как Чэпмен ушел, я решил созвониться с Яном. Я должен был снова увидеться с ним, чтобы оценить ситуацию. Но на этот раз я потребовал от него ужасного усилия — захотел встретиться с ним на нейтральной территории. Это хорошее средство держать на расстоянии его мать.

Я договорился встретиться с ним в пятнадцать часов в большом кафе, где обычно пил кофе. Он не ответил на мое сообщение. Ян редко выходил на люди, а может быть, совсем не выходил, поэтому такое требование, разумеется, должно было приковать его к креслу. Он, вероятно, и мечтал выйти из дома, и боялся даже простейшего выхода.

Когда подростком я был поглощен чтением, мой отец без конца повторял мне, что человек не хомяк, что он не может и не должен жить в замкнутом пространстве. Он должен выходить из клетки, даже если его игрушечное колесо приятно и у него есть много вкусной еды. Я был хомяком, а мой отец походил на кота, который возвращался поздно. Потом он совсем перестал возвращаться.

Закончив охоту, кот иногда звонил, чтобы узнать новости о своей «почти дочери» (я слышал, что он назвал меня так в споре с моей матерью). Многозначность этого выражения привела меня прямой дорогой в ад.

Может быть, он назвал меня так потому, что я ему не родной сын? В этом случае я, если говорить честно, не был бы сильно разочарован. Я не из тех людей, которые готовы исходить (все еще Кафка в мозгу) всю землю, чтобы найти самца, который слил свои гены в живот моей матери. Мне наплевать на мое происхождение. Или он имел в виду мою внешность женственного мальчика? Такой сын — позор для мужественного отца.

В тот вечер, когда произошла ссора и родилось выражение «почти дочь», я не осмелился попросить у отца объяснений. Он кричал очень громко, моя мать тоже. Сцена из комедии дель арте посреди Парижа. Широкие жесты, неудачные попытки выйти из комнаты, угрозы — в общем, все, что нужно, чтобы скоротать печальный зимний вечер. Я смотрел на это зрелище, сидя на лестнице. Актеры играли плохо, но мне все же больше нравилась игра женщины. Никакой сдержанности, никакой скромности, полностью актриса. Моя мать могла бы предложить свою кандидатуру на

роль в плохом французском сериале. Сцена все продолжалась, и я не упускал ни малейшей ее подробности. Однако подростки быстро устают, и уже после десяти минут спора я решил покинуть свой наблюдательный пункт и добраться до места моего утешения и подкрепления — до холодильника.

Когда скорость обмена репликами достигла максимума (благодаря тому, что они состояли из одного слова или короткого словосочетания: «Что?», «Ты можешь повторить?», «Чудовище!», «Жалкое ничтожество!», «Ты ничего не понимаешь»...), я небрежно прошел через гостиную, чтобы налить себе стакан содовой. Я выглядел как настоящая звезда фильмов Хичкока — одет в белое, взгляд ледяной, на лице — печать тайны.

— Алекс, ты все-таки мог бы одеваться достойно, — бросил мне отец.

Тот был очень продвинутым знатоком дизайна: я не понял смысл наречия «достойно». Я не соизволил ответить на его неудачное замечание, которое моя мать, кажется, одобрила, потому что не противоречила. Война прекратилась из-за моей бумазейной пижамы.

— И нужно, чтобы горничная перестала рассказывать ему истории: мальчик очень доверчив,

от них у него кружится голова, — заговорил он снова.

— Это другой вопрос, но я поговорю об этом с Алексом, — отозвалась моя мать.

На кухне меня ждал на своем посту верный и всегда приветливый холодильник. Радость от принадлежности к верхам общества. Обилие напитков и еды. Я взял баночку содовой. Сахар на несколько минут успокаивает встревоженный мозг перед тем, как начинает разрушать артерии.

Итак, Ян не ответил.

— Здравствуйте, Алекс. Кофе, как обычно?

— Да, как обычно, пожалуйста.

Я сел за столик и стал читать положенную на него газету. Главная тема уже несколько недель была одна и та же — необычная жара, давившая на нашу страну. «Когда низкое тяжелое небо давит словно крышка»[14]… Ничего нового нигде. Метеорологи разделили между собой телевидение, радио, печать. Они стали необходимыми. Скоро вернется холод.

После пятнадцати минут бесплодных ожиданий хозяин, видевший, что мой взгляд рывком

---

[14] Сноски: 14
Начало одного из стихотворений Шарля Бодлера.

перелетал к двери, как только кто-то в нее входил, в конце концов приблизился ко мне. Он сделал это, конечно, из жалости, но также и для того, чтобы попытаться разгадать тайну. В первый раз он мог смотреть на меня с близкого расстояния. Погружение.

— Для того чтобы пить кофе, слишком жарко. Не предложить ли вам стакан содовой в подарок?

— Почему бы и нет? Это очень мило с вашей стороны.

— Кофе очень вреден для здоровья. Он возбуждает нервы. Я никогда его не пью. Ненавижу его вкус. Это вас удивляет?

— Э-э… Если хотите — да.

— Как говорится, «сапожники обуты хуже всех».

— Но содовые воды не обязательно самые полезные напитки.

— А, это дезинформация! Я с этим не согласен. Мой отец выпивал около литра содовой в день и умер естественной смертью в девяносто лет. Четыре жены, восемь детей! Так что пусть мне не говорят про закупорку артерий.

— Действительно, ваш довод неопровержим.

— Стакан кока-колы на восьмой столик!

Я не хотел спорить о содовой воде с хозяином

кафе. Он пристрастен.

Его отец, несомненно, был генетическим исключением — машиной для поглощения сахара и красителей. Встречались ведь люди, способные курить в течение семидесяти лет и за это время ни разу не болеть даже бронхитом. «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком — канат над бездной»[15], — говорил Ницше. Некоторые люди находятся близко к хорошему концу каната. Почему? Невозможно все объяснить. А философы все усложняют. Вот почему я стал библиотерапевтом, а не философом. Однако могу перечислить несколько философских понятий: я в этом не полный невежда. Например, Dasein Хайдеггера и Weltanschauung. Я обожал эти непонятные немецкие слова и столь же непонятные теории. Достаточно было пустить их в ход, чтобы меня оставили в покое за семейным столом. Это было спасительное средство во время общения. Если сосед мне не подходил, я мог мучить его этими изречениями, которые не может переварить ум.

Для того чтобы хозяин кафе убрался прочь, мне не пришлось вынимать из ножен это оружие:

---

[15] Сноски: 15
Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра».

клиенты стали во множестве заходить в кафе. Остывшие бутылочки с питанием для младенцев (надо подогреть), растоптанные пирожные, подгузники, которые надо поменять. Вот о чем мечтала Мелани. И орать. Искать помощи и понимания в глазах других людей.

Искать безуспешно: люди безжалостны. Все, кроме Мелани. Она смотрела на матерей с завистью. «Ты это видел?» — спрашивала она меня, когда ребенок делал что-то особенное. Помахал кому-то ручкой в знак привета — молодец! Я отвечал «Да», но боялся. Боялся, что не смогу поймать своего ребенка над пропастью, не сумею его заинтересовать. Это была, конечно, очень глупая мысль, но она жила в моем мозгу весом 1,3 килограмма, а поскольку ей было там удобно, она совершенно не желала переселяться куда-нибудь южнее. Хозяин кафе принес мне стакан содовой воды, колонизированный осколками льда. Вода намного дешевле, чем эта драгоценная жидкость. Он уронил на пол свою почти белую салфетку и нагнулся ее поднять. Был в старые времена паб, где молодой человек поднял шейный платок молодой женщины, чтобы покорить ее сердце. Мне это казалось очень романтичным. И гораздо более удачным, чем такая же сцена у Флобера

в «Воспитании чувств». Моя мать обезумела, когда я однажды осмелился заявить ей о своих предпочтениях (мы в этот момент готовились вместе смотреть хаотический выпуск телепередачи «Сегодня вечером в театре»). Пока бармен выпрямлялся, его глаза анализировали мое лицо. Встречное погружение. Если посмотреть на предмет под разными углами зрения, можно лучше понять, что он такое. Может быть, хозяин хотел оцифровать мое лицо, чтобы, наконец, понять, кто я такой. Судя по его сосредоточенности, он, должно быть, сканировал в уме каждый миллиметр моей кожи. Я отвернулся, чтобы помешать ему продолжить этот процесс. Я хотел, чтобы часть меня осталась тайной. Мелани прекрасно знала мое лицо, но это меня нисколько не беспокоило (кроме тех случаев, когда на нем нежился ячмень или прыщ). Но хозяин кафе, о господи! Зачем ему понадобилось так подробно изучать географию моего лица? Я никого не оставляю равнодушным. Пусть так, но все-таки зачем?!

— Ох эти малыши! Сколько от них шума! — прошептал он мне в ухо. — Если бы я мог обойтись без их денег, запретил бы им вход сюда. Поставил бы перед дверью красивый плакат: «ДЕТЯМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

Горячее дыхание хозяина врывалось в мой слуховой проход и глубоко проникало в него. Я попытался отодвинуть этот проход от его рта, но хозяин придвинулся еще ближе.

— А у вас самого есть дети? У меня нет, и я совсем не чувствую, что мне их не хватает.

Договорив эту фразу, он придвинул свое волосатое ухо к моему рту, чтобы полностью использовать мой ответ. Ухо крупным планом перед моими глазами.

— Нет, как и у вас.

Я больше не хотел говорить, мне было неуютно говорить с ухом.

— Тогда, Алекс, выпейте это! И не забывайте, что содовая для здоровья лучше, чем кофе.

Хозяин кафе отошел в сторону, и из-за его широкой спины выглянуло искалеченное лицо Яна. Хозяин на мгновение замер на месте, удивленный тем, что молодой человек изуродован.

— Я могу угостить вас моей содовой, Ян? Очень рад, что вы пришли.

На Яне был длинный непромокаемый плащ с поднятым воротником и кепка, которая пыталась скрыть его лицо. Этот наряд не работал: у меня было ощущение, что все смотрят на Яна.

Он сел напротив меня и вынул записную книж-

ку и ручку.

«Спасибо за содовую. Моя мать отказывается ее покупать: американский империализм и тому подобные глупости. Это ее любимые аргументы. Я больше ей не противоречу. Я не втискиваю политику самой могущественной страны мира в стакан. Простите меня за опоздание; вы должны понять, что я много думал перед тем, как прийти. Я должен был выбрать подходящую одежду. Кокетничать свойственно не только девушкам».

Ян кое-как изобразил на своем лице улыбку и с трудом начал пить содовую. Для его неподвижного рта питье было настоящей пыткой. Я не смел ничего сказать: мне было не по себе.

«Не беспокойтесь, Алекс. Мое лицо оперировали 17 раз. Оно мстит за это, притворяясь мертвым. Оно больше не хочет двигаться. Я прочел ваше интервью на интернет-сайте, посвященное библиотерапии. Вы видите мир через литературу. Каждая ситуация, каждое мгновение напоминают вам о каком-нибудь литературном тексте. Ваши преподаватели литературы, должно быть, обожали вас. Если бы я в данный момент был на вашем месте, то подумал бы о строках:

Плутовка каши жидкой наварила,

Ее на блюдо тонко наложила

И аиста зовет преважно на обед.

…

Ну, кашка, хоть куда! Одно лишь худо,

Что аист есть так не привык:

Он в блюдо носом тык да тык,

Но в клюв ему ни крошки не попало…»[16]

— Вы знаете эту басню наизусть?

«Я учил ее в школе очень давно, но она осталась в моей голове. Я был ребенком и не представлял себе, когда читал ее перед зеркалом в своей комнате, что через много лет буду писать ее в баре… И что буду не в состоянии произнести ни слова из нее, ни единого слова. Я прочитал ее идеально, получил 19 баллов из 20 возможных. Обычно человек движется вперед, а я — назад».

— Вы угадали! Я действительно думал об этой басне. Но, знаете, в интервью для того блога я немного сгустил краски. Нужно же продавать себя! Моя наука еще не признана в нашей стране, поэтому я немного приукрасил правду. Через десять или пятнадцать лет, когда Франция

---

[16] Сноски: 16

Из басни Жана де Лафонтена «Лисица и аист». Пер. Г-та. (*Примеч. пер.*)

ликвидирует свое отставание в этой области, я произнесу совсем другую речь.

«Я ведь сказал вам, что вы лгунишка, как и я. Я знаю, что вас рассердило мое поведение в прошлый раз. Моя мать много часов допрашивала меня по этому поводу. Она хотела узнать, что произошло. Матери всегда хотят все знать».

— И часто имеют на это полное право. Вы находились в состоянии, которое, по меньшей мере, вызывало тревогу. Тут кто угодно бы забеспокоился.

«Но не мой отец! Его никогда ничто не беспокоит. Даже после аварии он смотрел на меня и говорил, что все хорошо. А я был ужасно изуродован. Он-то думал, что врачи легко это исправят. Пришьют кончик языка туда, лоскут кожи сюда — и все в порядке! Он, конечно, путал меня со своим автомобилем. Машина — его любовь. Он сделал все, чтобы она осталась цела. И это ему удалось. В конце концов, из прежнего в ней остался только мотор. У меня с ней много общего. Разница между ней и мной в том, что она не смотрит на себя в зеркало. Она ни о чем не догадывается».

— Вы судите слишком сурово, Ян. Будьте более снисходительны к миру. Я не всегда лгу и уверен, что ваш отец не такой ужасный, каким вы хотите

представить его мне. Кто может похвастаться тем, что он идеален? Что он никогда не совершал ошибок? Мы имеем свойство ошибаться. Даже отец может обманывать себя. Мать может слишком любить своих детей. Сын или дочь тоже может неверно оценивать своих родителей. В этой области нет ничего простого и легкого. В любом случае я хотел снова встретиться с вами, чтобы поговорить о прочитанном «Самозванце Тома». Мы решили начать нашу работу с этого романа.

«Мне нравится ваше „мы“. Но давайте выражаться ясно: я мало что решаю в своей жизни. Я покоряюсь своей жизни. Этот текст вы выбрали без меня, когда я был лишь именем, нацарапанным в расписании».

— Уберите свои когти! Моя профессия — находить тексты, которые будут говорить с вами, которые заставят вас размышлять. С этой точки зрения да, я заранее выбрал этот роман, узнав, в каком положении вы находитесь. Это нормально. Поговорите со мной об этом тексте.

«Сначала он показался мне немного медленным, отстающим по скорости. Потом я понял, что у меня есть немало общего с Тома. Лгать — моя жизнь! Посмотрите: сегодня 25 градусов жары, а

я одет так, словно на 15 градусов холоднее. Что меня невероятно удивило — это конец романа. Тома хочет заставить застреливших его солдат поверить, что он умер. Он желает солгать им, чтобы их обмануть, но он лжет самому себе, потому что умирает на самом деле. Это уже не комедия, а только правда. Я не хотел бы закончить как он, в иллюзии. Я хочу выбрать свой конец без лжи».

— Ваше понимание текста очень интересно. Тома — король иллюзии, вокруг него ничто не существует по-настоящему. Он замыкается во лжи. Я думаю, Ян, вам было бы нужно выйти из иллюзии и броситься в большой мир.

«Но сейчас это невозможно. Свой конец я выберу, это несомненно. С моим настоящим все обстоит сложнее. Тома один, а я нет. Моя мать всегда рядом. Вы не можете представить себе, какие переговоры мне пришлось с ней вести, чтобы, когда я выйду, она не шла со мной рядом. И все-таки она пошла за мной следом, незаметно, как шпионка низшего разряда. И сейчас стоит на противоположной стороне улицы. И если я пробуду здесь на 5 минут дольше, то ворвется сюда. Ее примут за грабительницу: таким искаженным и страшным будет ее лицо. Если немного повезет, кто-нибудь прижмет ее к полу, и я воспользуюсь

этим, чтобы скрыться».

Я наклонился, увидел улицу и без труда узнал Анну, которая притворялась, что разглядывает витрину антикварного магазина напротив кафе. На самом деле она с помощью выставленного там на продажу зеркала разглядывала торговую точку, всосавшую в себя ее сына. Через какое-то время антиквар вышел на улицу и начал разговор с мнимой покупательницей. Мне показалось, что Анна довольно грубо отшила его, потому что он вернулся к себе раздраженный. При других обстоятельствах она бы, несомненно, заинтересовалась этими вещами, но ничто не должно было стоять между ней и ее сыном. Никаких препятствий!

— Вы не лишены воображения, но я счи…

«Когда у человека такое лицо, как у меня, он обязан иметь воображение».

— Разумеется.

Я не хотел противоречить Яну, который становился все более циничным. Иногда нужно дать пациенту выплеснуть гнев. Все библиотерапевты усваивают это правило во время обучения. Терапевт — сосуд для ненависти. Мой преподаватель в Университете Оттавы не уставал повторять нам: «Думайте в эти критические мо-

менты о чем-нибудь другом, не давайте чужой энергии подбросить себя как мяч, а поглощайте ее. Думайте позитивно! Представьте себе своих детей, своего мужа или жену, если это позитивная мысль, свое любимое кушанье — в общем, закройте свои люки».

В моем случае мысль о моих детях увела бы меня недалеко — в никуда. Моя жена? Представить себе собственную свадьбу для меня было почти то же, что смотреть фильм ужасов. Первый фильм из серии, самый удачный, самый пугающий. Красивая церемония; наши самые дорогие друзья, растроганные происходящим, у выхода из мэрии.

И строки Грегори Корсо из «Женитьбы»:

Жениться? И стать хорошим?..

Когда она представит меня родителям

С прямой спиной и наконец уложенными волосами…

Мне сидеть со сжатыми коленками на ее трехградусном диване

И не спрашивать: где туалет?

В итоге у меня остается только один путь для бегства — кулинарный.

«В моем воображении я средний человек. Не красивый, просто средний. Тот, кто оставляет всех равнодушными. Подросток хочет быть красивым, производить впечатление. Когда у человека голова такая, как у меня, он хочет просто быть незаметным, как будто прозрачным. Девяносто процентов людей такие. Я вхожу в те два процента, которые вызывают жалость и насмешку. Очень жаль, что у меня такая голова. Все остальное в порядке. Если бы не она, я бы мог иметь друзей, невесту. В моем воображении они у меня есть».

— Вы записываете все эти мысли? У вас очень выразительная речь. Это редкость у такого молодого человека.

«Нет, я не пишу ни строчки, кроме своих слов во время разговора. Когда буду покидать этот мир, я выброшу эти несколько листков. От них не останется ничего. Я не писатель. Я несчастный мальчик, и только».

— Писатели часто бывают несчастными людьми. Литература рождается из печали. Когда человек счастлив, у него нет желания уединиться от мира и писать. Вам бы надо попытаться.

«Нет, спасибо. Именно это я говорю своей матери, когда она спрашивает, не хочу ли я по-

говорить с ней о моем положении. Нет, спасибо. На самом деле это значит: „Оставь меня в покое. Оставь меня моему воображению. Безграничному воображению“. В моем воображении у меня есть подружка. Ее зовут Ариадна. Это красивое имя. Имя девушки с нитью. В моем случае может быть полезна крепкая нить.

Что касается качества моей письменной речи, вы ведь знаете старую фразу: дети с ограниченными возможности духовно более развиты, чем остальные, среди них даже больше таких, кто правильно выражает свои мысли. Отрублена рука — в два раза усиливаются способности мозга… Все это глупости! В центре, где меня пытались починить, у меня было много совершенно глупых собратьев. Подростки без ноги, или без руки, или слепые. Плавильный котел для людей с ограниченными возможностями. Парад несчастливых. Все школьные гадкие утята. С нашими головами сколько бы мы могли продать календарей и пирожных! Несмотря на общее для нас свойство вызывать жалость, я почти не чувствовал духовного родства со своими товарищами. Нужно сказать, что мы не общались между собой. Я не завидовал судьбе ни одного из них. Однажды мальчик, лишившийся ноги, признался мне,

что охотно обменял бы свое несчастье на мое. Разбитое горло за ногу… Как вам такое? Короче говоря, можно быть инвалидом и глупцом одновременно».

— В этом я не сомневался ни секунды. Невежество — всеобщее достояние. Ян, ваша мать, кажется, совершенно потеряла терпение там, снаружи. Может быть, пора успокоить ее и присоединиться к ней?

На самом деле я не знал, что говорить дальше. Ян медленно начал вставать. А мне, если хорошо подумать, ничем не помогла бы мысль о моем обеде. Мой почти пустой холодильник не предлагал ни одной положительной перспективы. Одно или два яйца, несомненно, непригодные к употреблению. Заветренное сливочное масло. Остатки молока. Может быть, баночка йогурта.

«Вы правы, на сегодня достаточно. Вы желали бы прописать мне еще что-нибудь для чтения?»

— Да. Книгу, которая очень глубоко затронула мое сердце, и тут нет плохого каламбура. «Над пропастью во ржи». Она вам знакома?

Ян схватил книгу и, даже не взглянув на нее, опустил в карман плаща. В следующее мгновение его рука вернулась на столик, сжимая книгу, которую я сначала принял за роман Сэлинджера.

«Нет, не знакома. Я тоже принес вам роман. Не знаю, можно ли приносить книгу библиотерапевту. Вы, несомненно, думали об этом тексте, когда встретились со мной в первый раз».

И я взял у него экземпляр «Мира глазами Гарпа» Джона Ирвинга. Уголок одной страницы был загнут, и на ней подчеркнут абзац:

«Часть подросткового ощущения мира, — написал он Хелен, — это чувство, что нигде нет человека, настолько похожего на вас, чтобы он смог вас понять».

В мой кабинет вошел Энтони Полстра в парике, огромных солнечных очках и красном кожаном пальто. Весьма удивительный цвет для пальто. Разумеется, у футболистов эта мода — образец хорошего вкуса, но для библиотерапевтов она — загадка. Спортсмен заметил мое удивление и сказал:

— Не беспокойтесь. За мной следом сейчас идут журналисты. Я устраиваю небольшое переодевание, чтобы сбить их с толку. Я должен быть незаметным.

— Это вам удалось.

— Не совсем: я слышал шум на лестничной площадке. Вы доверяете своему соседу?

— Полностью доверяю, Энтони.

— Прекрасно. Я бы не хотел, чтобы меня видели здесь вместе с вами.

— Я вас понимаю.

Одна очень красивая девочка имела честь быть моей одноклассницей с детского сада и до лицея. Мое имя неутомимо следовало за ее именем: каждый сентябрь оно оказывалось после ее имени, когда преподаватели устраивали нам перекличку во дворе.

Я видел в этом знак судьбы. А она… не видела ничего. Я любил ее! Мне только не хватало немного мужества, чтобы сказать ей об этом.

Во втором классе лицея, когда ее половое созревание наконец окрылило меня, я решился признаться ей в своих чувствах. Она не отвергла мои ухаживания, и это укрепило мою веру в то, что случайностей не существует. После нашего первого поцелуя она не допускающим возражений тоном заявила мне:

— Я хочу гулять с тобой, но не хочу, чтобы нас видели вместе.

Странно, что Полстра через двадцать лет после нее сказал мне примерно то же. Словно лицеистка продиктовала футболисту, что говорить во время беседы.

— Энтони, прошу вас, снимите очки, пальто и парик. Здесь они вам больше не нужны. Чувствуйте себя как дома. Вы в безопасности.

— Я и рассчитывал их снять.

Я не представлял себе, как бы смог работать с замаскированным пациентом. Полстра выглядел как двойник одного певца из семидесятых. Но можно ли остаться серьезным, когда напротив тебя сидит чей-то двойник? К этому меня не готовили! И я не работал для завсегдатаев провинциального кабаре. Полстра сел в кресло, на которое я ему указал, а маскарадные принадлежности положил у своих ног.

За одну минуту причудливо одетый посетитель, заполнявший собой весь мой кабинет, снова превратился в Энтони Полстру, читателя «Одиссеи».

— Вы прочитали эпизод с сиренами?

— Да; он ужасный.

— Почему?

— Этот несчастный Улисс едва не позволил себя съесть. Счастье, что его спутники буквально выполнили его указания.

— Какие?

— Например, не отвязывать его.

— Вы совершенно правы. В конечном счете

человек никогда не одинок. Другие могут нам помочь, даже если они не такие умелые и сильные, как мы.

— Совершенно верно.

— А что из своей личной жизни вы могли бы уподобить сиренам (нежному голосу, который скрывает неприятную реальность)?

— Все предложения, которые мне делают сейчас, похожи на сирен. Деньги, много денег везде в Европе. Но я крепко привязан.

Произнося последнюю фразу, Полстра улыбнулся. Он прекрасно пользовался метафорой и сравнением. Я не знал, даст ли наша работа результат, но сейчас Полстра был счастлив тем, что не ограничивает свою речь ее простой утилитарной ролью. Он удалялся от типичных фраз футболиста: «Передай мне мяч», «Центр!», «Бей!» — и тому подобных и вместе с Улиссом приближался к острову, где слова имеют подтекст. Это уже была победа.

Как я стал собой

Как становятся библиотерапевтом?

Ян прочитал интервью, которое я дал странной, мечтавшей о признании девушке для ее конфиденциального блога. Профиль — типичный для блогеров. Для достижения своих целей она публиковала одно за другим интервью с людьми, знаменитыми настолько же, насколько я. Надо сказать, что до цели ей нужно было идти целый век: задать вопросы человеку, дождаться, пока он добьется успеха, потом вспомнит о своем первом интервью и возведет ее в сан «влиятельной блогерши». Столетняя война. Сто лет, чтобы стать известной и получать бесплатно образцы товаров: уродливую, но ультрамодную обувь, тонны печатной продукции, которые она сразу же перепродаст букинистам. Автограф в качестве бонуса. Интернет переполнен сайтами, посвященными культуре, красоте, моде; эти сайты обречены исчезнуть через несколько недель. А поскольку мне не было наплевать на возможность сделать себе имя в мире необходимейших терапевтов, я поддался искушению и ответил на ее вопро-

сы. Это была приятная девушка. Литераторша, опоздавшая родиться. Будущая журналистка. Я ожидал дождя вопросов, приготовил множество записей, чтобы выглядеть серьезно. На самом деле у блогерши был только один вопрос, и она задала его, как только я закончил свою реплику:

— Как становятся библиотерапевтом?

Я был разочарован тем, что не вдохновил ее на что-то большее.

— Мне очень жаль, но такой у меня метод работы. Я предпочитаю вести беседу без подготовленного заранее типового вопросника. Будем говорить, из этого обязательно что-нибудь получится.

Что-то? А что именно? Ее рассуждения плохо скрывали, что она начала беседу со мной, совершенно не представляя себе, что желает у меня спросить. Задала вопрос, на который у меня даже не было ответа.

Как становятся библиотерапевтом?

Я этого не знал. Это вовсе не было предопределено. Я был уверен только в одном: мне не хотелось становиться университетским преподавателем. Мне надо было воспротивиться матери, но не слишком сильно. Бунт и ничего более. Поэтому я выбрал профессию, связанную с кни-

гами. Профессию ненадежную, но с приятным для меня графиком. Ни один пациент не желал встретиться со мной до десяти часов утра. Они в десять просыпаются. И не желали сталкиваться со мной в такой ранний час. Поскольку у меня в четырнадцать часов усталый вид, они, конечно, опасались увидеть мое утреннее лицо. И ошибались: я был не таким уж страшным. Мужчинам не повезло: они не подкрашивают себе лица. Когда они выходят к людям, у них на лице собственная кожа — и больше ничего.

Еще один отличный прием сделать, чтобы невидимая работа интервьюера казалась немного мощней. Если бы я был порноактером, та, кто брала интервью, попросила бы меня рассказать о моем первом сексуальном опыте. Если бы я был профессиональным велосипедистом с непропорциональными бедрами, спросила бы о моей первой поездке на велосипеде без дополнительных колесиков. Но поскольку я был библиотерапевтом и не помнил свою первую книгу (ту, которая, должно быть, волшебным образом дала толчок всему), она попросила: «Расскажите о своем первом пациенте». Она была горда своим вопросом, который укреплял ее положение в ряду набирающих известность блогерш.

А я чувствовал себя значительным, рассказывая свою историю. Я слушал себя. Когда тебя слушают, ты чувствуешь от этого почти невероятное удовольствие. Моя мать, которая много лет была преподавательницей, каждый день жалела, что больше не преподает. Ее, чей голос в университете доводил до интеллектуального оргазма самых усердных студентов, теперь не слушал никто, даже когда она просила соль.

В мой кабинет вошла женщина. Ее первые слова навсегда отпечатались в том органе, который, как считают, содержит в себе наш ум:

— Я пришла к вам потому, что не нашла никакого другого терапевта. Это очень серьезно.

Я подумал, что «очень серьезно» относится к ее психологическому состоянию.

— Не беспокойтесь. Я вам помогу.

— Поможете мне? Но я говорила не о себе. В этой проклятой стране вероятность записаться к врачу меньше, чем вероятность встретить инопланетянина на углу улицы.

Первая пациентка. Первая встреча с телом и душой неприятного человека. К счастью, не все они неприятные. Но такое начало стало для меня хорошим уроком смирения. Я учился своей специальности в университете, а там пациен-

ты существовали лишь виртуально — в виде историй, снятых на кинопленку или коротко записанных на листке. Пациенты без тела. Пациенты без идиотских ответов на ваши вопросы, без плохого характера, без неприятного дыхания.

— Тогда скажите мне все.

Я выбрал эту фразу, думая, что она позволит установить чуть более конструктивные отношения с пациенткой.

— Сказать вам все? Вы так не думаете. Кто говорит все? Кто может все сказать?

Нужно было искать другой путь к конструктивности. Мое «скажите мне все» и в самом деле достойно беседы встревоженных протечкой соседей на лестничной площадке.

— Я сожалею о своей неловкости. Но вы пришли ко мне с конкретной целью или просто, чтобы делать мне замечания по поводу моей речи? Я библиотерапевт, это написано на входной двери и внизу дома. Вы ищете именно библиотерапевта?

— Не сердитесь. Да, я пришла к вам по поводу библиотерапии. У меня есть… скажем так, некоторые причины для озабоченности.

— Скажите мне все.

Пациентов нельзя раздражать, но в данном

случае повторение той самой фразы, которая была отвергнута две минуты назад, давало мне возможность утвердиться в положении главного. Терапевт никогда не должен допускать, чтобы пациент командовал им. Это внушают всем терапевтам. Вот только в действительности, в тишине консультаций пациент иногда «съедает» врача. Борьба зверей.

Через три дня после моей беседы с блогершей она выложила интервью в Сеть и написала к нему введение о том, что пациенты боятся моей внешности.

Я действительно не помню ничего позитивного о детстве, но два человека тогда много значили для меня — наша уборщица (к разговору о ней я вернусь позже) и моя бабушка. Я любил бабушку вечной и нерушимой любовью, невероятной и почти нечеловеческой, потому что ее причиной не была физическая привлекательность. Бабушка была некрасива, даже уродлива. Это тяжело сказать и так же тяжело написать. Литература часто распространяет по миру образы ласковых дедушек и бабушек, которых мудрость делает красивыми. Моя бабушка не соответствовала этому стандарту. Дети, с которыми мы сталкивались на улице, пугались ее. Взрослые иногда тоже

пугались. Она, как питбуль в намордник, не внушала доверия. А я любил ее «вопреки очевидности» (эти слова были бы хорошим заголовком для женского любовного романа). Она никогда не смотрела на меня глазами полными сомнений. Говоря проще, как ученик я ее не интересовал. Я был Алексом — и только. По этой причине я думаю, что проницательность не измеряется числом дипломов. Моя бабушка никогда не ходила в школу. Школа находилась в десяти километрах от деревни в Чехословакии, где она жила. Причина убедительная.

Мой отец не дал себе труда научить меня своему родному языку, и я не знаю ни слова по-чешски. Кроме, разумеется, основных — «здравствуйте», «спасибо», «да» и так далее, каждое из которых звучало прекрасным обещанием, когда мы приезжали к бабушке. Когда я исчерпывал свой словарный запас, мне оставалось только молчание. И еще — взгляд моей бабушки, ласковый взгляд посреди уродства.

Я так никогда и не смог поговорить с ней наедине. Иногда отец играл роль переводчика. Но в таких случаях я говорил только банальные вещи — о школе, о жизни во Франции. Ничего по-настоящему серьезного. Ее голос звучит в мо-

ей голове. Я хотел бы поговорить с ней о книгах, которые читал запоем — о «Рыжике», «Пятнице», Анне Франк и о Кундере тоже.

Кундера — слава чешского народа; бабушка два или три раза видела его по телевизору. Резкие черты лица. Обаяние гения, смешение красоты и страха. Она не знала имени Кундеры, но и он не знал ее имени. Они вполне могли жить друг без друга.

Начало его романа «Шутка». Я бы, несомненно, прочитал ей этот текст. Пути Людвика, наказанного за то, что он пошутил. И она бы попросила меня достать ей экземпляр этого романа. Я пошел бы вместе с мамой в ближайший книжный магазин. Мы, неспособные говорить по-чешски, сделали бы вид, что знаем этот язык — стали бы искать букву «К» на пыльных полках. (В моем воображении полки книжных магазинов всегда пыльные, потому что покупателей становится все меньше).

Кавабата. Кафка. Нет, не то. Мы приближаемся к цели: Киплинг. Корчак. Кундера.

Кундера — чешская фамилия. Кундера всегда пишется «Кундера». В конце концов мы бы нашли четыре или пять романов. Как определить, какой из них «Шутка»? По короткому заголовку, кото-

рый сразу бы позволил отвергнуть остальные.

Ей бы книга понравилась, это точно. Грустные истории Кундеры. Печальные, как ее страна, где солнце как будто уходило в отпуск, как только мы пересекали границу. «Они едут, я ухожу». Почему оно никогда не оставалось хотя бы ненадолго?

Мелани, когда я говорил ей о бабушке, просила меня перестать ребячиться. Мелани и ностальгия — сочетание несовместимого. Оксюморон. Бабушка всплывала на поверхность сознания каждый раз, когда я был несчастен. Метафизика этого состояния не имеет значения. Бабушка возвращалась в мою голову со своим голоском, гнусавым из-за того, что ее ноздри были почти закрыты. *Miláčku* (миленький). Бабушки и дедушки выходят из могил, чтобы успокоить нас.

«Здравствуйте. Сейчас 1 декабря, 8 часов. Волна жары не ослабевает. Рождество в этом году будет без снега. Сегодня днем сторонники брака для всех планируют большую манифестацию в Париже. Столица находится под охраной, правительство опасается эксцессов. Новости спорта: сборная Франции по футболу завтра начинает отборочные матчи следующего Кубка мира».

Я больше не был *Alešku* — маленьким Александром своей бабушки. И поэтому был несчастен.

Nešťastny. Телефонный звонок вытащил меня из кровати и из моих мыслей. Я выключил радио, которое без конца выплевывало новости. Значит, это никогда не кончится? Получу ли я когда-нибудь право услышать: «Сейчас 8 часов, ничего не происходит. Продолжайте лежать, выходите из дома, живите. До завтра. А если у вас есть очень серьезная тревога, обратитесь к Алексу, самому модному библиотерапевту столицы»?

— Алло?

— Это Мелани.

Скорость сигналов в моих нейронах подскочила до максимума. Мелани! Мой мозг бурлил, как кипящая жидкость. Мысли появлялись и исчезали, но изо рта не вылетало ни одного слова. Умного человека можно узнать по способности к адаптации, по умению быстро найти верный ответ. Я идиот. В школе мне никогда не ставили диагноз «вундеркинд», хотя почти все мои товарищи по учебе были вундеркиндами. Тогда была мода на талантливых детей. А моды на гермафродитов никогда не было. Разве что среди певцов. Эта особенность помогала им хорошо продаваться. На расстоянии, за экраном. Однако нужно что-то сказать Мелани, пока она не завершила вызов. Разыграть удивление. Не кричать

об удовольствии, что я слышу ее голос. Не выглядеть дворовым истериком. Дышать. Попытаться сделать голос чище, не кашляя и не скребя себе горло. Это трудно. Я схватил бутылку с минеральной водой, которая всегда ночевала рядом со мной, и приготовился выпить из нее глоток.

— Ты слышишь меня? — раздраженно прозвучал голос из телефона.

— Мелани…

У воды, которая текла по моему пищеводу в желудок, был очень странный вкус. В баре я попросил бы другую бутылку, но в данной ситуации промолчал.

— Если тебе нравится, изображай удивление. Я спешу.

— Я не изображаю, как ты говоришь, «удивление». Сейчас очень рано. Я не ожидал, что услышу тебя. Я отдыхал.

— Я иду сегодня днем на манифестацию. Ты пойдешь со мной?

Мелани знала, что я терпеть не могу манифестации. Но я ни секунды не собирался сказать ей «нет». ДА!

— Почему бы и нет? У меня ничего не запланировано на это время. И это будет для нас возможностью немного поговорить друг с другом.

— Знаешь, там будет шумно. В колонне демонстрантов нелегко говорить. Но я довольна, что ты придешь. Встретимся у Порт-Дофин в тринадцать часов.

— Ладно. Целую.

— До скорого!

Неужели ей было так сложно ответить «Я тоже целую»? Несложно, но Мелани, конечно, не хотела доставить мне удовольствие этими словами. А я был счастлив от неожиданно открывшейся передо мной возможности снова увидеть Мелани. Но мне больше подошла бы прогулка вечером вдвоем. Но все-таки она будет рядом со мной, а это стоит любой литературы. Есть причина выйти на улицу. В ласковую декабрьскую погоду, такую же оригинальную, как Мелани. Из-за возможности снова увидеть Мелани я мог бы писать плакаты с призывами защитить угрей в провинции Ардеш, боролся бы за то, чтобы пойманных сомов отпускали на волю, даже ходил бы полуголый по улицам Парижа в знак протеста против ношения меховой одежды. Ради любви можно рассмотреть любую возможность, особенно когда погода милосердна к людям.

С Яном я предполагал встретиться не раньше чем через два дня. Чэпмен придет позже. А Пол-

стра? Он приходит и уходит, когда желает сам. Всемогущий спортсмен, который в разгар матча решает пойти выпить стаканчик и вернуться через четверть часа. Я не должен превращать его лечение в центр своей жизни. Путь свободен.

Когда Мелани, разговаривая со мной о моей матери, пыталась добиться, чтобы я сказал о той что-нибудь хорошее, я думал про Джона Фанте и его роман «Полный жизни»:

«При каждом моем возвращении домой всегда самым трудным было поздороваться с матерью. Это потому, что моя мать была специалисткой по обморокам, особенно если я не виделся с ней больше трех месяцев. Если проходило меньше трех месяцев, я еще мог контролировать ситуацию. В таких случаях она ограничивалась тем, что опасно качалась из стороны в сторону, готовясь упасть, и это давало нам время подхватить ее до падения».

Мама. Джон Фанте. Моя мама была полной противоположностью матери Бандини. Не итальянка. Я мечтал, чтобы она была итальянкой: это было бы оправданием для моей привычки разговаривать руками. Но почему итальянцы разговаривают руками? Может быть, оттого, что их язык слишком беден, чтобы полностью выразить

их мысли? По правде говоря, я ничего не знал об этом, потому что знал только два итальянских слова — «моцарелла» и «тирамису», которыми всегда называл только итальянские деликатесы, произведенные во Франции. Моцарелла, которая никогда не видела ни Кампанью и ни одной буйволицы. Тощая моцарелла из коровьего молока.

Кроме того, я иногда напевал старую песню Алана Соренти. *Tu sei la unica donna per me*[17].

Эта песня так хорошо забыта, что ее название выглядит как имя на могиле, но когда ее мелодия разносится в воздухе, в этом мотиве звучит все, что в Италии было итальянским, когда я слушал его раньше. В нем слышны Колизей, солдаты с пластмассовым китайским оружием, Пизанская башня, куда не пускают посетителей, Венеция с гигантскими лайнерами, которые становятся на якорь в десяти метрах от площади Святого Марка, голубое небо и невероятно нежный летний воздух.

Как мои уши возымели честь услышать рассказ старого Алана о его жизни? Это была любимая песня Анджелы, домработницы, служившей у моих родителей. У нас с ней были нежные

---

[17] Сноски: 17

«Ты единственная женщина для меня» (*ит.*). (*Примеч. пер.*)

и доверительные отношения. Второй человек (считая первой мою бабушку), который сыграл важнейшую роль в моем детстве. Ухаживая за мальчиком, которым я тогда был, она ни разу не спросила, почему мои интересы не такие, как у детей моего возраста. Она часто рассказывала мне о своей трудной жизни на юге Европы, в краю, который терзают солнце и растущая с бешеной скоростью безработица. Для меня, который жил под защитой и в умеренном климате, это была экзотическая страна. Желтая сухая Италия, где каждый вечер красное солнце светит над горами, похожими формой на сломанные зубы.

— Ты несчастна во Франции?

— Нет, твоя страна добра к таким людям, как мы. Здесь у меня есть работа.

— Да, но ты скучаешь по своей стране, я в этом уверен.

— Ты прав. Я думаю о ней каждую минуту.

— О чем ты больше всего скучаешь?

Мой вопрос был бестактным, но не был предназначен для того, чтобы вызвать у Анджелы слезы. Однако они пролились и текли медленно, словно несли с собой воспоминания.

— О ее запахе. Запахе лесной чащи, portato dal

vento caldo[18].

Я был дорог Анджеле. Она так и не смогла родить своего ребенка. Я был для нее сыном. К тому же она, как мать, дала мне имя — Алессандро. Это раздражало мою настоящую мать — и моего отца тоже: он чувствовал ревность, когда видел, что иностранка способна любить его собственного сына.

Мама обращалась с Анджелой как со служащей, но я — нет. Иногда я много часов подряд ходил за ней, когда она работала по дому (мыла, стирала, развешивала, гладила, вытирала пыль), чтобы слушать, как она говорит… И значит, слышал, как она поет эту ужасную песню.

Моя мать обращалась к ней только для того, чтобы дать указания (например, «салфетки и посудные полотенца не смешивают»). И попутно просила Анджелу передать сообщение мужу: муж Анджелы был у нас в доме разнорабочим. (В этом случае мама делала исключение и смешивала полотенца и салфетки, хотя упомянутый супруг лишь едва говорил по-французски, что в «обычной» ситуации было для мамы совершенно неприемлемо.) Он был строителем. Ни

---

[18] Сноски: 18
Который горячий ветер приносит с собой (*ит.*). *(Примеч. пер.)*

моя мать, ни мой отец строителями не были. Мама всего один раз делала что-то близкое к этой профессии — когда ходила (единственный раз) в магазин товаров для домашних работ. Она искала там гвозди, чтобы повесить в семейной библиотеке портрет Александра Дюма. Явилась туда, как пришел бы Клод Леви-Стросс (знаменитый антрополог и культуролог) к какому-нибудь господину Поделке познакомиться с племенем мужчин, которые носят синюю рабочую одежду. Она, конечно, рылась в глубине своей памяти, выясняя, действуют ли еще ее прививки. К счастью для нее, встреча не была долгой, и туземцы ее ничем не заразили.

Работа — это разоблачитель. Мелани смотрела на меня и просила, чтобы я перестал мечтать.

— Твоя мать не такая, как все, — тут я с тобой согласна. Но она тебя любит — конечно, по-своему. Все матери любят детей по-своему. Моя обожает меня, а моих братьев не замечает. И я не осуждаю ее за это.

— Может быть, это потому, что ты любимая.

— Может быть.

— Твои братья, должно быть, ее ненавидят. И конечно, ненавидят и тебя.

— Нет, я так не думаю.

— Не думаешь. Но ты в этом уверена?

— Нет.

— Ты не могла бы это проверить. Ты сомневаешься, Мелани. Моя мать ужасная! Но я согласен: она что-то чувствует ко мне. Вот именно: что-то, а не любовь. Что-то такое. Я бы сказал: это больше похоже на легкую ностальгию. Девять месяцев я был частью ее тела. Она, несомненно, жалеет о том времени. Как земля жалеет о том, что лишилась Луны. Одно мгновение жалеет, а потом говорит себе, что этот холодный мрачный спутник не такая уж большая потеря. Я был спутником моей матери-планеты.

— Ты все преувеличиваешь. Кончится тем, что ты сойдешь от этого с ума. И кто знает, как ты сам будешь любить своего ребенка, если когда-нибудь станешь отцом?

— Отцом? Из меня получился бы странный отец. Когда я выходил бы с сыном из школы, на меня смотрели бы настороженно — думали бы, что я украл мальчика, которого держу за руку.

— Алекс, ты проецируешь на других свое негативное видение мира. На всех других. Они не хотят тебе зла. Они не наблюдают за тобой украдкой. Они не замечают тебя, как не замечают весь мир. И если иногда встречаются с тобой

взглядом, то случайно. Им все равно, какая у тебя внешность и какая профессия. Ты лечишь людей книгами. Ну и что? Ты отказываешься жениться. Ну и что? Кто от этого страдает? Я! Другим на это совершенно наплевать. Я люблю тебя.

Хвала различиям и безразличию! Позитивная уверенность Мелани. Полная отрешенность. Жить и дать жить другим. Она могла бы стать библиотерапевтом вместо меня. Яркая личность, колоритный библиотерапевт. Вот что главное в жизни — встречаться с яркими личностями.

Только лососи плывут вверх по реке

Мелани уже несколько недель жила у своих родителей. Возвращение к истокам — в какой-то степени вынужденное. Однажды вечером она вышла из дома на пробежку и не вернулась. Бесконечный бег трусцой. Чтобы он продолжался так долго, нужно бежать сотни километров. Прозрение: с Алексом у нее никогда ничего не получится. И желание курить — у нее, не курившей уже десять лет. Мелани выкурила почти всю пачку у выхода из бара, где купила ее. Выплюнуть свое прошлое. Ничего не оставить в себе. Воздух такой нежный. Люди на террасе выглядят счастливыми. Кто-то громко разговаривает. Алекс ждет ее — Алекс, который ее любит. А она теперь любит его лишь временами — перерывы в работе сердца. Иногда она готова задушить Алекса за пустяк.

Она стояла и смотрела на тех, кто пил рядом. Никто ее не замечал. Через час она послала Алексу короткое электронное сообщение: «Не жди меня. Я ухожу».

И отправилась в городок Мезон-Альфор по восьмой линии метро. И пришла к родителям, которых встревожило то, что она приехала в такой поздний час. Мелани ничем не рисковала, явившись к ним, в дом 10 по улице Вильсона. Ее мать, поклонница превосходной степени прилагательных, всегда помещала дочь на вершину пирамиды.

Мелани самая умная в семье.

Мелани самая ласковая в семье.

Мелани самая приятная в семье.

Мелани самая красивая в семье.

Мелани самая большая альтруистка в семье.

Мелани самая, самая, самая, самая, самая, самая. Эти слова словно сыпались в бездонный колодец.

А Мелани иногда добавляла: Мелани самая порочная в семье. Добавляла потому, что в разговоре не выбирала слова и часто иронизировала.

И вот самая лучшая из дочерей спокойно объяснила родителям, что произошло. Мать выслушала ее с религиозным усердием, но не полностью осознала смысл непредвиденного позднего приезда дочери. В конце ее монолога мать спросила: «Значит, Алекс не с тобой?» Как будто Алекс был за дверью: парковал машину

перед домом и собирался присоединиться к ним после того, как оторвет у нее половину дверцы, зацепившись за недавно построенную стенку. Как будто Мелани ни разу не говорила, что решила с ним расстаться. Отец Мелани, как часто случалось, попытался объяснить ситуацию своей жене, которая из-за своего непонимания собрала на себе все воинственные взгляды. Это было удобно для Мелани: ее больше не видели. Она быстро сказала «спокойной ночи» и ушла спать в ту комнату, где жила подростком. Теперь эта комната была похожа на музей в ее честь. Культ дочери, покинувшей дом. Входя в нее, Мелани подумала, что эта комната идеально подошла бы кинематографисту для съемок в комнате умершего ребенка. Со времени ее отъезда ни одна вещь не сдвинулась с места. На постели, в которую она легла, были чистые простыни, потому что ее мать меняла их каждую неделю и считала это для себя делом чести. Когда муж спрашивал, какой в этом смысл, ведь белье от этого изнашивается, а пользы нет, она без конца повторяла: «Никогда не знаешь, что случится». Конечно, другие дети семьи не имели права на такое обращение. Комната сыновей-близнецов была превращена в кладовую. Нужно сказать, что мать считала

их самыми эгоистичными, самыми скучными и самыми лицемерными членами семьи. Опустошить их логово казалось ей справедливым возмездием. Они не заслужили ничего лучшего!

Мать Мелани настолько обожала ее, что однажды предложила Алексу посмотреть фильм о том, как рожала свою дочь. Старших надо уважать, это сильное моральное обязательство. И Алекс неохотно согласился. Они сели на кушетку, обитую кожей, которая имела неприятную склонность прилипать к бедрам, когда на нее садились в юбке или шортах. Алекс быстро почувствовал, что ему не очень нравятся ни способности режиссера (отца Мелини), ни сценарий, такой же предсказуемый, как у фильма-катастрофы. Непрерывное движение камеры и постоянные шумовые помехи довершили дело, и библиотерапевт почувствовал в своем животе условия для возникновения опустошительной морской болезни. «Титаник» в окрестностях Парижа.

В продолжение всего показа мать Мелани — живая, а не та, что на экране, — регулярно бросала на Алекса взгляды, проверяя, не упустил ли он что-нибудь. А вот Мелани ушла из комнаты: она знала фильм до мельчайших подробностей. И занялась чем-то другим. Как поклонница «Голубой

бездны»[19], которая не хочет видеть этот фильм в сто пятьдесят второй раз, потому что вдруг поняла, что он, в конечном счете, не шедевр.

— Это самый прекрасный момент моей жизни, — сказала мать под конец, выбрасывая этим на помойку своих близнецов и их рождение.

— Как хорошо я вас понимаю. Фильм чудесный, — отозвался Алекс.

Старших надо уважать. Если бы этого правила не было или Алекс вырос в семье сумасшедших, он бы спросил у нее, не сняли ли они и фильм о зачатии любимой дочери. Фильмы о родах вызывают скуку у всех — во всяком случае, у всех разумных людей. Фильмы о зачатии заинтересовали бы больше зрителей.

Перед тем как уснуть, молодая женщина послушала несколько старых дисков, которые были ее спутниками много лет. Роясь в своих ящиках, которые почти все были сломаны, она наткнулась на запись концерта U2 на ипподроме в Венсене. У нее были десятки дисков этой группы, но этот был ей особенно мил. Не из-за качества звука.

Это была запись живой музыки, сделанная бездарными пиратами; ее было почти невозмож-

---

[19] Сноски: 19

«Голубая бездна» — фильм Люка Бессона, снятый в 1988 году.

но слушать. Но она медленно принесла с собой воспоминание о первом объятии с Алексом, который пригласил ее на этот концерт для того, чтобы в конце концов обнять. Недели разговоров по телефону, прогулок, походов в кино. И это зрелище в конце концов одержало победу над сопротивлением Мелани, которая не хотела отдаваться слишком быстро: ее учили, что ее надо заслужить.

В ее памяти возник тот июльский вечер цвета чернил. Алекс тогда пошел на большой риск — решил помериться силами с рок-звездой. Тот, кто приглашает свою девушку в кино, идет путем, где мало подводных камней. Другое дело — показать ей такого обаятельного мужчину во время представления, когда он обливается потом и тяжело дышит; это может стать концом многих рождающихся историй любви. Мелани, загипнотизированная певцом, которого обожала, охотно бы раздавила тысячи зрителей, сидевших перед ней, чтобы оказаться рядом со своим кумиром. Он был там, перед ней. Но толпа мешала ей подойти к певцу, и она, покорившись, приблизилась к Алексу так, чтобы это было заметно. Не имея возможности обнять Боно, голос которого, впрочем, не был голосом сирены, Мелани обняла студенти-

ка, аспиранта-библиотерапевта (какая смешная профессия), который плохо знал слова песен U2 и всегда все сводил к литературе. Из-за шума и толкотни Мелани совершенно не замечала, что у Алекса полностью отсутствует чувство ритма. Убаюканная этой музыкой, она обняла бы кого угодно. «Кем угодно» оказался Алекс, глотатель книг, всегда опаздывавший, но очень нежный с ней. Мелани чувствовала, что не ошибается: пусть у Алекса устаревшие культурные предпочтения, он даст ей всю любовь, которую она ждала.

Я шел мимо парижской дороги,
Я шагал по улицам в свете дня,
Я знал, что лето наступило,
Когда я увидел твои глаза,
Когда я увидел тебя…[20]

Первая ночь в прежней кровати стала хорошим отдыхом для Мелани. Никто не тянул одеяло. Никто не ласкал ее, когда она хотела спать. Никто ее не беспокоил. Она заново открывала себя. Ее тело существовало независимо от тела Алекса. Феноменологический опыт.

---

[20] Сноски: 20
U2, «With or without you», The Joshua Tree, 1987.

Компьютеры слишком много болтают

СРВ — сокращение рабочего времени. Если бы Обломов был придуман на сто лет позже, он бы добивался введения этой меры, против которой постоянно возражают. Впрочем, он бы, конечно, добавил к этому сокращению букву П — ПСРВ, полное сокращение рабочего времени.

Чэпмен больше не думал о персонаже Гончарова, но семя, брошенное словами писателя, дало росток в душе читателя. Этим утром, в среду, он проснулся без паники. Волноваться не нужно: начальник в курсе. СРВ. Новый вкус во рту от этого сокращения. Приятный вкус. Чистые простыни. Тепло дома, уже ярко освещенного солнцем. И тишина. Он хотел провести день со своей женой. С Клер. В первый раз он произнес в офисе ее имя.

«На завтра у меня намечен маленький сюрприз для Клер». Сослуживцы посмотрели на него с удивлением. Значит, его жену зовут Клер. Она начала существовать в устах Чэпмена и в их головах. Признак того, что он собирается уходить? Здесь никто не упоминал о семье. Работа, работа,

работа.

Клер еще спала, лежа на животе. Простыня не полностью укрывала ее. Чэпмен посмотрел на голое плечо жены. Плечо без возраста, обещающее нежность. Он прижался губами к ее коже. Еще один новый вкус, вернее, очень старый вкус, который оживил несколько воспоминаний, похороненных в глубине мозга. Чэпмен вспомнил, как много лет назад открыл для себя это плечо. Узнал, какая удача, что он может обнять Клер и медленно спустить с ее плеча бретельку бюстгальтера. Полное счастье. Красота Клер. Сколько мужчин желало ее? Только он один мог целовать это плечо. Удовольствие владеть тем, чего желают другие. Его губы, прижатые к коже плеча, не шевелились. Чэпмен не чувствовал желания идти дальше. Он хотел только пользоваться этой минутой. Ему было достаточно плеча.

— Что ты делаешь? — спросила Клер.

— Ничего. Отдыхай.

Ничего. Поцелуй уже ничто; а ведь в начале их отношений он был всем. У вещей это называется «моральный износ».

— Ты не идешь на работу? — пробормотала полусонная Клер.

— Сегодня — нет. Мы побудем вместе.

— Ты помнишь, что мне в начале дня нужно будет выйти?

— Да, я пойду с тобой. Мне это приятно.

— Ты в меня влюблен? — спросила Клер.

— Да ведь я всегда был в тебя влюблен. Ты такая красивая!

— Это твой библиочудак посоветовал тебе провести день с женой?

— Представь себе — нет. Это моя собственная инициатива. Мой библиочудак! Ты преувеличиваешь.

— Тогда это хорошая инициатива, — сказала Клер и перевернулась на спину, отчего стала видна ее постаревшая шея.

Клер использовала свободный день мужа — решила дать лучший уход своей коже. Свой салон красоты она оставила под присмотром подчиненных — мастериц. Она их всех подготовила сама. Обучала планомерно, одну за другой. По ее мнению, дипломы немногого стоили. Впрочем, у нее не было ни одного. Чтобы понять, что такое эта профессия на самом деле, надо мерить себя меркой своих клиентов. Практика, серьезность, самоотдача. «ПСС, — повторяла она каждый день. — Не забывайте, девочки: ПСС». Ее войско следовало за ней и полностью ей верило. Чэпмен

бывал очень горд женой, когда приходил к ней в салон. Она была так уверена в себе. И обаятельна. Гуру в области эстетики, не желающая принести в жертву человеческую природу. Клер улучшала эту природу — устраняла ее недостатки, скрывала ее трещины. В это утро, в своей кровати Чэпмен любил свою жену. Умиротворенный их коротким разговором, глуповато и немного наигранно улыбаясь (показывал свое удовлетворение, хотя никто не мог видеть его лица), он решил заказать по семейному компьютеру новую машину для стирки белья. Это было для него трудовым достижением, способом показать, что он в доме находится на своем месте. Он спустился на нижний этаж. Там пахло горячим кофе, и этот запах ободрил Чэпмена: программируемая кофеварка работает! Такой же редкий случай, как теперешнее стойкое тепло в конце года. Чэпмен надеялся, что новая стиральная машина полностью его удовлетворит. Приятный запах бытовой химии от чистого идеально отжатого белья. Эта машина тоже программируется. Легкость в управлении — интуитивность, как говорил один его сослуживец о своем айфоне. Интуитивность — великолепное слово. Новое слово. Оно вызывало у Чэпмена чувство, что он живет в своей эпохе. Что он сросся

с ней.

А Клер будет так счастлива пользоваться этой невероятной машиной, действительно очень красивой, идеальной по форме. Клер, которой он теперь никогда не делает подарки. Забыты невероятно дорогие кольца, которые он дарил вначале, и браслеты, такие тонкие (это была мода), что их можно сломать ногтем, и сверкающие ожерелья, из тех, которые заметны в полумраке. Теперь он подарит ей стиральную машину. Нажимая на кнопку «Оплатить», Чэпмен подумал, что любовь может принимать странные формы. Цифры, которые он ввел в свой компьютер, за несколько секунд проделают путь в сотни километров. От дома до банка. От банка до сайта в Интернете. От сайта до дома. И все это — не двигаясь. Как приятно делать, не двигаясь, то, что двадцать лет съедало его жизнь. Приятно дышать тяжелей и чаще и вытирать лоб. Приятно чувствовать жжение в мышцах даже от самого легкого усилия. И поднять руку, чтобы заметить «весьма ободряющие» результаты на белом табло в конференц-зале. Приятно развивать моторику пальцев. Приятно развивать моторику пальцев.

На экране появились слова «заказ одобрен» и улыбающаяся фигурка. Ему оставалось только

ждать прибытия этой прекрасной вещи. Он нажал кнопку «Домой» и снова оказался на своей главной странице.

«Обломов» за половину цены.

«Обломов» у вас в течение 24 часов.

Не упустите «Обломов»!

Посетите наш магазин «Обломов».

Рекламы с именем «Обломов» заполнили его поле зрения. Обломов везде. Персонаж Гончарова, несомненно, страшно устал бы, если бы его заставили разглядывать надписи с его собственным именем — его, лежащего без устали.

«Значит, Клер посмотрела на роман, о котором я говорил, — подумал Чэпмен. — Ну и артистка! Всегда притворялась, что не слушает меня, а на самом деле запоминала все. Это, конечно, потому, что у меня есть дар разговаривать с людьми», — решил он. Ему с ранней юности делали такой комплимент. Чэпмен не стал просматривать журнал браузера: он и так узнал достаточно. Он завершил сеанс и перезагрузил компьютер.

Стиральная машина за половину цены.

Стиральная машина у вас в течение 24 часов.

Не упустите стиральную машину!

Посетите наш магазин стиральных машин.

Рай стиральных машин! Прямо перед ним!

Нужно только им воспользоваться. Нажми кнопку — и получишь машину. Его мысль блуждала — с одной страницы на другую, с одной рекламы на другую. Вольно и свободно. Потом он вспомнил о жене, которая еще спала. Журнал. Журнал. Журнал. Она ничего не будет знать. Он только посмотрит. И в любом случае Клер ничего не скрывает от него.

Журнал

Открыть журнал

Вчера

Посещенные страницы

Поиск: Обригадо/Обро/Обнулить/Облигация/Обрамов/ Роман «Обрамов»/Обломов

Посещенные страницы:

Как будет «спасибо» на португальском языке?

Обро: деревня в департаменте Бондиги провинции Бугуриба на юго-западе Буркина-Фасо.

Обнулить: определение.

Облигация: что такое банковская облигация?

Обрамов: проверьте правописание.

Роман «Обромов»: проверьте «Обломов».

«Обломов»: роман Гончарова.

Свободная энциклопедия: Обломов.

«Обломов», счастье прочитать. Тайная критика.

Чэпмен мог видеть колебания и ошибки Клер: она не использовала никаких фильтров. Вот еще одно доказательство любви! Она побывала на нескольких сайтах, желая получить справку об «Обломове», но безуспешно. В критических отзывах — абсолютно ничего. Гениальное молчание! На сайте, загроможденном ошибками всех видов, роман Гончарова получил оценку два балла из десяти возможных. «„Обломов“» — неудачный роман. Роман неудачника». Общество, основа которого — постоянное составление рейтингов, в котором все время ставят оценки книгам, врачам, парикмахерам, ресторанам — погибшее общество, потому что однажды ему тоже выставят оценку.

Чэпмен закончил свое цифровое путешествие на спортивном сайте: ему хотелось узнать, изменилась ли за ночь ситуация вокруг Полстры. Заголовок был ясней ясного: «Полстра: 1 шанс из 10, что он остается во Франции».

Идти в ногу (или не в ногу)

Идти строем, громко говорить, петь, держать за руки людей, с которыми не знаком. Совершенно ясно: я не создан для манифестаций. Манифестация — что-то вроде дискотеки под открытым небом. Мое чтение — тишина, одиночество, в руках — книга писателя, которого я высоко ценю. Оно — антитеза манифестации. Эта стилистическая фигура — антитеза — может мне нравиться в тексте, но чтобы выдержать три часа ходьбы под гул голосов, мне понадобилось усилие из разряда: «Я беру это на себя». Кстати, по какому поводу собрались эти манифестанты?

Вокруг меня со всех сторон были десятки (на самом деле тысячи: я увидел бы это, если бы смог взлететь над землей и взглянуть вдаль) людей, которые жили под тем же девизом, что я: «Я никого не оставляю равнодушным». Может быть, это меня и беспокоило. Тревожило то, что я вижу похожих на себя, а я считал себя уникальным. Чувство, которое разрушало меня много лет. Чувство, которое отдалило меня от моей семьи и от друзей семьи. Чувство, которое сформиро-

вало меня и сделало тем, кем я был во время манифестации — молодым человеком, которому неуютно в толпе.

К счастью, Мелани была рядом со мной. Мы шли в едином ритме в одном и том же направлении — метафорическое изображение того, чем наша пара была много лет. В данный момент наше соседство было неестественным, как декорация малобюджетного вестерна. Зритель чувствует, что салун не настоящий и нельзя слишком сильно давить на створки двери; что деревенская церковь упадет, если дублер неверно выполнит трюк. Однако я верил в этот обман. Это обходилось мне недорого. Навязанная вера наделяла меня поддельным счастьем. Подсластитель для любви. Как только мы встретились с Мелани у Порт-Дофин, она предупредила меня: «Не создавай себе иллюзий: я знаю, ты это умеешь. В твоих книжках есть только невероятные истории. Но мы здесь в реальном мире. Здесь нет ничего необыкновенного. Забудь про богов из машины и прочие театральные чудеса… Мне приятно снова тебя увидеть, но не думай, что я сейчас признаюсь тебе в любви и мы снова начнем наши отношения с того места, на котором их закон чили».

Мелани не из тех людей, которые даже во время спора смазывают свои слова приятной маслянистой глазурью. Ее слова скорее напоминали удары ледоруба по отвесной скале. Многие кончали тем, что отцепляли от себя. Я же привык уклоняться от ее нападок. Поскольку она говорила о театральных чудесах, я не мог не вспомнить о «Скупом», где одно действующее лицо оказывается отцом, сыном или сестрой другому. Конечно, я ничего ей не сказал о репликах, которые проносились в моем уме: нельзя было ничего добавлять к ее словам, я должен был лишь кивнуть в знак того, что принял их к сведению.

Я даже добавил к тексту Мольера реплику, и сделал это без малейшего смущения, потому что местами он казался мне слабым:

«Да, Мелани, забудем прошлое. Найдем друг друга снова. Будем любить друг друга. Только мы способны творить чудеса».

Эта реплика меня совершенно не удовлетворила, и я оставил ее при себе.

Я должен был вернуться к действительности. Нужно оставить Мольера и ему подобных в шкафу, хотя они громко стучали в дверь, желая выйти оттуда. Нужно быть стойким и оттолкнуть их обеими руками. Крепко упереться ногами в

землю. Все эти мертвые писатели в конце концов устанут. Если же нет, двери шкафа сломаются, и вторжение станет неизбежным. Армия трупов ворвется в мою голову. Я буду пригоден только для психбольницы!

Два часа ходьбы в полной гармонии друг с другом. Когда ты в толпе, это возбуждает тебя и заставляет верить, что скоро все будет возможно. И нет никого, чтобы сказать тебе, что ты, возможно, зашел слишком далеко в некоторых своих мыслях. Полное согласие. Мелани была по-настоящему счастлива. Она во весь голос подхватывала лозунги, которые организаторы побуждали нас петь. Какая романтичная экскурсия по Парижу!

Между двумя попытками отдышаться я попробовал, несмотря на рекомендации Мелани, расспросить ее о том, как она жила после нашего расставания. Чтобы она меня услышала, надо было говорить громко. Еще один театральный прием: говорить громко, но при этом не создавать впечатления, что кричишь. Приблизиться к ее уху, но не слишком.

— Ты вернулась к своим родителям?

— Да.

— Ты нашла свои марки?

— Да.

— Что ты сказала?

— Да.

— Тебе не слишком трудно общаться с матерью?

— Нет.

Вообще-то сложности в общении были главным образом у меня, потому что Мелани отвечала только «да» и «нет». Словно она удалила из своего словаря остальные 79 998 слов.

Мы шли уже два часа тридцать минут. В сопровождении только что прибывших на место республиканских отрядов безопасности. Это был не эскорт — оцепление. И люди в нем были готовы задушить нас. Я знал, что некоторые из них неохотно обеспечивали нашу безопасность.

Справа от себя я заметил рекламное табло. Огромное и навязчивое. Именно навязчивое: оно навязывало себя нам, шедшим мимо. Его невозможно было не увидеть. Красивое табло, совершенно новое, на котором автоматически сменяли друг друга рекламные плакаты. На одном из них Полстра в трусах рекламировал какую-то марку белья. Правду говоря, он хорошо сложен — мускулистый, но не слишком. Слишком хорошо сложен — в этом нет сомнения. Информатика творит чудеса. На самом деле у

него, как у меня, должно быть, имеются несколько недостатков. Когда мы готовились повернуть обратно, довольный футболист уступил место группе поющих священников с сияющими улыбками. Они были одеты — иначе как можно было бы узнать, кто они такие? *Pauperes cantoribus*[21]. Служители церкви превратились в артистов, спортсмены отвлеклись от своего основного дела и стали продавцами белья. Больше ничто не движется как положено на этой планете — это ясно. *Pauperes peccatoribus*[22]. Опять появился Полстра, обнаженный в той же степени. Я не отрываясь смотрел на него. Снова эти обманчиво гармоничные формы. Ясные глаза. Никакого смущения от того, что он на улице полуголый.

Мы быстро поняли, что окружавшая нас толпа стала редеть. На смену первоначальному легкомысленному настроению пришла ощутимая тяжесть. Вдалеке звучали крики, были видны дымовые шашки.

— Уходим; прийти сюда было очень плохой идеей! — сказала мне Мелани.

И мы опять пошли в сторону проспекта, кото-

---

[21] Сноски: 21
Для нищих певцов (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

[22] Сноски: 22
Для нищих грешников (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

рый постепенно наполнялся дымом. Я спрашивал себя, в каком направлении лучше всего идти. Впрочем, есть ли здесь лучшее направление? Парижский проспект был полем боя. В моих ушах зазвучала песенка Гавроша.

Не удалась моя карьера,
И это по вине Вольтера.
Судьбы сломалось колесо,
И в этом виноват Руссо.
Я не беру с ханжей примера,
И это по вине Вольтера,
А бедность мною, как в серсо,
Играет по вине Руссо.

Я не хотел закончить свою жизнь как мальчуган у Виктора Гюго. Я же всегда мечтал скончаться, читая. Достойная смерть, венец моей карьеры. Умереть, читая. Кстати, читая что? Текст, который скрепил бы печатью эту карьеру. Может быть, Малларме?

О, не кляни ее за то, что Идумеи
На ней клеймом горит таинственная ночь.
Крыло ее в крови, а волосы как змеи,

Но это дочь моя, пойми: родная дочь.
Когда чрез золото и волны аромата
И пальмы бледные холодного стекла
На светоч ангельский денница пролила
Свой первый робкий луч…[23]

Конечно нет! Если выбирать, я бы предпочел более веселый и легкий текст: «Почему я съел своего отца» или «Заговор дураков»[24].

Но не такая смерть! Если меня линчуют между двумя автомобилями французских марок, мама этого не вынесет. В крайнем случае пусть это будет одна немецкая машина. Мама тоже представляла бы меня в этот последний момент с книгой в руках. Без всякого сомнения, с книгой Дюма. Моя задумчивость была слишком заметна: глаза смотрели в одну точку. Поэтому Мелани крепко сжала мою ладонь и сказала:

— Проснись, Алекс! Я уверена, что ты опять думаешь о своих книжках. Сейчас не время для этого.

---

[23] Сноски: 23

Стефан Малларме. «Дар поэмы», перевод И.Ф. Анненского. (*Примеч. пер.*)

[24] Сноски: 24

«Заговор дураков» — шутотрагедия русского поэта и писателя Анатолия Мариенгофа, друга Есенина. (*Примеч. пер.*)

Мы снова встретились посередине проспекта, в самой невероятной толчее, какую я когда-нибудь видел. Погружение в сфумато картин Леонардо да Винчи. Я держал ладонь Мелани в своей ладони, она мою в своей. Эта протянутая между нами нить помогала нам думать, что все будет хорошо. Мы бегом, опустив голову, помчались по проспекту обратно. Мне не удавалось понять, кто на нашей стороне, а кто нет.

Бежать по улицам Парижа, опустив голову, и думать о том, что миллионы туристов проводят все время своего пребывания в столице с поднятой головой. По необходимости поднимать голову. Держаться подальше от машин, брошенных попавшими в ловушку автомобилистами.

В конце концов мы добрались до более спокойного места. Мелани сказала мне, что надо продолжать идти, чтобы наши сердца не испытали слишком большой шок. Надо замедлить ритм и отдышаться. Как ныряльщик, который, поднимаясь на поверхность, должен останавливаться для декомпрессии — 180, 160, 140…

До каких показателей замедлять? Велосипедист под допингом в состоянии покоя должен иметь пульс шестьдесят ударов в минуту. А не меньше? Без понятия.

Наконец мы остановились около какого-то фонтана. Вода в нем текла: мэрия ее еще не отключила — декабрь такой теплый. Какая удача: я хотел пить.

«Вода не пригодна для питья».

В нормальном состоянии я бы никогда не захотел пить эту воду. Но я был не в своем нормальном состоянии. Я готов был прыгнуть в Сену, чтобы понизить температуру своего тела. Почему бы и нет? Я вылез бы из нее освеженный, но с одной или двумя кожными болезнями. Хотя бы освежу себе лицо водой из фонтана.

Мелани обняла меня: она думала, что я опечален и испуган тем, что мы увидели и услышали. Я не был испуган, мне только были противны дымовые шашки. Кто их изобрел?

— Не плачь, Алекс, я рядом.

На самом деле я не плакал, но слегка подыграл ей, пользуясь случаем. Объятие стало крепче.

Моя мать однажды сказала, что у меня каменные глаза, потому что я никогда не плачу. Для нее я был чем-то вроде Венеры Арлезианской, глаза которой не хотят ничего видеть, а происхождение неясно. Эта реплика прозвучала, когда мать сообщила мне о смерти одной из своих сестер, а я не отреагировал на эту новость потоком слез.

Это была сварливая тетя, пара другой тети, столь же неприятной и, к несчастью, до сих пор живой. Некоторые семьи ужасны, и моя входит в их число. Я мог бы пролить ради приличия несколько слезинок, вырвать себе ногти, разорвать на себе одежду, ломать себе пальцы. Разыграть сцену, достойную героини рыцарского романа, узнавшей о смерти своего мужа. Но моя тетя не заслуживала ни одной слезы: она была самым скупым человеком в мире, противоядием от щедрости.

Я называл ее «тетя Скрудж», потому что в то время еще не прочитал Сада. Скрудж — мерзкий персонаж Диккенса. Она была Скруджем из начала книги, до его прозрения, до смерти, которая открыла ему глаза на то, что он злой. У этой тети все шкафы были заперты на ключ. Мои двоюродные братья должны были выпрашивать у госпожи Скрудж еду как милостыню.

Когда она смотрела на меня, мне казалось, что она ест потроха гниющего животного, такое отвращение отражалось на ее лице. Дорогая тетя Скрудж. Нужно было бы оплакать ее, когда она мгновенно умерла от пищевого отравления. Вот как подшутила судьба. Видно, плохая идея — есть внутренности животных…

Значит, каменные глаза. Глаза Венеры. Я хотел

почтить тетю тем, что сэкономил слезы — не потратил ни одной. У моей матери очень мало познаний в медицине, зато много метафор. Мои глаза из камня, но время и эрозия сделали их проницаемыми для воды. И дымовые шашки тоже. Причем они — в первую очередь. Мои глаза потрескались. Мелани знает эту легенду. Когда она впервые пришла в наш семейный дом, легенда была рассказана ей с пояснениями и подробностями. Красивая реклама для моей особы.

«У моего сына каменные глаза. Ты уже видела Венеру Арлезианскую? Она отводит взгляд в сторону и не хочет ничего видеть». Меня сравнивают со статуей женщины! Давид у Микеланджело тоже не смотрит прямо перед собой. Он больше подошел бы для сравнения, хотя я признаю, что мускулатура у него развита сильнее, чем у меня. При этом моя мать знала, как он выглядит. Почему она выбрала статую женщины?

К счастью, меня спасла кристаллизация. Реклама оказалась неэффективной. Мои слезы не интересовали Мелани — и скульптура тоже. Мелани предпочитала мою улыбку, мою деликатность, мою склонность сопровождать ее повсюду. И мое желание редко противоречить ей, а редкость противоречий — главное, что делает

отношения прочными.

В тот день, освободившись от криков и тесной толпы, я был рад ее объятиям, пусть даже причиной этого сближения и была ложь. Маленькая ложь, которая не заставляла страдать другого. Я обожал дымовые шашки и их изобретателя!

— Тебе лучше? — спросила она у меня.

— Я думал, что мы никогда не перестанем бежать. Мне очень нужно снова начать заниматься спортом.

— Тогда я дам тебе несколько советов. Тебе нужна серьезная программа тренировок: ты начинаешь с очень низких показателей.

— Рассчитываю на тебя.

— Я пришлю ее тебе по имейлу. А сейчас я вернусь к родителям. Мне нужны покой и безопасность. Скоро я тебе позвоню.

Мелани обняла меня, как обнимают детей, и ушла. Когда смотрел ей вслед, она обернулась ко мне и сказала:

— Сними капюшон, а то полицейские тебя заберут.

Мы выходили из ада, а она говорила со мной так, словно мы возвращались из супермаркета. Ее идея обучить меня спорту сама по себе не была смешной, просто была неуместна в этих обсто-

ятельствах. У меня не было никакого желания заниматься спортом. Моя второстепенная фраза в устах Мелани стала первостепенной. Это явный признак того, что мы уже не вместе: один уже не понимает оттенки высказываний другого. Уже не различает тонкостей значения. Понимает каждое слово, каждое выражение в буквальном смысле. Конец любви двоих — это и конец их общего языка.

Я почти автоматически улыбнулся в ответ на ее совет. И не снял капюшон. Разве в правовой стране у людей нет полной свободы решать, как им одеваться?

Я хотел дышать более чистым воздухом.

Я не умер, как Гаврош. И был немного горд этим. Литература рассказывает трагические истории потому, что жизнь часто бывает трагической. Писатели создают ее, отталкиваясь от реальных несчастий. Гюго не сражался на баррикадах: он не мог сражаться, он писал. Трудно смешивать разные жанры. Тот, кто сражается, и тот, кто пишет, редко встречаются друг с другом. Гений — это способность заставить читателей поверить, что ты сражаешься на двух фронтах, когда на самом деле ты сидишь в своем кабинете у камина, в котором потрескивает огонь. За стенами грохочет бой, и

ты проверяешь, хорошо ли закрыто окно: шум не должен тебя беспокоить. Итак, литература — это жизнь, какой ее видят из дома через окно. Поэтому она может нам помочь — оттого, что она *почти* жизнь. Нужно просто приспособить текст к обстоятельствам. Это «просто» и есть суть моей профессии. Выбрать из миллионов существующих произведений и предложить несчастному человеку стихотворение или роман, который говорил бы ему что-то. Кстати, к тексту не зря применяют слово «говорить». Текст, который говорит с читателем, создает между ним и собой настоящую близость. Он проникает в нас не через глаза, а через уши.

Идя к метро, я вынул из кармана книжку стихов Эмили Дикинсон «Место под названием вечность». Эта девушка-затворница покорила мир так, как не покорял никто — из своего окна. Стихи у нее короткие, как надрезы скальпелем по коже. Глубокие надрезы на бытии — до самой его сути. Я всегда выходил из дома с книгой в кармане. Парижские проспекты так велики, что я могу читать, никого не толкая. А также ни на кого не глядеть, что позволяет мне не видеть притворно спешащих людей — главную особенность большого города. Нужно спешить, чтобы что-то

значить. Если ты торопишься, значит, тебя кто-то ждет. Если не спешишь, тебя никто не ждет, а значит, ты никому не интересен. Поэтому все делают вид, что бегут, расталкивают других, лихорадочно звонят по телефону. Дикинсон ничего не делала: она не жила в Париже.

«У меня не было времени ненавидеть, потому что могила бы сковывала меня, а жизнь не так длинна, чтобы прекратить вражду.

У меня не было времени и для того, чтобы любить, но поскольку нужно какое-то занятие, я подумала, что маленький любовный труд будет достаточным для моего счастья».

Мое чтение прервал знакомый мужской голос. Впереди меня шла группа из четырех человек — двое мужчин и две женщины. Я больше не мог слышать голос поэтессы: так сильно мой мозг старался определить голос, долетевший до моих ушей. В этом голосе звучала уверенность в себе. Это был голос мужчины, который тоже любит, чтобы его слушали. Кстати, говорил только он: остальные молчали, как немые. Я немного ускорил шаг, чтобы приблизиться к этим людям. С книгой в руке никто не примет меня за шпиона. Книгу часто считают залогом честности. Считают, может быть, потому, что никто никогда не видел,

чтобы грабители вошли в банк, держа в руках полное собрание сочинений Джеймса Джойса, и заявили: «Немедленно откройте сейф, или я прочитаю вам все „Поминки по Финнегану“».

Поскольку я теперь был гораздо ближе к голосу, мог ясно слышать его.

— Понимаешь, Фрэнк, чем больше времени проходит, тем меньше я понимаю, как две женщины или двое мужчин могут совокупляться. Это сумасшествие. Много лет я работал вместе с геем. Впрочем, это был очень симпатичный человек. Мы с ним много разговаривали о работе. Но как только он начинал говорить о своей личной жизни со «своим мужчиной», как он его называл, я чувствовал себя очень неловко. Но я, конечно, не говорил ему об этом и не показывал этого. Я сохранял спокойствие и притворялся, что принимаю все это. В общем, я вел себя так, словно это совершенно нормально, что Тютюр и Татар в воскресенье в дневные часы вместе пересаживают свои цветы. Ну так вот, теперь, став старше, я бы без проблем сказал ему, чтобы он рассказывал свои истории про педиков кому-нибудь другому.

Я слушал этот монолог, почти не анализируя его содержание. Я хотел знать, кто его произносит.

— Роберт, это, должно быть, мудрость. Теперь,

когда ты меньше тормозишь себя, ты более правдивый и искренний. Ты стал тем, кем должен быть. Я, к несчастью, еще не дорос до этого. В нашем офисе есть две лесбиянки, и они мне противны.

Другой мужчина из группы отвечал не так уверенно. Он почти запинался на каждом слове, как будто читал вслух слишком сложный текст и водил пальцем по строкам. Его слова я смог расслышать еще лучше.

Он сказал «Роберт». Но среди моих знакомых не было ни одного Роберта. Первый заговорил снова:

— Это придет. Не беспокойся. В любом случае сегодня им дали хороший урок. Он оставит след в умах. В конце концов они замолчат. Усыновление, браки и что еще потом? Они думают, что живут в романе… Кстати, — моя жена тебе об этом сказала — я начал работать с библиотерапевтом. Он выдающийся человек, прочитал всю муниципальную библиотеку. Я не думал, что смогу так разговаривать с интеллигентом. Посмотрим, что из этого получится. Еще я заказал революционную стиральную машину. Гениальная вещь. Я должен тебе про нее рассказать.

Чэпмен, Роберт Чэпмен! Продавец чудовищ,

которому не хватало времени! «Обломов»! Эти два имени были парой в моем уме. Теперь надо будет добавить к ним несколько прилагательных: тупой, нетолерантный, вульгарный… И это неполный список.

Как все грубые люди, он мог в одном и том же разговоре упомянуть стиральную машину, терапевта и свою ненависть к гомосексуалистам. Разумеется, нисколько не мешая своим собеседникам.

Чэпмен возвращался с манифестации, чувствуя, что выполнил свой долг. Счастливый человек!

Я продолжал вести себя тихо и прятаться под юбками Эмили Дикинсон. Шел за этой группой, не говоря ни слова. Внезапно одна из женщин обернулась: она, несомненно, заметила мое присутствие. Я сразу же наклонился завязать шнурки и применил гиперболу — потратил на эту операцию много времени. Потом я очень тихо и спокойно выпрямился и, медленно шагая, стал снова читать стихи поэтессы. Это оружие действует идеально. Женщина больше не беспокоилась. Если бы она набросилась на меня, я бы охотно швырнул им в лицо свой экземпляр «Поминок по Финнегану».

Слезы императора и слезы царицы

Есть люди, которым все удается. У них есть любовь, деньги, успешная карьера, красивый дом, идеальный газон (без единого сорняка), автомобиль, который трогается с места, как только нажата кнопка «Старт» (может быть, даже раньше), вежливые дети, волосы которых элегантно распределены по поверхности головы. У них никогда нет ни малейшей заботы. Никаких проблем с их страховщиком: он, не моргнув глазом, возвращает им деньги за любую бытовую технику. Даже обувь не осмеливается создавать проблемы пальцам их ног. Никаких недоразумений с самолетом, который везет их в отпуск: ни опозданий, ни забастовок персонала. Жилье их расположено в «счастливом месте»: никогда никаких проблем с поездом или метро. Все у них хорошо. К счастью, не всем так везет, и поэтому у терапевтов есть работа.

В моей жизни ничто не работало по этой модели. Моя машина трогалась с места, когда сама хотела. Моя квартира не была моей: она принад-

лежала моей бабушке с хриплым дыханием. Это была ее квартира. Газон… какой газон? Между этими четырьмя стенами нет ни одного клочка пространства, который был бы достоин носить это название. В объявлении об аренде указан балкон. Ты мечтаешь о прохладе, а на самом деле это узенький выступ окна, балкон для ящиков с цветами Мелани.

Мои дети. О них мне нечего сказать, значит, и об их волосах тоже. Мои отпуска. У меня привычка планировать их плохо. Примерно так: вижу в Интернете объявление «Сдается дом «Туфта» в Испании», плачу за его аренду, а едва пересекаю границу, он становится невидимым. Я думаю, что десятки журналистов разыскивают меня, чтобы услышать мое свидетельство. Выслеживают жертву. Если мне немного повезет, в итоге я окажусь на телевидении, в жалкой программе расследований, между выпуском про наркотики и выпуском о проституции.

Я был в одном шаге от погружения в полное собрание сочинений Шопенгауэра. Разочарование открывало мне доступ к великим мыслителям… на мгновение. И тут пришел потный Чэпмен.

В сущности, тот, с кем я должен увидеться через два дня, появился передо мной в своем подлин-

ном виде. И этот вид был не очень-то красивым. Но я должен продолжать встречаться с Чэпменом. Потому что пациента не бросают, даже если его высказывания достойны сожаления. Надо оставаться профессионалом. И ради денег тоже. С философской точки зрения это ничтожная причина, но я живу не в учебнике философии. Мне нужно жить. Надо есть, оплачивать счета. Надо существовать в мире, а не только в книгах. Я думал как Хайдеггер, хотя и не усвоил его понятия. И тем лучше: у этого старины Мартина были две или три причины упрекнуть себя.

Мне надоел этот день. Хватит! Я проглотил двойную дозу успокоительных. Обычно я их вообще не принимаю: слишком боюсь уснуть и не проснуться. Французы считаются чемпионами мира по употреблению успокоительных, и я не исключение из этого правила. Сейчас я даже мог бы претендовать на что-то вроде «Золотого мяча» в этой дисциплине. На приз «Золотой валиум». Я забрался в свою кровать и запрограммировал радио на отключение через сорок минут. И оказался слишком самоуверенным: через два часа после этого я все еще мечтал. Я снова включил радио. Чей-то монотонный голос возвращал к жизни несчастных слушателей, которые обращались за

советом. Их признания следовали одно за другим, пока не началась программа новостей.

«Манифестации, прошедшие по всей Франции, привели к многочисленным столкновениям. Три человека получили тяжелые ранения в столице и два в провинции. Шествия подверглись нападению противников движения «Брак для всех» и права однополых семей на усыновление.

Теплая погода стала настоящей катастрофой для профессионалов туристической индустрии. Лыжные станции пусты. Большинство из них закроются и будут ждать возможных снегопадов.

Новости спорта: Завтра ФИФА вручит свой самый ценный приз — «Золотой мяч». Церемония вручения пройдет в Женеве. В числе финалистов — французский нападающий Энтони Полстра».

Для того чтобы смеяться, надо, чтобы твой ум не был ничем занят. Нужно иметь топливо, которое заставит работать мышцы скул. Я не смеюсь вместе с пациентами. У меня авария: нет топлива. Нет потому, что я сам так хочу. Если бы я смеялся с ними, мой ум был бы доступен для меня, но недоступен для них. Я не первый, кто не смеется во время своей профессиональной деятельности. Иисус был таким намного раньше

меня. И это ему неплохо помогло — в смысле признания. Короткая, но наполненная жизнь на земле. И величие в потомстве. Лично я не прошу для себя так много. Довольные пациенты и Мелани со мной — этого мне вполне бы хватило. Что касается остального, у меня нет двенадцати друзей (а если бы имел, среди них, несомненно, предателей было бы больше, чем один). И борода мне совершенно не пошла бы.

Для одного из моих университетских преподавателей, маленького человечка с неисчерпаемым запасом нервного смеха, я был представителем печальной библиотерапии — той, которая предпочитает немного строгие тексты более легким произведениям. В противоположность радостной библиотерапии. «Бодрей, Алекс! Сегодня мы полакомимся текстом Дидро!» — говорил он мне, когда рано утром видел, что я бессильно согнулся над своим столом. Этот преподаватель плохо знал меня. Я избегал веселых текстов из боязни, что они окажутся сильней меня. А не потому, что не любил их, хотя, бывало, наслаждался текстом Дидро. Я, как умел, пытался защититься, восстанавливался после целой ночи утомительного чтения.

Для меня такая позиция неудобна, ведь из

всего узнанного из книг я твердо усвоил то, что смех — движущая сила многих писателей. Я борюсь со смехом, когда некоторые мои пациенты рассказывают мне о своей поломанной жизни. К счастью, датчик установлен на красное. Мышцы моих скул находятся в спящем режиме. Что бы сказали пациенты, если бы я заливался смехом даже при самой легкой ошибке в их речи? А они всегда случаются в самый неподходящий момент, когда напряжение бывает самым сильным. Или, что еще хуже, смеялся бы, когда отрыжка вторгается в серьезный разговор?

Отрыжка — болезнь века; это мнение журнала о здоровье, на который подписана моя мать. Отрыжка напоминает нам, что мы уязвимы. Отрыжка сломала бы половину трагедий Великого века, если бы драматурги использовали ее в ремарках. Стихотворный размер Расина был бы разрушен, если представить себе Тита и Беренику жертвами их жалких телесных оболочек:

Тит

…Высокий наш удел нам так велел страдать,

Чтоб весь увидел свет, сказала вся столица:

«Они и слезы льют, как цезарь и царица».

Да, нам с тобой – увы! разлука суждена.

Береника

И это от тебя услышать я должна?

Я, так привыкшая считать себя любимой?

Моя душа влеклась к тебе неодолимо

И лишь тобой живет...[25]

Моя мать всегда думала, что, если я никогда не плачу, я никогда и не смеюсь. Еще одна общая черта с Иисусом: одинаковое настроение в любых обстоятельствах. Какое разочарование для родителей, которые хотят иметь детей, впитывающих окружающий мир, как губка. Но она ошибалась. Я испытывал мало радости, когда мать была рядом, и это было заметно. В ее отсутствие я считал себя достаточно веселым — конечно, кроме того времени, когда был несчастен в любви. Я был счастлив потому, что мне оставалось еще так много прочитать, так много узнать о себе и о дру-

---

[25] Сноски: 25

Жан Батист Расин. «Береника», перевод Н.Я. Рыковой. (*Примеч. пер.*)

гих, так много раз прикоснуться к уму авторов и к их текстам. Одна книга влекла за собой другую. Литература — бездонный колодец. Но это теплый колодец; он не убивает, а успокаивает, потому что в нем лежат сокровища, которые выводят нас на поверхность. Книги не полностью отрезают нас от мира; они учат нас лучше понимать и осмысливать его.

Например, мои семейные проблемы исчезали для меня, когда я читал роман Бэшфорда «Огастес Карп». В нем отцу главного героя пришла на ум прекрасная мысль — сослать своих теток в Уэльс. Ах, если бы я мог сделать то же самое! Отправить бы три четверти моей семьи на Чертов Остров: в Ирландии для них слишком мягкий климат!

И без надежды на возвращение! Не как у Бэшфорда: там тетки рассказчика в конце концов возвращаются, как рецидивирующая бородавка на носу.

Я никогда не сопротивлялся долго желанию прочитать Мелани эти отрывки, и мы тогда смеялись до упаду. Кончалось тем, что она чувствовала ненависть к моей семье — на одно мгновение, когда становились видны наши десны. Этот оскал — признак обостренного чувства соучастия. Знак заговорщиков — розовый цвет:

наши десны были здорового розового цвета. Литература сближала наши рты. Мелани обещала мне прочесть этот роман: он такой забавный, так хорошо и верно написан. Но так и не принималась за чтение. Впрочем, не важно: мы обнимали друг друга.

Полифония

«Я полагаю, вы были вчера на манифестации. Я видел, что там произошла драка. И подумал о вас. Впрочем, я отправил вам сообщение вечером. Поскольку не получил от вас никакого ответа, мне стало страшно».

Но я легко отделался: удары приняли другие. Мне не совсем наплевать на вашу заботу. Я считаю ее трогательной. Если быть честным, я полагаю, что вы единственный человек, который подумал обо мне.

Мой мобильник за все это время не покинул карман. То же было и с письмом, которое я должен был передать Мелани. Она не могла сердиться на меня за забывчивость, так как не знала, что я ношу письмо с собой. Безвредное забвение.

Сообщение от Яна я получил, но не хотел говорить с ним по пути с манифестации. Как канатоходец над пустотой, я должен постоянно быть сосредоточенным. Никогда не верить, что умение держать равновесие — подарок или приобретение, которым ты можешь пользоваться как тебе угодно. И если бы Ян попытался слиш-

ком демонстративно качнуть нить, на которой я тогда стоял, он непременно получил бы от меня мощный удар ногой. Канат не трогают!

— Роман «Над пропастью во ржи» не вызывает депрессию! В нем есть струя ветра, которая несет на себе текст от начала до конца. Сегодня я не расскажу вам, чем он кончается, но я бы хотел прочитать вместе с вами несколько его страниц.

«Вы хотите, чтобы я его прочитал?»

Ян улыбнулся остатками своего рта. Получилось что-то вроде полуулыбки. Как на автопортрете Фрэнсиса Бэкона. Эта картина создана, чтобы пугать детей в школьных классах.

«Я пишу вам это, потому что вы никогда не спрашивали меня, могу ли я произносить звуки. Когда мне случается встречаться с людьми, что происходит не каждый день, они всегда задают мне этот вопрос. Они спрашивают себя: как это возможно, что человек не может говорить? Потому что они-то говорят! Они пытаются как можно четче произносить звуки, медленно шевелят для этого губами. „Это же просто шум; постарайся“. Я представил себе, как бы они сделали такое же замечание слепому: „Да перестань ты преувеличивать, я уверен, что ты видишь эту штуку, прикрепленную к потолку…“»

— Мне это было неинтересно, вот почему я никогда об этом не спрашивал.

«Я хочу, чтобы вы послушали мой голос. Выберите отрывок из книги».

— Как пожелаете.

Я с трудом открыл роман на двенадцатой главе, которую хотел прочитать Яну. Мои руки дрожали, поскольку предстоящее совсем не привлекало. Представьте себе, что вас пригласили в ресторан, который специализируется на морепродуктах, а вы терпеть не можете моллюсков, но вас позвала туда ваша невеста. Представьте себе, что официант ставит перед вами блюдо, наполненное всеми осьминогами, морскими ежами и ракушками, какие есть в море. Вы хотите уйти, но хорошее воспитание не позволяет вам этого сделать. Вы представляете себе самые худшие варианты — сделать вид, что вам плохо, придумать срочный звонок. Но нет, вы не должны омрачить свой образ. Поэтому вы остаетесь сидеть. А эти зверьки еще шевелятся в вашей тарелке. Устав библиотерапевтов требовал, чтобы я выслушал Яна. Я несколько раз видел во сне, будто слушаю его, а он говорит металлическим голосом — впрочем, не знаю, почему голос был металлическим. Ян не первый пациент, который тревожил мой сон.

Часто они напрашивались переночевать у меня. Я оставлял для них дверь открытой. Я заново проигрывал сеанс, изменял свои фразы, улучшал их. Казалось, что все будет хорошо. Тексты оказывали благотворное действие. Размышления читателей шли своим путем. До пробуждения.

«Вы боитесь, чтобы я читал?»

— Нет, нет! Просто вчерашний день немного выбил меня из колеи. Вот ваш отрывок. Страница сто два.

Ян начал мысленно читать текст. Его глаза быстро пробежали по строкам, потом замерли неподвижно. Он был готов.

И тогда в комнате подростка раздались странные звуки. Ни одного слова — только звуки. Как будто Ян проглотил килограмм камней и теперь выплевывал их по одному из глубины горла. Значит, голос у него не металлический, а всего лишь каменный. От этих звуков мне было не по себе: я знал, что молодой человек произносит их редко и с огромным трудом.

Когда я был ребенком, мать часто читала мне сказку Шарля Перро «Феи». И я боялся, что однажды со мной будет то же, что с героиней сказки, когда ту наказала мнимая принцесса: «Вот что я даю тебе в дар: как только ты скажешь слово, из

твоего рта выпадет камень».

Сейчас эта сказка становилась былью.

– Та… б… стар… и во… яло… буд… кто… фра-ви…

Дальше Ян читать не стал. Он выпил глоток воды и написал:

«Алекс, вам не по себе? Вы сейчас слышали мой голос. Каждое утро я заставляю себя тратить несколько минут на вокализы… вообще-то их можно называть вокализами… чтобы подтвердить себе, что я еще человек. Есть ли в литературе персонаж с таким же ужасным голосом, как у меня? Может быть, сирены…»

Если бы боли соответствовал какой-то определенный звук, голос Яна был бы для него образцом.

— Нет, я не вижу тут точных литературных связей. И я не чувствую неловкости. Я знаю, что вы напрягаетесь, чтобы дать мне услышать ваши слова. Это меня очень трогает, являясь знаком вашего доверия ко мне. И, говорю вам искренне, ваш голос отлично слышен.

«Мне еще далеко до того, чтобы стать певцом. Знаете, моя мать не желает слышать, как я „говорю“. Сначала она плакала, слушая меня, а потом сказала, что не хочет слышать тот шум, который

выходит из моего рта».

— Я не собираюсь судить вашу мать. Вы меня поймете. Было бы легко осудить ее, но это была бы ошибка. Будем работать вместе, Ян. Я прочитаю вам этот отрывок из Сэлинджера.

«Да, он будет звучать более гладко, если читать будете вы».

«Такси было старое и воняло так, будто кто-то стравил тут свой ужин. Вечно мне попадаются такие тошнотворные такси, когда я езжу ночью. А тут еще вокруг было так тихо, так пусто, что становилось еще тоскливей. На улице ни души, хоть была суббота. Иногда пройдет какая-нибудь пара обнявшись или хулиганистая компания с девицами, гогочут, как гиены, хоть, наверно, ничего смешного нет…»

Я долго читал без остановки. Ян внимательно слушал меня. Вдруг я почувствовал, что он напрягся.

— Мне продолжать?

«Да, пожалуйста, Алекс».

«Наконец рождественская пантомима окончилась, и запустили этот треклятый фильм. Он был до того гнусный, что я глаз не мог отвести. Про одного англичанина, Алека, не помню, как дальше. Он был на войне и в госпитале потерял память.

Выходит из госпиталя с палочкой, хромает по всему городу, по Лондону, и не знает, где он… Потом встречается с такой некрасивой, простой, честной девушкой, когда она лезет в автобус… Они вдвоем забираются на верхотуру и начинают разговор про Чарльза Диккенса. Оказывается, это их любимый писатель. Он даже носит с собой «Оливера Твиста», и она тоже»[26].

Ян положил на роман свой листок, чтобы прервать чтение.

Затем он написал:

«Эта книга — ваша библия! В ней есть все — любовь и литература. Я заметил, что вы кладете романы себе в карманы. Вы влюблены?»

— Я чувствую огромное уважение к Сэлинджеру. К его жизни. К его творчеству. А романы в моих карманах — это давняя привычка. Что касается любви, я сомневаюсь, что эта тема очень интересна. Я думаю, люди любят всегда, всю свою жизнь. Конечно, разные люди — с разной силой. Любовь записана в самой сердцевине наших душ. Когда человек полагает, что больше не любит, он ошибается: любовь только спит. Расскажите мне, Ян, о своей любви.

---

[26] Сноски: 26

Дж. Д. Сэлинджер. «Над пропастью во ржи», перевод Р.Я. Райт-Ковалевой. (*Примеч. пер.*)

«Мне очень нравится ваша теория. Скажем так: моя любовь спит уже давно. Возможно, она проснется, если выплеснуть на нее ведро ледяной воды. Я любил два раза — до аварии и после нее. До — была Эмелина, в школе. История, невероятная для меня, обыкновенная для всех других. Я избавлю вас от подробностей. Эмелина считала меня красавчиком. Я обнимал ее. После аварии была Валентина. Я любил ее в тысячу раз сильней, чем Эмелину, — потому, конечно, что она меня не замечала. Она никогда не сказала мне ни одного слова. Я ходил на занятия, чтобы увидеть ее. А она не смотрела на меня».

— Вы признались ей в своих чувствах?

«Нет. Попробуйте говорить со стеной, даже если на ней написана великолепная фреска. Стена вам никогда не ответит».

— Вы жалеете об этом? Может быть, вы могли бы возобновить знакомство с этой девушкой? Вспомните Холдена и его решительность. Он никогда не сдается, даже если кажется, что все пропало.

«Я, пожалуй, не сожалею, что у меня не хватило мужества. Теперь мне, конечно, было бы интересно сказать ей два или три слова».

— Я бы мог помочь вам ей написать.

«Не знаю. Всегда читать, всегда писать — я устал от этого. Вы нужны мне, Алекс».

— Не волнуйтесь.

«Я сейчас попытаюсь написать это письмо. Если я сумею это сделать, вы отнесете его Валентине?»

— Ян, это не входит в мои обязанности библиотерапевта. Вы мой пациент, а я не почтальон.

«Мне нравится ваш юмор! Я знаю, что прошу у вас слишком много. Я не стану умолять вас, Алекс: это не в моем духе. Моя мать всегда следует за мной, куда бы я ни пошел. Она придет за мной к дому Валентины. И прощай, тайна».

— Нет ли у вас друга, который мог бы оказать вам эту услугу?

«Ни одного. Я никому не доверяю, кроме вас».

Я знал, что терапевт должен оставаться на своем месте. Я знал, что мне нельзя вмешиваться в личную жизнь своих пациентов, а им в мою. Я знал, что библиотерапия — не почтовая служба. Я знал, что на экзамене в университете за ответ «да» на просьбу Яна мне бы поставили ноль с точкой. Но я больше не учился в университете. Мой диплом торжественно висел в моем кабинете, и каждый вечер я смотрел на него с безмерной гордостью. А Ян затронул чувствительную струну в

моей душе. Это была не жалость из-за того, что он не смел сам принести свою записку Валентине. Нет, он попал в цель, когда заговорил о своем отношении к матери. Ян боялся материнского надзора над его желанием написать Валентине. У меня у самого уже много лет сложные отношения с матерью. И я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь пришел мне на помощь, когда я был подростком.

Квартира, в которой жила Валентина, находилась очень близко к квартире Яна. Как только я вошел во двор, мне преградила путь консьержка. На первый взгляд в ее обязанности не входит поддержание порядка на общедомовой площади. Консьержка — что-то вроде овчарки, которая наблюдает за тем, как люди входят в дом и выходят из него. Всю жизнь она проводит, наблюдая за другими за крошечную зарплату и в январе — жалкие денежные подарки к Новому году. Нужно потерпеть еще несколько недель, и появятся конверты с подарочными чеками и маленькими открытками, на которых написано: «Счастливого Нового года!» На открытки ей будет наплевать, она сразу станет разворачивать чеки, чтобы увидеть, какая сумма в них написана. И ей бросится в глаза мелочность некоторых жильцов: «Всего десять евро!!! Эти пусть больше ни о чем меня

не просят!»

А пока она загородила мне дорогу своей метлой. После манифестации люди явно приобретают привычку мешать пройти, куда мне надо. Я не был обязан ничего говорить консьержке. Я не видел у нее полицейской карточки. И оранжевой повязки на рукаве тоже не было. Только слово «КОНСЬЕРЖ», написанное большими черными буквами.

— Добрый вечер! Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила она меня в конце концов.

— Я ищу квартиру Валентины Д.

— Вам повезло: она только что вернулась. Живет на втором этаже.

— Спасибо и хорошего вечера.

— Пожалуйста, месье!

Последнюю фразу она произнесла слащавым голосом консьержки, которая готова донести на вас из-за малейшего проступка — брошенной на лестнице бумажки или, что серьезней, немного шумного вечера.

Скоро я оказался лицом к лицу с великолепной девушкой, которая была очень удивлена, но внимательно слушала мои слова. Я представился ей и объяснил причину моего прихода. Она слушала, не прерывая меня, и согласилась взять у

меня письмо Яна. Но это оказалось письмо для Мелани: я сунул руку не в тот карман. Я исправил ошибку — взял свое письмо, отдал нужное. У меня нет никаких шансов быть принятым в корпус почтальонов. Я вернул на место письмо для Мелани. Плохое начало.

Оно было еще хуже оттого, что я использовал письмо, адресованное Мелани, как закладку. Я терпеть не могу загибать углы у страниц. Мне кажется, что, делая это, я пытаю книгу. Книги моей матери в конечном счете лишались многих абзацев: у нее была неприятная привычка загибать край страницы так, чтобы верхней становилась строка, до которой она дочитала. Если она прекращала чтение в начале страницы, все было хорошо. Но если заканчивала его в конце страницы, то сгибала ее почти всю. (Кстати, я задавал себе вопрос: почему она прекращала читать на таком месте. Ее, должно быть, останавливало какое-то исключительное обстоятельство, например, срочный звонок подруги, специалистки по употреблению знака «седиль»[27] в Средние века.)

---

[27] Сноски: 27

Седиль во французском алфавите — значок в форме запятой; ставится под буквой «с» как указатель, что та читается как [с] там, где по общему правилу должна читаться как [к]. (*Примеч. пер.*)

Когда я был подростком, читать роман из семейной библиотеки для меня было все равно что заниматься оригами. По этой причине я, став взрослым, пообещал себе не повторять эти варварские приемы. И опроверг этим теории, согласно которым семейные модели поведения неизбежно передаются от родителей детям. Ребенок, брошенный родителями, потом покинет своих детей. Сыновья, чьи родители развелись, неизбежно разводятся. Убийца зачинает сына-убийцу…

Так что закладка стала моей верной союзницей при формировании личности. Однако по мере того, как шло время и книги все глубже проникали в мое существование, закладку стали заменять все подходящие для этой цели предметы. Конверт, карточка из плотной бумаги для записей, билет на поезд, билет на метро (который назывался талоном, пока эстетки не отнесли это выражение к низкому стилю), фотография… Когда я заканчивал чтение, в книге не оставалось моих следов.

— Ян очень милый юноша. Мы учились с ним в одном классе. Но я мало общалась с ним.

— Он хотел вам кое-что сказать. Вы знаете, что у него сложная жизнь.

— Я прочитаю письмо. Так вы библиотерапевт?

Или вы почтальон?

— Только библиотерапевт; эта профессия не слишком известна во Франции. Работа почтальона для меня слишком быстрая.

— Я недавно читала статью про библиотерапию. Она показалась мне очень интересной. Очень мягкой. Я решила посвятить себя психологии, это близкая область. В будущем году пойду в университет ее изучать.

— Очень хорошо. Желаю вам успеха на этом пути. Могу оставить вам свои контакты на случай, если потом вы пожелаете стажироваться в моем кабинете.

— Почему бы и…

Из глубины квартиры раздался голос:

— Что там такое?

Валентина забеспокоилась и очень быстро ответила:

— Ничего, папа. Это ошибка.

Голос зазвучал снова:

— Эта консьержка совершенно ничего не делает!

Я не возмутился тем, что для этой девушки я был «ничего, ошибка», хотя эти слова, честно говоря, не украшали меня. Она сказала так, чтобы успокоить своего отца, — по крайней мере, я на

это надеялся.

— Спасибо, что принесли мне это письмо. Передайте от меня привет Яну.

— Спасибо, что выслушали меня. Обязательно передам привет. Оставить вам мои контакты?

— Хорошо, но в другой раз.

— Как скажете.

Консьержка ждала меня во дворе. Делала вид, будто поправляет контейнер для цветов. Услышав рядом с собой мои шаги, она сразу прекратила работать и повернулась ко мне лицом.

— Валентина красивая девушка, и к тому же очень умная. И вежливая. Она здоровается со мной каждый раз, когда проходит мимо. И могу вам сказать, что так делают не все. Некоторые меня как будто не видят. Словно я подставка для зонтов, которую поставили посреди квартиры. Они меня разве что не толкают. Вообще-то наше общество этого и хочет.

— Люди ужасны. Но вы правы: Валентина очаровательна.

Хотя Валентина и назвала меня «ошибкой», я не мог не признать, что в ней есть большая доля очарования. Мне нравятся женщины, которые меня слушают (а Валентина слушала, пока не раздался громоподобный голос отца), которые

широко раскрывают глаза, чтобы понять мои слова. Как будто глаза могут слышать. Если бы передо мной была маленькая Валентина, которую я мог бы очаровать — и в мире, где я был бы на двадцать пять лет моложе! Мы бы с Яном дрались насмерть, чтобы завоевать ее. Но нет, я снова обманываю себя. Ян не стал бы бороться, и я тоже. Валентина увлеклась бы самым красивым мальчиком в классе. Тем, кто всегда улыбался и мог бы во время вечеринок сыграть три аккорда на гитаре. Она бы и не взглянула на хилого парня с книгой в руке и на парня с изуродованным лицом, предпочла бы неумелых музыкантов. Девочки их обожают — к счастью, не все.

Я послал Яну сообщение: «ПИСЬМО ОТДАНО».

Его ответ пришел раньше, чем я успел положить телефон в карман: «Спасибо, Алекс». Должно быть, Ян прирос к своему мобильнику, дожидаясь моего ответа. Есть мину ты, когда этот предмет занимает все пространство вокруг тебя. Такой маленький предмет. Такой необходимый. И все так боятся его потерять. Те, с кем это происходит, без колебаний посылают по электронной почте тревожное сообщение всему миру — что-то вроде: «Я потерял мобильник, я как в аду». Посылают вам, даже если вы встречались с этим человеком

всего один раз в жизни. Потеря мобильника стала всемирным бедствием, современной чумой. Я представил себе, как лаборатории повсюду в мире стараются уничтожить эту болезнь. Скоро появится вакцина против потери мобильника — ВППМ.

Герой

— Энтони, я пытался дозвониться до вас вчера вечером, как мы договорились.

— Ах да! Мне очень жаль; одно обстоятельство помешало.

Есть такие люди, которые забывают вас на автомобильной стоянке у шоссе, если попросите их подождать, пока вы сходите в туалет. Они залезают в свою машину и едут к своей цели. Вы больше не существуете для них. А вы, выйдя из станции обслуживания, начинаете везде их искать. Осматриваете парковку. Проверяете машины возле бензоколонок. Бегаете как животное, потому что понимаете: вы один, тот человек вычеркнул вас из памяти. Тот человек уехал. И пока вы ходите с места на место, он спокойно продолжает свой путь.

Накануне я лихорадочно звонил Полстре. Вызывал его сорок три раза, но он не отвечал. Я начинал делать все возможные предположения, пытаясь объяснить то, что сначала казалось просто опозданием. Но мобильники сохраняют все данные, даже самые унизительные. Сорок три

вызова. Это могло закончиться в комиссариате полиции жалобой на преследование. Преследовать мужчину, к тому же футболиста! Какой трагический конец для меня! Я бы смирился с наказанием за это, если бы звонил жене Энтони — невероятной русской красавице, которую видел полуголой в бульварном журнале. Она достойна сниматься в фильме о Джеймсе Бонде с Роджером Муром. Но быть женой спортсмена…

— Ничего страшного. Только в следующий раз пришлите мне сообщение. Этого будет достаточно.

— Обещаю вам это. Но я заплачу вам за пропущенный вчера сеанс, не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь. Это просто организационный вопрос: я совершенно напрасно отказался от другого сеанса.

Слово «организация» в моих устах означало уважение. Слово «уважение», которое Полстра и его товарищи носили на своих майках между логотипом компании воздушных перевозок и эмблемой компании — производителя домашней электротехники. Для него это всего лишь слово. Смотрят ли спортсмены на то, что написано на их рабочей одежде? Уважение к противнику, уважение к различиям… Футболисты уважают

все, пока не начинается матч.

Другая встреча, которую я будто бы отменил, — это способ придать себе солидности. Словно я добавлял немного кукурузного крахмала в слишком жидкое блюдо.

— Ах да, мне очень жаль; одно обстоятельство помешало.

Точная копия его первой фразы. Пока наш разговор бесплодно угасал, я взялся за журнал, который забыла забрать с собой Мелани. «Спортинг». На обложке заголовок «Мания бега» и более мелкими буквами — удивительный подзаголовок: «Спортсмены и культура». Мелани не забыла журнал, она щедро оставила его мне. Листая журнал в присутствии Полстры, я мог показать футболисту, что тоже могу на мгновение забыть о нем, — разумеется, только сделать вид, что забыл.

— Сменим тему. Что вы думали о Калипсо и Цирцее?

— Я прочел не все, только несколько отрывков.

— Какие именно?

— Я не помню.

Энтони Полстра, великолепный нападающий и неудачливый лжец… в трусах в журнале Мелани. «Трусы чемпионов» — и лжецов! У этого парня

совершенно нет стыда!

— Улисс лжет Калипсо, когда убеждает, что будет любить ее так же сильно, как Пенелопу. Впрочем, давайте прочитаем вместе, если вы хотите.

— Я слушаю вас.

«Гермес не нашел Улисса в пещере Калипсо: великодушный герой плакал на мысу, сидя на том месте, где каждый день слезы, рыдания, горе потрясали его сердце, бросал взгляды на бесплодное море и проливал слезы…»[28]

— Я понимаю ваш выбор. Улисс уехал к Калипсо, но хочет любой ценой вернуться на родину. Я отлично вижу, в чем дело: вы не хотите, чтобы я уехал за границу. Вы думаете, что я буду несчастен.

— Вовсе нет. Честно говоря, я не интересуюсь спортом. Будете ли вы играть во Франции, в Испании или на Марсе, это ничего не изменит в моей жизни. У меня нет ни спортивного костюма с вашим именем, ни абонемента в вашем клубе. Будьте уверены, Энтони, что можно жить, ничего не зная о футболе — ни правил, ни звезд, ни команд.

---

[28] Сноски: 28

Гомер. «Одиссея», песнь 5-я, перевод В.А. Жуковского.

— Трудно в это поверить.

— Но это правда. Улисс у Калипсо мне интересен потому, что тут он проявляет гораздо более человеческую сторону своей личности. Он царь, воин, разрушитель крепости, но еще и маленький человек, который плачет потому, что скучает без своей семьи. Вот что тут интересно: его слабость. Он не вырублен из одной глыбы. Он человек, а значит, слаб. И мы, читатели, в течение многих веков принимаем его таким. Цельный, каменный, несокрушимый Улисс был бы забыт, когда закончилась Античная эпоха. Именно слабость создает героя. Вы меня понимаете?

— Думаю, что да.

— Вы герой, и вы не должны бояться своих слабостей. В них ваша сила, ваша красота… гораздо больше, чем в рекламном плакате, на котором вас изобразили бы голым.

— А, вы намекаете на рекламу трусов. Она мне очень нравится. Вы правы, Алекс, но в этом таком мужском мире трудно навязать людям себя с трещинами.

— Я это понимаю, но не забывайте, что люди помнят только сложных людей; слишком сильные или слишком слабые быстро исчезают. Улисс у Калипсо — плакса, и это нас трогает. Дальше

в книге он, не дрогнув, унижает великана. Вы должны принять то, что бываете разным, потому что вы герой. Вы да, а ваши товарищи по команде нет. Вы должны этим гордиться. Что касается рекламы, я считаю ее немного дерзкой, но хорошей. Это мое ощущение. Я не ее цель.

— Вы ошибаетесь! Вы цель, и даже центр мишени. Вы же носите трусы? В любом случае я постараюсь следовать вашим советам, Алекс. Это будет нелегко.

Разумеется, я ношу трусы! Но, разумеется, не такие, а более строгие модели, менее броские, без крикливых надписей, без семи красных букв ПОЛСТРА. Носить чужое имя на своих трусах казалось мне неуместным и почти унизительным для человека с неспортивным телосложением. Не могу себе представить, чтобы Полстра гордо носил футболку с надписью «Флобер» или «Вольтер». Каждый наряжается, как ему нравится, потому что в капиталистическом обществе, от которого подохнуть можно, надо признавать право выбора всего, даже трусов.

— Какое самое трудное действие из всех на поле?

— Удар по летящему мячу.

— Почему?

— Потому что мяч, когда движется, не касается земли. Нужно предвидеть его скорость, вращение, уравновесить свое тело так, чтобы отправить мяч в том направлении, куда хочешь. Такой удар всегда застает противника врасплох.

— То, о чем я вас прошу, не труднее этого. Мяча в этом случае нет, но есть люди, которые идут не в том направлении, что вы. Вы это поймете.

— Сколько времени понадобилось Улиссу, чтобы вернуться на Итаку?

— Двадцать лет.

— Двадцать лет, чтобы добраться до Итаки. Я надеюсь, что добрался бы быстрей! Похоже, Улисс плохо умел ориентироваться на местности.

— Вы правы, его познания в этом были очень ограничены. Вы бы легко превзошли его: вы совершили столько путешествий.

— Я действительно езжу по миру и смотрю на него. И еще не закончил с этим.

Полстра собирается уехать, это несомненно. У него страсть к перемене мест, как у Улисса. Только ему, в отличие от античного героя, не придется строить плот, чтобы отправиться в море. Полстре для этого достаточно банковской карты.

Переписка украдкой, или Мадам де Севинье умерла

Анна бежала к двери: кто-то нажал звонок. Она была в ярости. Кто посмел ЗВОНИТЬ? Кровь бурлила у нее в голове. Открывая дверь, она была в бешенстве. Почтальон сразу протянул ей посылку. У нее не было времени сказать ни слова. Перед тем как уйти, он поднес письмо к ее глазам.

— Это к вам? — спросил он.

Анна прочитала на обертке имя своего сына.

— Да, это ко мне.

— Я не знал, что у вас в квартире живет Ян. Его имя не указано на почтовом ящике. Вам бы надо его добавить. Так было бы удобней. Вы знаете, что мое время фиксируют, когда я делаю обход? Если каж…

— Я непременно это сделаю, но мой сын не живет в нашей квартире. Он здесь проездом.

Анне было очень трудно скрыть свое беспокойство и удивление. Ведь Ян в первый раз получил письмо. Никто вокруг не знал, что он живет в этом доме. Он выходил из квартиры очень редко. И не принимал у себя друзей. Ян не хотел, чтобы

мать добавила его имя к своему на почтовом ящике, и это было удобно для матери. Молчаливое соглашение. Она закрыла за почтальоном дверь и направилась в комнату Яна. За те десять лет, что прожила в этом большом жилище, она прошла много километров по его бесконечным коридорам. Каждый день она ходила по ним, служа своему сыну, — приносила ему еду, белье, питье…

Анна служила сыну молча, чтобы не усилить его непрерывные головные боли. Она подошла к комнате. Сын оставил дверь приоткрытой — знак, что к нему можно войти без риска. Ян больше всего терпеть не мог, чтобы его беспокоили, когда он занят. Когда такое случалось, он мог угрожать всему миру — конечно, на листке, что ослабляло эффект. Его движения становились истерическими, он лихорадочно, без цели ходил по комнате. Но в этот раз такого не будет.

Ян сидел лицом к экрану своего компьютера, спиной к Анне. Анна подошла и положила на письменный стол письмо. Ян не повернулся к матери, но та почувствовала, что он смотрит на пакет. Глаз сына она не видела, но ощутила его интерес.

— Тебе пришло письмо.

«Видл, — очень быстро напечатал Ян. На этот телеграфный стиль он переходил, когда очень хотел остаться один. — Спасибо».

У этого «спасибо» был привкус просьбы «оставь меня в покое».

Но Анна не двинулась с места и стояла как каменная. Она твердо решила узнать, кто прислал это письмо.

«Эт рклма», — напечатал Ян.

— Реклама, а адрес написан от руки? Браво, Ян! Ты хорошо надо мной посмеялся. Я не дура. Кто тебе написал?

Ян тяжело вздохнул. Он думал, что сможет избежать открытого столкновения с матерью. Но рассчитал неправильно — как пешеход, у которого нога застряла в водостоке посреди улицы с большим движением. Приближается машина. Сначала он думает, что она замедлит ход и не собьет его. Время идет, его ступня застряла прочно, двигаться невозможно. Пешеход начинает сомневаться. Он пробует успокоить себя: «Я хорошо заметен, водитель обязательно меня увидит». Но чем больше проходит времени, тем сильнее становится сомнение. И в конце концов пешеход замечает, что водитель не смотрит на дорогу — поглощен написанием эсэмэски. Тогда

он решает повернуться так, чтобы под машиной оказалась рука или нога. Без руки или ноги жить можно. Но без головы…

Ян не мог избежать спора. Нужно было просто сделать спор менее грубым. Для этого он решил правильно строить фразы и отказаться от телеграфного стиля, который очень сильно раздражал его мать.

«Почему ты не прочитала это письмо перед тем, как отдать мне? Так ведь делают с заключенными. По крайней мере, тебе бы не пришлось допрашивать меня».

— Не переходи на этот агрессивный тон. Ты в этом доме не заключенный и никогда не будешь заключенным. Я знаю мало таких заключенных, которые решили бы запереться в тюрьме добровольно. Ты считаешь себя заключенным, а я нет. Кроме того, я бы не позволила себе прочитать твое письмо. Я бы только хотела, чтобы ты мне сказал, кто тебе пишет.

«Мама, твое любопытство — признак очень дурного вкуса. Я не понимаю, почему ты желаешь прочитать это письмо. Но раз это для тебя так важно, я дам его тебе прочитать. Но не сейчас, потому что ты мало в нем поймешь. Ты не знаешь начала истории. Это письмо — ответ. Я писал

одному человеку».

— И ничего мне не сказал?

«А почему я должен был это сделать?»

— Я бы тебе помогла, дала совет.

«Мне не нужна помощь».

Ян открыл ящик своего письменного стола и начал рыться в куче бумаги. Он вынул оттуда десяток листков, которые все были в помарках там, где плохо стерты слова.

«Вот черновик моего последнего письма, того, которое отправлено из этой комнаты».

— Его отправил по почте Алекс?

«Нет, Алекс тайком отнес его адресату. Не сердись на него. Я попросил, чтобы он забрал и отнес сам. Он сделал лишь то, о чем я просил. Я знаю, что иногда этот аргумент можно оспорить, но не на этот раз. Прочитай этот черновик. Раз ты хочешь все знать, ты узнаешь все».

Ян протянул матери свой черновик. Он хотел, чтобы ей стало неловко. Хотел дать ей понять, что чужую переписку не читают, так же как не смотрят на человека, когда он спит. В этом есть что-то нездоровое. Анна забыла эти правила из-за того, что жила только со своим сыном, как те старые супруги, которые даже не дают себе труда закрыть ванную, когда один из них стоит под

душем. Не все нужно видеть.

«Валентина,

я не знаю даже, помнишь ли ты обо мне. Мы вместе учились в лицее (точнее, в одном и том же учебном заведении, потому что название не совсем точное). Я мальчик со странной головой. Тот, у кого лицо как будто вылеплено из пластилина неумелым ребенком и кто совершенно не способен заставить хотя бы одно слово вырваться из своего рта. Теперь ты вспомнила.

Сейчас ты спрашиваешь себя, зачем я написал это письмо (я пишу его от руки). Компьютерный текст кажется мне ~~ледяным~~ слишком холодным и слишком далеким. У меня почерк школьника (которым я уже перестал быть) или учительницы (которой я никогда не буду). (Рассмешить ее!)

Появление у тебя моего библиотерапевта тоже должно было тебя удивить. Это благородный человек. Он добивается, чтобы я вновь поверил в себя, и для этого ~~предлагает мне книги для чтения~~

заставляет меня читать. Это не получается, потому что я по природе склонен к депрессии. Я профессионал по депрессии. И вот пример: я возобновляю знакомство с тобой лишь для того, чтобы говорить о своем терапевте. Я сказал «возобновить», но было ли вообще начато знакомство ~~между~~ ~~нами~~? Мне кажется, что нет. Я даже уверен, что нет. Я так и не посмел приблизиться к тебе. Нужно сказать, что я должен все писать, чтобы общаться, а это ~~бывает~~ было достаточно сложно между двумя занятиями (или во время перемены либо обеденного перерыва). Теперь у меня есть время. Я больше не хожу на курсы. Я больше не мог выносить взгляды остальных… или отсутствие их взглядов. ~~Равнодушие~~. (Слишком сильное слово, она должна дочитать до конца.)

Я не помню, чтобы видел, как твои глаза останавливаются на мне. (Как будто избегать меня было для нее лукавым удовольствием.) Ну вот, ты начинаешь понимать. У тебя, наверное, есть очень много поклонников. Я хочу сказать тебе, что была любовь. Это японское выражение.

(Немного культуры, чтобы произвести впечатление.) Когда человек проводит всю жизнь в комнате, он может интересоваться самыми разными областями жизни – осьминогами, наскальной живописью, японским языком, Японией… В этой стране говорят очень безлично. Так легче – можно спрятаться за словами. Но мы во Франции, поэтому я напишу тебе более открытым текстом. Я любил тебя. Как другие, которые пытались тебя покорить. Я знаю, что любовь – не то чувство, которое человек испытывает в первый момент, встретившись со мной в коридоре. Чаще возникают страх, отвращение, сомнение. (Немного жалости.)

Я не поэт, я не смог бы писать тебе блистательные стихи. Я только хотел тебе сказать, что прочитал роман, в котором герой всю свою жизнь лжет другим и лжет себе. Если тебя интересует название, это «Самозванец Тома» Жана Кокто. Насколько я помню, ты обожала литературу. (Выдвинуть ее вперед, подчеркнуть ее достоинства.) Я узнал себя в этом Тома. Это было потрясение. И открытие. Счаст-

ливое для меня! Я больше не хочу быть лжецом. Я хотел бы выражать себя свободно. Чтобы показать себя таким, какой я есть под оболочкой из декатированного пластилина. (Редкое слово произведет на нее впечатление.)

У тебя, конечно, есть друг. Это естественно. Так же естественно, как то, что я отчаянно одинок. Я говорю это не для того, чтобы ты меня пожалела. (Лжец!) А потому, что собираюсь тебя кое о чем попросить. Я не желаю ни влиять на тебя, ни обязывать тебя своими доводами из области сожаления о несчастных.

Так вот, я прошу тебя о милости. Я думаю, ты уже заметила эффект, который производят предварительное объявление, отсрочка, ожидание. Все добровольно! Согласилась бы ты встретиться со мной один раз (один раз, два раза, три раза??? Десятки раз? Сотни раз? Пусть наша встреча продлится десять лет. Мы сидели бы все эти годы в баре, примотанные скотчем к сиденьям, и непрерывно говорили бы, наверстывая все время нашего молчания). Всего один раз. Мы могли

бы выпить по стакану и поговорить (я в метафорическом смысле), вспоминая доброе старое время.

Я долго вынашивал в душе эту просьбу, прежде чем высказался. Прости меня.

Ян».

Анна положила письмо и с тревогой посмотрела на сына. Ян, не промедлив ни секунды, передал матери еще запечатанный ответ Валентины.

«Мама, ты можешь прочитать мне ответ?»

— Не знаю.

Анна колебалась потому, что боялась читать слова Валентины. Слова, имеющие отношение к ее сыну. Слова, которые обязательно повлияют на него.

«Сделай это для меня, пожалуйста».

— Извини меня: я не должна была расспрашивать тебя по поводу этого письма. Извини меня: я зашла слишком далеко.

«Я сам прошу тебя. Не бойся. Читай это письмо вслух. Я не знаю, что ответила Валентина. Если ее слова будет тяжело слышать, ты будешь мне нужна. Если они будут долетать до меня через твои губы, мне будет казаться, что они не адресованы мне напрямую. Как будто они из романа».

Ян хотел смутить свою мать, и это ему удалось: ладони Анны стали влажными, рот пересох. Но она не хотела потерять лицо перед своим сыном: она сама создала эту ситуацию.

«Дорогой Ян!

Сказать, что я не удивилась, получив от тебя письмо, значило бы солгать. Честно говоря, я плохо помнила тебя. Так плохо, что не поняла бы, кто ты, если бы ты не сообщил больше информации. Ты был таким незаметным – впрочем, я тоже.

Я была счастлива узнать, что ты так много всего изучаешь. Спасибо, это было мне очень полезно! Общая культура имеет первостепенное значение для тех, кто, как я, решил получить высшее образование. Что касается остального, мне стало немного не по себе, когда я узнала про твои прежние чувства ко мне. Я ничего не замечала. Я в этом отношении немного наивная. Мне нечасто признаются в любви, и это удача для меня, потому что я всегда чувствую себя неловко в такие минуты. Я достаточно одинока, хотя уже некоторое время имею друга. У нас отно-

шения на большом расстоянии: он учится в Лилле. Мы видимся по выходным, когда он возвращается. В этих обстоятельствах я не хочу встречаться с тобой. Мой друг ревновал бы слишком сильно. Я со своей стороны не считала бы нормальным, если бы он встретился с другой девушкой, а меня бы не было рядом.

К тому же, честно говоря, я бы не знала, что тебе сказать. Мы не были друзьями. Я сомневаюсь, что мы могли бы ими быть. Если ты желаешь написать мне снова, я тебе отвечу. Но не очень торопись. Мой отец несколько недель назад записал меня в частный лицей. У меня очень много работы. Я хочу использовать все шансы, чтобы осуществить свой план относительно профессии.

Надеюсь, ты не будешь очень разочарован моими словами. Я не хочу этого.

Мы, несомненно, упустили что-то, когда не познакомились в лицее, но что прошло, то прошло. Мне очень жаль, что эта фраза такая неуклюжая, но она что-то вроде моего девиза.

Я должна отпустить тебя, чтобы уви-

деть по-новому.

С дружеским приветом,

Валентина.

P. S. Я прочитаю книгу, о которой ты мне сказал. Я по-прежнему очень люблю литературу. Советую тебе другую книгу Кокто – „Ужасные дети“».

Ян очень хорошо представлял себе обстановку, в которых было создано это письмо. Ситуация высказывания — так это называли преподаватели литературы. Выражения, бесполезные везде, кроме класса. Выражения, придуманные для того, чтобы вызвать у учеников отвращение к предмету. Выражения, придуманные для того, чтобы ни один учащийся не посвятил себя преподаванию французского языка. Валентина в строгом брючном костюме сидела на своей кровати, а та была покрыта толстым белым одеялом. Одеяло было зимнее, и Валентине, наверное, было жарко, если учесть, какая теплая погода стоит сейчас во Франции. Рубашка на Валентине была из джинсовой ткани: такие были на всех девушках, проходивших под окнами Яна. Брюки были светлые, легкие и не сковывали ее движений. Он

вспомнил, что Валентина никогда не надевала ни юбку, ни платье. Несомненно, она скрывала некрасивые ноги. И без сомнения, это были тонкие ноги, потому что Валентина была стройной. На ногах были маленькие пятнышки — возможно, родинки. Или пятнышки, возникшие из-за плохой циркуляции крови. Нужно представить ее несовершенной, чтобы не сойти с ума.

Не очевидно, что она писала, сидя на кровати в брючном костюме. Отец, несомненно, подарил ей великолепный компьютер Mac с подсветкой. Ян не видел, чтобы она пользовалась компьютером. Эта машина, должно быть, считалась обещанием того, что дочь станет усердно трудиться в школе и будет отлично учиться. Даже в полумраке Валентина не портила себе глаза. Глаза — это важно.

Думала она, не написать ли письмо от руки? Конечно нет. К тому же в ее частном лицее все писали только на клавиатуре. Ручка — устаревший инструмент. Скоро ручки будут выставлять в музеях, чтобы показать молодым, что это такое. И дети будут широко открывать глаза от удивления при виде этой вещи, загадочной, как саркофаг.

Самым большим разочарованием Яна было то, что он не получил от этой девушки письма, написанного ее рукой. Получил листок фор-

мата А4, один из 500 листов в пачке. И слова, составленные из хитроумных сочетаний нулей и единиц. Там не было ничего личного, ни грамма Валентины. Ни орфографической ошибки, ни неловкого выражения. Программа проверки правописания идеально выполнила свою функцию. Вот преимущество супердорогого программного обеспечения.

Ян даже не сердился на мать за то, что она присутствовала при том, как был нанесен смертельный удар его любви. До чтения письма Валентины он уже давал себе один шанс из тысячи на то, что получит свидание от этой девушки. Анна тут была ни при чем. Разве Валентина могла сказать «да»? Как несколько неуклюжих фраз смогли бы убедить незнакомку?

Анна сказала, что ей надо позвонить по телефону, и ушла. Это был предлог оставить сына одного. Она тоже чувствовала, что это чтение — смертельный удар. Сын не верил Анне ни секунды: его мать ненавидела телефон. И кому бы она могла позвонить? В домах, где ничего не происходит, где есть только скука и повторение того, что уже было, необходимость позвонить быстро становится чем-то необычным. Если бы Анна решила воспользоваться телефоном, чтобы чем-то

заполнить свое время, пустое, как пакет, изображающий подарок под елкой в супермаркете, она бы уже сказала об этом Яну раз десять — накануне утром, накануне в полдень, в 16 часов, в 18 часов, накануне вечером, перед сном. В день звонка утром….

Ян положил послание Валентины к своим черновикам, потом сел за компьютер и начал сочинять письмо к Валентине — последнее. Чтобы закончить разговор. Если она не ответит, это не важно. По крайней мере, он скажет ей о своем разочаровании. Она отказалась увидеться с ним всего на несколько минут — какая мелочность! Есть ли у нее сердце? Слова вырывались из-под пальцев Яна, заполняли пыльный экран, и количество символов непрерывно увеличивалось. Ян подумал о Холдене, о его фразах, резких и все такое. И позавидовал Холдену, который был способен этими залпами слов отгонять от себя тех, кто создавал ему неприятности.

Немой Холден, выражающий свои мысли с помощью записной книжки, меньше щеголял бы своей речью. Пять минут ожидания перед каждой репликой. Надо выбрать слова. И следить за правописанием. Когда человек говорит, он не задает себе вопрос, одно или два «л» пишут в

слове «апелляция». Он говорит, и все тут. Если бы Холден был немым, Сэлинджер продал бы всего пятьдесят экземпляров своего романа. Немой подросток, который хочет посмотреть на уток. Такой прием напугал бы редакторов. И почтовый ящик романиста наполнился бы письмами вроде:

> «Дорогой месье,
> благодарю вас за то, что вы прислали нам свою работу, озаглавленную
> „НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ“.
> Этот текст интересен, но, к сожалению, не сможет войти в наш план публикаций…»

Ян улыбнулся своим мыслям. Он писал все быстрее. Это было сведение счетов на высокой скорости. О том, чтобы писать от руки, вопрос даже не стоял. Валентина недостойна его почерка, его умения идеально выписывать буквы. А если бы он скрыл от нее свое увечье? Если бы написал ей под чужим именем? Согласилась бы она встретиться с ним? Да! В этом Ян был уверен. Ему надо было бы продать себя. Изобрести какую-то невероятную историю. Он нарисовал по памяти целую серию портретов Валентины и хотел подарить ей эти наброски. Она пришла

бы полюбоваться собой. Посмотреть, как стала музой для мальчика, которого почти не помнила, для одноклассника, который очень мало пробыл в ее лицее. Можно было бы подчеркнуть, что так случилось по вине его отца, дипломата.

Ян поставил завершающую точку в своем письме. Потом положил указательный палец на клавишу Delete и держал ее нажатой, позволяя курсору съедать свои фразы. До верхнего края страницы. Курсор настаивал на своем — подпрыгивал, как будто не хотел забыть ни одного слова. Но от этого письма не должно было остаться ничего. Только бумага. «Файл», «Печать», «ОК». Из принтера появилась белая страница, удивленная тем, что она такая чистая, без единого знака. Ян положил этот лист в конверт, на котором указал адрес Валентины. Гнева больше не было.

После того, что произошло, мать не откажется отнести это письмо.

Она и сделала это — через час, когда якобы закончился ее мнимый звонок. Этот болезненный опыт стал для Анны прививкой: она пообещала себе давать теперь больше свободы Яну. Валентина многое теряет, отказывая ее сыну. Теряет заботливую свекровь и великолепную парижскую квартиру, на которую уже час как об-

рушивается декабрьский дождь. Выйти на улицу в такую погоду! В обычное время Анна прогнала бы от себя эту мысль. Но теперь, потрясенная событиями этого дня, она не стала этого делать. Ян просил ее, и в его глазах была печаль! И при таких глазах еще морщины по всему лицу… Она бросит вызов стихиям ради сына!

«Мама, я бы хотел, чтобы мой ответ был отправлен сегодня, тогда Валентина получит его завтра».

Прочитав эти слова, Анна взглянула из окна комнаты на потоки воды, которые с невероятным шумом ударялись о почву. Небо наказывало землю.

— Я сейчас схожу туда, твое письмо уйдет сегодня. Мне только нужно взять зонт.

«Спасибо, мама; но не задерживайся долго: уже поздно, я боюсь, почта закроется».

Анна поискала свой зонт там, куда обычно его ставила, но не нашла. Дождя не было уже много недель, и зонтик вернулся на летние квартиры. Анна не удивилась, что поиск начался с исчезновения: уже несколько месяцев ее память очень зло шутила с ней. Каждый день Анна теряла свои лекарства, лекарства сына, ключи и все вещи, которые постоянно были рядом с ней и Яном.

Анна принялась исследовать остальные комнаты первого этажа. Никаких следов такого желанного предмета. Она решила проверить, нет ли зонта в прачечной, где она бывала редко, потому что опасалась туда ходить. Там плохо работал свет из-за неверного соединения в проводке, которое не сумел устранить ни один электрик. Лампочка освещала комнату и примерно через двадцать секунд гасла. Поэтому Анна лишь на мгновение заглядывала в прачечную. Открыть дверь — нажать на выключатель — положить вещь на первое попавшееся доступное место — отступить назад — закрыть дверь.

Возможно, она положила зонт здесь. Анна подавила свой страх (под действием материнской любви) и обшарила все углы, не забывая вставать и снова зажигать свет. Наконец она встала на колени, чтобы заглянуть под старый внушительный предмет мебели, который служил ее мужу огромным ящиком для инструментов, когда муж еще спал в одном доме со своей женой и сыном. В этом предмете мебели находились все самые невероятные создания мира инструментов — ножовки странных форм, футляры для втулок, причудливые шлифовальные устройства… Все они до сих пор не были распакованы. Ее супруг,

конечно, хотел иметь чистую совесть и выглядеть опытным и умелым в глазах других клиентов магазина, где делал эти покупки. А сам таким не был.

Анна наклонилась еще ниже, чтобы дотянуться до самого дальнего и самого недоступного участка. Ее щека коснулась холодного пола. Анна не отапливала эту комнату: зачем тратить электричество на такое помещение? Прикосновение к ледяной пыли было неприятным. Может быть, иногда стоило включать обогреватель. Нельзя оставлять без внимания ничего. И никого.

В этот момент в нескольких сантиметрах от ее глаз появилась маленькая бумажка. Анна с трудом прочитала ее правым глазом: левый был слишком близко от пола, и рефлекс заставил этот глаз закрыться.

«Не задерживайся слишком долго, мама. Спасибо».

Ян стоял перед ней. Должно быть, содержание его письма очень важное; она не может ждать дольше. Тем хуже для дождя.

Анна пошла под хлещущими струями ливня в маленькое почтовое отделение, которое находилось на углу улицы. Письмо она прятала под курткой, чтобы оно не намокло. Это отделение об-

речено: оно такое крошечное, что его неизбежно закроют. Здесь нет машины для печати штемпелей. И человек открывает дверь на расстоянии. Это чудо. Она нажала на звонок, чтобы получить разрешение войти. Механизм в ответ сразу же открыл бы дверь. Но служащий не открыл: он был завален работой с тремя клиентами, которые уже находились в офисе. Анна позвонила снова, более настойчиво. Никакого отклика. Дождь заливал ее очки. Анна достала кусок бумажного полотенца, который взяла с собой из дома, чтобы вытирать нос. Попыталась вытереть воду и сопутствующую воде грязь. Попробовала разглядеть, что происходит внутри, но ей мешала видеть сухая спина одного из клиентов. Она слабо постучала в дверь, пытаясь привлечь его внимание. Он обернулся и смерил ее полным презрения взглядом. Анна опять позвонила. Звонок был слышен даже снаружи, но никто не обратил на нее внимания. На двери она заметила два знака — фигуры мужчины в наушниках и другого мужчины, вооруженного. Рисунки были перечеркнуты: это значит, что в таком виде нельзя добиться встречи с почтовым служащим. Надо бы добавить сюда третий рисунок — женщину в мокрых и грязных очках.

К счастью, из отделения наконец вышел мужчина с очень большой посылкой, которая загораживала от него стоявшую впереди женщину. Он задел Анну своей картонной коробкой и заворчал, думая, что дверь слишком узка для посылок этого размера. Анна, разъяренная и мокрая, наконец вошла.

Прождав пятнадцать минут, она наконец смогла поставить штемпель на письме. На конверт не попало ни капли воды. Анна была этим так довольна! Она гордилась своей материнской преданностью. Ян будет ей благодарен — в этом она не сомневалась.

Ян стоял у окна своей комнаты и смотрел на мать, которая возвращалась домой под дождем, втянув плечи словно для того, чтобы вода не просочилась под одежду. Кончиками пальцев он крутил зонтик своей мамы.

Классики бессмертны

Чэпмен пришел на следующий сеанс бодрой, даже задорной походкой. На этот раз он не дышал тяжело и не потел сверх меры. Как только я открыл дверь, он бросил: «Я выполнил-таки свое задание». Это напомнило мне, что Чэпмен человек грубый, из тех, кто на свадьбах поет самые вульгарные куплеты, надевает арабские башмаки без задников, как только приезжает на отдых в Магриб, или сомбреро, когда ступает на землю Мексики. К счастью, профессионал во мне умел поддерживать беседу. Я повторял себе: «Подхватывай, Алекс, подхватывай!» Чэпмен уселся в кресло, словно оно принадлежало ему. Если говорить точнее, он развалился в этом кресле, одновременно укладывая на мой низкий столик газету, которую держал в руках. Я подчеркиваю: на столик, потому что столик был белым, без единого пятна, а мокрые пальцы моего пациента в сочетании с типографской краской от газеты, несомненно, привели бы его в состояние, которое можно охарактеризовать как иное. «Подхватывай, Алекс, подхватывай».

— Итак, поговорите со мной немного об Обломове.

— Отвратительный человек! Я его ненавижу; но такое удовольствие видеть, как он ничего не делает.

— Мне кажется, что этот персонаж притягивает и отталкивает одновременно многих читателей. Вы не первый, кто говорит мне это.

— Вот именно — притягивает и отталкивает! Он презирает ценность труда — движущую силу нашего общества. Движущую силу моей жизни. Он делает то, что нравилось бы делать мне. Утром остается в тепле, когда весь мир идет на работу. И с наслаждением смотрит из окна на соседа, который едва не поскользнулся на обледеневшей земле.

— Этот сосед — вы?

— Должен признать, что да. Это печальная правда. В своем квартале я раньше всех ухожу в офис. И это продолжается уже много лет!

— Я думаю, что Обломов может открыть вам глаза на возможность жить по-другому. Разумеется, я не советую вам бросить работу и проводить все дни на диване. Я не хочу вам плохого. И ваша супруга не поняла бы такой радикальной перемены. Она была бы вправе обвинить меня в

колдовстве. Но я думаю, что вы могли бы изменяться маленькими шагами. Вы знаете, что такое пуантилизм?

— Нет.

— Это течение в живописи. Его последователи проповедовали искусство «маленького мазка». Картина создается точка за точкой. Для этого нужны тысячи точек. То есть вы будете эволюционировать медленно.

— Представьте себе: я уже совершил такое изменение. Я вышел отдохнуть со своей женой!

Чэпмен сказал мне это тоном, который не был в ходу уже четверть века. Тоном мужчины, объявляющего друзьям о своей победе в Национальной лотерее. «Самый большой выигрыш за всю историю игры».

— Очень хорошо: Обломов действует!

— Ох! Вы сами не знаете, до чего удачно сказали. Этот персонаж вдохновляет меня. Я также взял день отдыха. Первый день за пятнадцать лет. Моя жена подумала, что я плохо себя чувствую. Мы отлично погуляли по парижским улицам вместе с двумя друзьями. Этого с нами не было уже целую вечность…

— Париж идеальный город для того, чтобы снова встретиться с друзьями и любимыми.

В Чэпмене хорошо то, что с ним я мог, ничем не рискуя, поддерживать разговор банальностями. Он выражал полное одобрение моим словам ритмичными движениями головы — снизу вверх, потом сверху вниз. Мне бы хотелось добавить, что Париж — город, созданный для избиения демонстрантов. Но моя совесть профессионала помешала мне это сделать. Или мне не хватило мужества. Чэпмен считал контрманифестацию, которая завершилась ударами и ранами, прогулкой в компании друзей.

— Не хотите выпить воды?

— Охотно выпью.

Я вышел на кухню и там налил в стакан минеральной воды.

И вспомнил новеллу Маргерит Юрсенар «Вдова Афродисия». О женщине, которая мечтает отравить убийц своего тайного возлюбленного. Мамаша Маргарита и ее макиавеллиевская жестокость.

Я не дошел до того, чтобы плюнуть, как вдова Афродисия, в стакан Чэпмена. Впрочем, я не вдовец и не грек. Зато я налил ему воды, которая стояла в старой бутылке уже много недель. Налил воды для увядших гераней. Мутную и со странными пузырьками. Часто говорят, что

самые жестокие убийцы — те, которые ведут совершенно спокойную жизнь. Например, примерный отец семейства, страховой агент, выходя из офиса, встречает одинокую девушку. Затем поездка в багажнике машины до близлежащего леса. И на несколько дней обеспечена слава как для убийцы, так и для жертвы.

Чэпмен не был убийцей, но за его добродушной внешностью скрывался экстремист в отношениях между людьми. В вечер манифестации он, должно быть, мирно обедал с женой, и на ногах у него были тапочки. Они смотрели новости. Если бы, на их счастье, одна из камер сняла эту парочку, они воспарили бы душой. Увидеть по телевизору, как они рыгают, любоваться тем, как они оскорбляют и преследуют демонстрантов-пацифистов — это привело бы их в восторг.

Седьмая из «Восточных новелл».

— Спасибо, Алекс, она пошла мне на пользу. Это вода из-под крана?

— Да, я никогда не покупаю воду в бутылках. Я считаю, что у нее специфический привкус, почти вкус пластмассы. Совершенно неестественный.

— Как же вы правы! Мы тоже ее не покупаем. Я планирую очень скоро установить у себя смягчитель воды. Если можно сделать немного хорошего

для планеты, отказавшись от пластмассы…

— У меня есть смягчитель! Вода, которую вы пьете и которая вам, кажется, понравилась, прошла через него. Разница действительно ощущается.

Я немного солгал. Торговые агенты регулярно предлагали мне этот прибор, но я их не слушал. Я позволял им высказываться, поскольку многие из них занимались этим ремеслом из-за нужды, и я не хотел быть неприятным. Когда речь заканчивалась, я улыбался и произносил фразу, которая обращала всех их в бегство: «Я здесь съемщик».

Во Франции это постыдная фраза, которая мгновенно делает человека гораздо менее интересным. Я не был близок к обладанию смягчителем воды. В любом случае Чэпмен не видел жидкую западню, в которой с радостью уютно расположился.

Жестокость свойственна людям. Трудно представить себе, чтобы лев, пожирая свою добычу, специально кусал ее за ту часть тела, где укус будет всего больней. А мне было приятно видеть, как Чэпмен пил воду из своего стакана так, словно это было вино лучшего сорта. Он, как сомелье, нюхал жидкость и держал ее во рту. И не забывал отодвигать от себя стакан, вытягивая руку, чтобы

лучше оценить качество содержимого.

СОСТАВ ЖИДКОСТИ (хранится в секрете):

вода;

различные загрязняющие примеси (в том числе останки разложившейся мухи);

бактерии.

Чэпмен выпил еще немного воды и снова взялся за «Обломова».

— Вот что меня удивляет в вашем выборе этой книги: персонажи полностью отвергают литературу. Предлагая ее мне, вы рисковали. Я больше не читаю, а вы даете мне в руки историю типа, который полагает, что авторы книг бесполезны. Историю человека, который бесчувствен к словам и читает газету, не интересуясь датами.

— Профессия библиотерапевта связана с риском. Я отлично представляю себе отрывок, о котором вы говорите. Почитаем его, если вы хотите. Насколько я помню, он находится где-то около страницы двести.

Мы наклонились каждый над своим экземпляром и принялись искать. Мчались, словно бегом, к тому месту, которое позволит нам услышать, как Гончаров говорит нам, что можно быть невосприимчивым к литературе. Я — противоположность таким людям. Я впитывал слова словно

губка. Каждый роман, каждое стихотворение проникали в клетки моего тела и смешивались с моей кровью. Анализ крови был бы должен это показать! Биолог воскликнул бы: «Его кровь отравлена, насыщена словами, он погиб!»

— Я нашел. Это на странице сто девяносто. Вы не сильно ошиблись.

Чэпмен был счастлив, что выиграл соревнование. Когда-то он был прилежным учеником.

— Сейчас я прочитаю его вам, — заговорил он снова. — Еще несколько лет назад я был бы не способен на это, но сейчас не чувствую ни малейшего беспокойства. Читать вслух очень нескромно. Человек не может спрятаться за текстом. Но я доверяю вам! Я знаю, что вы не станете смеяться надо мной.

Чэпмен выпил еще глоток воды, чтобы очистить голос. Он идеально проанализировал ситуацию. Дать услышать свой голос во время чтения, несомненно, означает создать себе опасность. Тишина перед чтением пугает до ужаса. Потом возникает голос, который разрушает ее и уже не дает ей возникнуть снова. Голос призывает голос. Я не имел ни малейшего намерения высмеять его чтение: мы были не на уроке литературы. И даже самая худшая насмешка была

бы мелочью по сравнению с тем, что я сделал за пять минут до этого. Мой пациент мне доверяет. Сколько счастья, сколько гордости! Все терапевты надеются на это заявление, которое открывает пациенту двери к выздоровлению. А я услышал это после того, как налил Чэпмену грязной воды. Нужно получать удовольствие от этой, порой трудной, профессии.

«Илья Ильич иногда возьмет и книгу в руки — ему все равно, какую-нибудь. Он и не подозревал в чтении существенной потребности, а считал его роскошью, таким делом, без которого легко и обойтись можно, так точно, как можно иметь картину на стене, можно и не иметь, можно пойти прогуляться, можно и не пойти: от этого ему все равно, какая бы ни была книга, он смотрел на нее как на вещь, назначенную для развлечения, от скуки и от нечего делать. […] [Иногда он] просто мимоходом, случайно, увидит доставшуюся ему после брата небольшую кучку книг и вынет, не выбирая, что попадется. Голиков ли попадется ему, Новейший ли Сонник, Хераскова Россияда или трагедии Сумарокова, или, наконец, третьегодичные ведомости — он все читает с равным удовольствием…».

Чэпмен читал неплохо для столь отвратитель-

ного человека. Его голос был теплым и приятным и сильно отличался от голоса, которым он говорил. Я внимательно слушал, как он читает эти слова, отрицающие специфику литературы и журналистики.

— В «Обломове» повсюду уступки, отказ от дальнейших попыток. Именно это вы хотели прояснить для себя, верно?

— Вот именно! С меня хватит. Я все выяснил. Эти персонажи гуляют по миру, в котором нет стрессов. Они берут то, что идет к ним в руки, не пытаясь предугадать будущее. Я бы очень хотел быть похожим на них, расслабиться и больше не думать постоянно о работе.

— Вы непрерывно стараетесь предугадать будущее?

— Да, все время. С клиентами я должен взвешивать каждое слово, потому что знаю: моя речь влияет на результат работы. Неверный аргумент, неудачное слово — и продажа упущена. Я представляю себе реакцию покупателя и то, что он мне скажет, и немедленно реагирую в ответ. Это очень утомляет.

— В сущности, вы похожи на актера. Актер предугадывает реакцию зрителей. Это основа его профессии — предугадывать так, чтобы зритель

этого не заметил. Зритель никогда не должен видеть этот трюк, иначе не будет фильма, не будет пьесы. Увидишь веревку, которая держит декорацию, — декорация упадет.

— А мой клиент никогда не должен замечать, что я на шаг впереди него. Он должен думать, что я полностью занят его персоной и примотан скотчем к текущему моменту, а мне в глубине души совершенно наплевать на текущий момент, я живу в следующем моменте. Важен только результат.

— Вы достаточно циничны.

— Нужно быть циником, чтобы выжить в торговле, но и в вашей профессии дело обстоит так же, хотя в ней концентрация цинизма ниже. Мне очень нравится ваш подход к моим трудностям. Вы были очень гуманны, когда слушали меня. Мне не всегда так везло. Иногда меня лечили холодные и далекие от меня люди. Последний, тот, что перед вами, например, был ужасным. Я ждал его один в кабинете тридцать, нет, сорок минут. Когда он пришел, я был полусонный: так устал от ожидания. Я хотел сократить сеанс, чтобы скорее вернуться домой. А он даже не предложил мне стакана воды!

— Я ничего не буду говорить о методах моих

собратьев. Каждый работает по-своему. У того терапевта, должно быть, имелись причины для этого.

— Я понимаю вашу реакцию, но вижу по вашему недовольному лицу, что вы, конечно, так не думаете. А?

Это междометие — намек на то, что говорящий не дурак, — вернуло Чэпмена на его уровень глуповатого туриста. Я так ему нравился, что он попытался быть со мной фамильярным: звук вместо вопроса «Как по-вашему?», которому учат детей.

— Я не уверен, что разделяю вашу точку зрения. Но, в конце концов, это не проблема. Наше сотрудничество приносит плоды, и, значит, моя работа имеет смысл. Какими будут ваши ближайшие действия для того, чтобы еще немного соскочить с крючка?

— Отпуск! Мы уже десять лет никуда не ездили. Я намерен сделать приятный сюрприз своей супруге. Она всегда мечтала поехать в Грецию. И сейчас я готовлю для нас путешествие по особому заказу — не такое, когда мы будем заперты в гостинице, а настоящее открытие этой страны и ее островов. Будем как вояки.

Чэпмен — и вояка! Два слова, которые не долж-

ны были бы никогда встретиться. Сочетание «Чэпмен и Греция» вызывало у меня такое же впечатление. Гомофоб Чэпмен в стране античной стихийной бисексуальности. Я бы дал ему почитать в самолете Плутарха: «…тот, кто любит человеческую красоту, будет благосклонно и беспристрастно расположен к обоим полам, а не будет полагать, что мужчины и женщины в любви различны так же, как в одежде».

— Отлично, просто идеально. Вы увидите: Греция удивительная страна. А острова невероятные.

— Я твердо решился на это, и вы тут ни при чем. Меня интересует не моя работа, а что-то другое. Это революция. Моя жена очень удивлена. Я даже подарил ей стиральную машину вместо прежней, которая перестала работать. И много часов выбирал в Интернете самую эффективную.

Чэпмен, как после манифестации, говорил о своей новой стиральной машине с огромным удовольствием. Он явно выучил наизусть рекламу этой машины — проглотил между двумя главами «Обломова», чтобы доставать ее из памяти перед всеми людьми, которые попадаются ему на пути. Несчастные люди!

А его жена могла почувствовать себя счастли-

вой, когда этот гонитель феминизма подарил ей стиральную машину. Она, конечно, в знак благодарности мужу в первый раз опробовала машину на его самых ценных рубашках. Их любовь сконцентрировалась в стиральной машине.

Я не знал, что ответить Чэпмену по поводу этой вещи. Что можно сказать в ответ человеку, который, кажется, любит домашний электроприбор больше, чем свою жену?

Спеть ему «Жалобы на прогресс» Бориса Виана? Напомнить, что символ любви — сердце, а не стиральная машина? Что Купидон целится в сердце и никогда — в машину?

Я проводил Чэпмена до двери. Было похоже, что он действительно расцвел. На лестничной площадке он поздоровался с мадам Фарбер, которая с трудом завершала подъем. Ее руки были нагружены покупками: в одной пакет с минеральной водой, в другой упаковка — бочонок со стиральным порошком. Установка смягчителя воды одобрена. Чэпмен еще раз взглянул на меня и подмигнул, скрепляя этим наш тайный союз.

— Алекс!

— Что?

— После Греции будет Мексика. Инки — я мечтаю их увидеть.

Возвращаясь в гостиную, я чувствовал облегчение от того, что Чэпмен уезжает. Пусть он загрязняет своим присутствием Южную Европу и Америку и даст небольшую передышку северным странам. А пока я заметил, что его газета запачкала мой стол. Ее след, жирный отпечаток заголовка, был хорошо виден. А я терпеть не могу отметин на этом столе. Это странно, потому что я не помешан на чистоте в доме. Я терплю пятна везде, кроме своего стола. Я знаю, что для стола он слишком белый, и поэтому любой стакан и любая тарелка обязательно оставляют на нем отпечаток, но это так. Мягкая губка вернет ему изначальный цвет. Я подошел ближе и смог прочитать несколько слов:

«Энтон_П лстра: Я ухож из футб ла!»

Пролитого Чэпменом пота не хватило, чтобы воспроизвести всю статью или хотя бы все ее заглавие, но я легко смог понять заголовок. Улисс прыгнул с корабля в море и покинул своих товарищей: Полстра уходит из футбола.

Размер лжи

Ян отказался от Валентины. Он сообщил об этом своей матери, когда та отчаянно пыталась обсушиться у обогревателя в ванной. Если бы она могла превратиться в полотенце и залезть в щель между трубками конвектора, сделала бы это без колебаний: так дрожала от холода и сырости.

Ян подал ей листок бумаги плохого качества — такой, на которой остаются пятна от пальцев. Старый рекламный проспект из тех, которые предназначены для оживления беседы; текст напечатан только на одной стороне листа. Ян подумал, что в данном случае выразить свои чувства на бумаге будет сердечней, чем на экране цифрового устройства. Но его мать, считая, что ее преданность не оценили, разгневалась. Она почти не читала слова сына: ей и так было понятно, что они не содержали никакой важной информации. Зачем писать, что отказываешься от той, кто тебя отвергает? Достаточно было бы молчания. На проспекте, который Ян ей протягивал, она заметила надпись:

«УНИКАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА ЗОНТОВ

ОТ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ».

Анна говорила себе, что ее сын немного преувеличил, когда послал ее сражаться с грозой, чтобы отослать по почте свое письмо, раз в письме не было ничего срочного. У нее самой когда-то были любовные трудности, но она ни за что не осмелилась бы навязать своим родителям такое приключение. Молодежь устраивает старикам трудные времена.

С Тьерри, отцом Яна, она встретилась на собрании католической молодежи. Он был таким красивым: одежда в обтяжку, пояс поднят как можно выше. Они понравились друг другу. Сначала любви не было, потом очарование этого будущего рекламщика покорило Анну. Были недели пылких писем (он писал в таком красивом стиле), но уважение и христианские приличия соблюдались всегда. Красные цветы и переплетение ладоней. Анна и Тьерри. Вскоре они разослали приглашения на свадьбу. Семья и близкие сходили из-за этой церемонии с ума: хоть бы погода была хорошая!

Рождение ребенка увенчало этот чудесный и полный почтения брачный союз. Сын был умным мальчиком с богатой речью и проницательным

взглядом. Его назвали Ян в честь дяди по матери, который был миссионером и уехал в Камерун учить детей в какой-то деревне.

Анна боялась этого взгляда, хотя не говорила об этом. Взгляд Яна пронзал людей и обнаруживал их слабости, отчего люди оказывались в трудном положении. Ребенок — необыкновенное создание, обещание бесконечной любви, — так каждое воскресенье говорил священник верующим.

Это создание среди ночи входило в спальню супругов и смотрело на них. Анна чувствовала его присутствие. Сын становился в изножье кровати и стоял там неподвижно. Педиатра это не беспокоило. Ребенку всего лишь нужна безопасность. Но Анна чувствовала, что причина лежит глубже, что ее сын несет в себе зародыши более серьезной болезни.

Почему он словно нажимает на тормоз, не давая себе чувствовать счастье? Можно подумать, что ему противно быть счастливым. Почему он начал создавать окружающим затруднения, как только смог это делать? Почему он никогда не проявляет любви ни к кому? Педиатр, вернее, педиатры (первый в конце концов оказался «некомпетентным») считали поступки Яна необходимым этапом его формирования. Но мать

семейства чувствовала, что дело в чем-то более глубинном. Она, создавшая это существо, ощущала, что с сыном будет нелегко.

Тьерри ничего не видел или, по мнению жены, притворялся, что не видит. Он повсюду возил Яна с собой, даже брал его в служебные поездки. Однако сын от этого не стал больше любить отца. Ян открыл для себя Швейцарию, Бельгию и Италию, сидя рядом с отцом в первоклассном служебном автомобиле: машину работодатель предоставлял в распоряжение Тьерри на время поездки. Они вели себя как два сослуживца, которые не ладят между собой: долгие путешествия проходили в тишине, потому что Ян не отвечал отцу, когда тот начинал разговор. Вопросы отца и его размышления о красоте пейзажей не интересовали сына. Но Тьерри хотел, чтобы Ян был рядом с ним: мальчик был хорош собой.

Анне совершенно не нравились эти путешествия, которых со временем становилось все больше. Она оставалась одна, потому что не желала уезжать из дома и отказываться от своей повседневной жизни. Впрочем, Тьерри никогда не предлагал ей поехать с ними: он заранее знал, что она ответит на это предложение.

Все это продолжалось несколько лет, пока не

случилась авария.

Это был обычнейший несчастный случай — авария из-за боязни опоздать. Тьерри ждали: он должен был представить важному клиенту рекламный проект — рекламу первого плоского экрана. Машина была раздавлена, лицо Яна тоже. Тьерри отделался несколькими царапинами на ноге; пожарные считали это чудом.

После аварии жизнь стала беззвучной. Как в кинозале, когда идет фильм, — темнота, тишина и напряжение. Фильм в стиле саспенс — тревожное ожидание и никаких сомнений в том, чем оно закончится.

Ян больше никогда не сможет говорить. Тьерри больше не говорил, Анна тоже. Они общались между собой как можно меньше, в основном о визитах к врачам: одни встречи отменялись, другие переносились на новое время. И о ближайших операциях. Семейная жизнь больше не существовала. Дом заполнила пустота, центром которой был Ян.

Тьерри сердился на себя, Анна сердилась на него. Они оставались рядом ради своего сына. Ян никогда не упоминал об аварии. И о ее последствиях тоже. Придя в себя в больнице, он попытался заговорить с матерью, сидевшей в

кресле, которое больница великодушно предоставила ей. В этом кресле она жила уже две недели. Спала в нем. Ела в нем. Анна никогда не думала, что сможет просидеть столько часов в таком неудобном кресле, — она, которая покупала себе мебель только в самых дорогих магазинах. Теперь она постепенно осознавала, что какой-то человек, не думая об удобстве и эстетике, сконструировал кресло, в котором главное — способность уместить на сиденье человеческий зад.

Ян пытался говорить, но безуспешно. Он попытался кричать, как будто задыхался. Это было все, что он смог сделать. Ян понял, что произошло. Он больше никогда не сможет говорить со своей матерью.

Через пятнадцать минут пришел врач, который предложил Яну грифельную доску и ручку для несмываемых текстов. Доктор не смог найти ничего другого: больнице не хватало денег. На самом дне отчаяния иногда можно найти чуть-чуть облегчения.

Первая фраза, которую Ян написал неловкой дрожащей рукой, была: «Где папа?»

Анна смотрела на эти слова как на драгоценную реликвию. Они согревали ее сердце: Ян любил своего отца.

«Где папа?» Она ничего не знала об этом. Он оказывался рядом, а через мгновение исчезал. Он не осмеливался смотреть на своего сына.

— Не волнуйся, дорогой, папа здоров. Он не пострадал в аварии. Врачи скоро тебя вылечат, не беспокойся.

И Анна заплакала, потому что знала, как велика ее ложь. Ложь была огромной, как соленое озеро. Каждую секунду Анна выпивала литры жидкости, которую трудно усвоить. Ян тоже понял, что произошло. Понял без медицинских объяснений. Инстинкт, общий для всех людей, помог ему осознать размер его несчастья. Он не выздоровеет. У него больше нет рта. Губы исчезли, их отсутствие скрывают толстые повязки. А внутри ротовой полости нет языка — всего или части, он не мог сказать в точности. И зеркал в комнате не было. Они тоже исчезли. Остались только гвозди в стене. Ему хотелось встать перед одним из гвоздей, сорвать с лица все, чем оно было закрыто, и сделать то, что запрещают детям, — высунуть язык, и высунуть сильней, чем делают обычно, чтобы измерить его одним взглядом.

Тьерри приходил к постели сына в конце дня, когда Анна уходила, потому что ее просили уйти. Нужно жить дальше, говорили врачи. Начинало

темнеть. Свет беспокоил ее сына, поэтому лампы не включали. Монотонно гудевшие аппараты так слабо освещали палату, что это мешало передвигаться по ней.

Тьерри стоял, прислонившись к обогревателю. Он никогда не садился, словно собирался очень скоро уйти. Ян ничего ему не писал. Тьерри говорил несколько банальных фраз и уходил.

Однажды утром, когда Анна готовилась провести целый день в полумраке и тишине, Ян протянул ей листок:

«Папа и ты говорили?»

— О тебе?

Ян покачал головой: нет.

— О чем ты хочешь, чтобы мы говорили, Ян? Для нас важен только ты.

«Есть кое-что другое».

— Напиши.

Ян начал составлять длинный текст для своей матери. Он писал без колебаний и задержек, слова текли естественно. Больше их не удерживало никакое препятствие.

У Тьерри была любовница или, вернее, вторая жена. Все поездки совершались не вдвоем, как думала Анна, а втроем: Тьерри, Ян, Клер.

На листке бумаги и в жизни Анны появилась

Клер. Имя. Образы. Гнев. Ян служил прикрытием, был сообщником Тьерри. Все эти годы он ничего не говорил матери, чтобы не создавать неприятностей. Молчал, чтобы избежать скандалов. В том, что он сделал сейчас, было немного жестокости: теперь, когда он страдает, почему бы не пострадать другим, в частности, его матери? Как она все это время не понимала, что происходило во время этих повторявшихся путешествий? Разве она идиотка?

Анна два раза прочитала слова Яна. Какая несчастная у нее жизнь! Она больше не хотела Тьерри.

Анна представляла себе, что Тьерри вел машину, а Ян сидел на пассажирском месте. Теперь ей нужно было изменить свою картину событий. С этого времени она видела Яна одного на заднем сиденье, а впереди — смотревшую на Тьерри Клер.

— Мой дорогой! Прости.

«Папа все время был с этой женщиной. Люди думали, что она моя мать. Папа никогда им не противоречил. Я глотал слюну».

— Мы поговорим об этом — я и твой отец.

Разговор так и не состоялся: он был неинтересен матери Яна. Она не знала, что сказать Тьерри,

а Яну не была нужна эта беседа. Родители договорились не говорить сыну, что они расстались. Началось время недомолвок. Отец и мать думали обмануть сына, но он не был дураком. Отец приходил к нему все реже. Мать постепенно стала употреблять в разговоре «я» вместо «мы» — грамматический признак того, что пара распалась…

Анна ухватилась за сушилку для полотенец, но это не помешало женщине неотвратимо двигаться вниз. Она медленно соскальзывала на пол. Она была тяжелой — такой тяжелой, что не могла держаться на ногах.

Ян в первый раз почувствовал жалость к своей матери. Какая она маленькая и худенькая, эта женщина! Он написал:

«Ты вся мокрая, мама, и дрожишь. Пойдем со мной в мою комнату».

— Спасибо за любезность. Помоги мне встать, пожалуйста.

Анна чувствовала, что слаба. Гнев, влага и слишком тяжелый груз накопившихся за эти годы чувств тянули ее к земле. Яну пришлось приложить силу, чтобы поставить мать на ноги. На мгновение он пожалел о том, что заставил ее вытерпеть так много. Анна оперлась на его плечо, и они вместе прошли по длинному коридору к

комнате Яна. Два человека неумело шагали по дому. Они прошли мимо подставки для зонтов, которая больше не была пустой. Ян старался не смотреть на нее.

У меня две любви

Я ждал новостей о Мелани, но, поскольку их не было, решил пойти к ее родителям. С письмом в кармане, которое будет предлогом, если мне придется объяснять им причину моего появления. У меня всегда были хорошие отношения с ними. Они относились к своей дочери с безграничным восхищением — восхищением размера XXL, как футболки, у которых длина до колен. Это было разнообразием после размера XS, который предоставляла мне мать.

Я снова прошел той дорогой, по которой мы шли вдвоем. Ничего не изменилось, как в стихах Верлена:

> *Толкнув калитку, меж деревьев, озаренных*
>
> *Рассветом, я прошел в большой и тихий сад:*
>
> *Он солнцем утренним был бережно объят...*[29]

---

[29] Сноски: 29
Перевод М. Яснова. (*Примеч. пер.*)

Сад родителей Мелани был само совершенство. Его можно было бы показать в журнале, который специализируется на уходе за придомовой территорией. Даже в декабре этот сад выглядел живым, в противоположность соседним лужайкам, которые заросли сорняками, и чувствовалось, что они заброшены до весны. Проходя через него, я ступал по японской шаговой дорожке, которую выложил из камней мой бывший тесть. Я помнил тот знойный день, когда он копал, чтобы довести до конца свое дело. Он редко останавливался и в этих случаях с трудом выпрямлялся, чтобы выпить бутылку воды, которую ему приносила восхищенная жена. С этого дня был формально установлен запрет ходить по газону. Хотя сад при моем появлении был пуст, в моих ушах до сих пор звучал голос отца Мелани: «Осторожно — газон!»

Я постучал в дверь тихо: не хотел быть таким, как моя квартирная хозяйка, которая, когда собиралась сообщить мне что-то, стучала так, как спецназовцы стучат рано утром в дверь наркоторговца. Никто не ответил. Тогда я решил обойти вокруг дома и посмотреть, нет ли кого-нибудь сзади. Тишина и полный покой. Кот рвал на части мышь, тонкую, как блинчик на ярмарке. Увидев меня, он не прекратил это занятие. Я не

люблю кошек, и он, должно быть, почувствовал это и потому отнесся ко мне с таким безразличием. Тогда я направился к застекленной двери гостиной и прижался лицом к стеклу, заглядывая внутрь дома. Это был стыдный поступок, более стыдный и бестактный, чем слишком сильный стук в дверь.

Я оказался не лучше мадам Фарбер. Это аморально — без разрешения смотреть на внутренность чужого жилища. И глупо тоже. Я мог бы случайно увидеть родителей Мелани голыми или во время ссоры. Или Мелани с ее новым другом. Из этих предположений меня интересовало только последнее: я увидел бы Мелани одетой по-домашнему. На диване лежал свитер, который я ей подарил. Значит, какая-то частица меня еще существует здесь.

Чья-то ладонь коснулась моего плеча и прервала мои размышления.

— Они уехали. Вы хотите им что-нибудь передать?

Я повернулся и узнал соседа, чей сад не заслуживал места на страницах садоводческого журнала.

— Здравствуйте! Я пришел увидеться с Мелани, но раз вы говорите, что ее здесь нет… Я должен

был отдать ей письмо, положу его в почтовый ящик.

— Вы еще не знаете?

— Мелани больше здесь не живет?

— С ней случилось несчастье.

— Что вы сказали?

— Вчера вечером на нее напали, когда она возвращалась с манифестации.

Я не нашел, что сказать. А я-то ждал от Мелани сообщения! А я пытался увидеть ее, пользуясь этим чертовым письмом как предлогом!

— Я не знал…

— Значит, вы больше не вместе… А мы с женой задавали себе вопрос: почему вас давно здесь не видно? Жаль, мы считали вас очень приятным человеком.

Я и теперь оставался приятным человеком. Но не имел никакого желания упоминать о нашем расставании. Как этот сосед смог соединить в одном разговоре драматический случай с Мелани, мою предполагаемую приятность и конец наших отношений? В умах некоторых людей все свалено вместе без различия, без сортировки по ценности — как в переполненной магазинной тележке.

— Как она себя чувствует?

— Ее мать сказала мне, что травмы серьезные. Больше я ничего не знаю. Похоже, что она и правда сильно пострадала, я не осмелился спрашивать подробности. Я присматриваю за домом, когда они ходят к Мелани. Ваша подруга лежит в больнице Анри-Мондор, в Кретее. Это отличная больница. Моя жена лечит там свои вены, и врачи очень компетентные. Они пообещали ей, что через год ноги будут как у тридцатилетней. И я в это твердо верю. Доверьтесь им.

О больнице Анри-Мондор у меня было две информации: ее огромное массивное здание видно от метро, и в ней умер Шарль Трене. Когда я узнал, что этот певец оказался там и, конечно, не выйдет оттуда живым, я думал, не пойти ли мне в эту больницу. Я всегда обожал Трене и его по-детски написанные стихи. Моя мать его ненавидела. Считала приторным, наивным, устаревшим певцом, которого слишком высоко ценят во Франции. Когда я сказал ей, что планирую посетить его, она посмеялась надо мной: «Идти увидеться с таким плохим артистом, и к тому же когда он умирает! Дорогой, ты же знаешь, что он ничего тебе не споет». И стала напевать «Нежную

Францию»[30]. Мама, как обычно, была безжалостна. К счастью, дети не всегда слушают своих родителей. И в один февральский день, ближе к вечеру, я пришел в эту больницу. Я ходил по коридорам так, чтобы не привлекать внимания.

Я бродил среди больных, которые были перевязаны, присоединены к капельницам или выкуривали сигарету в кафетерии. Все они были в пижамах — теневая сторона человечества. Я говорил себе, что Трене, должно быть, забавно выглядит в пижаме. И что после такой карьеры, как у него, еще больше, чем другие, стесняется показываться людям в таком виде. Автор песни «Что остается от нашей любви» — в пижаме, в кафетерии больницы Анри-Мондор в Кретее! Нет, он не ходил по коридорам: для этого был слишком слаб.

В конце концов я, не останавливаясь, прошел мимо палаты, вход в которую защищал великан, одетый в костюм, а не в пижаму. Я стоял в нескольких метрах от Шарля! Это несомненно.

Я дошел до конца коридора, и тут меня остановила стена. Вызванное этим недоумение стало заметно, когда я должен был повернуться. Передо

---

[30] Сноски: 30

«Нежная Франция» — песня Ш. Трене, где тот с любовью вспоминает о своем детстве. (*Примеч. пер.*)

мной не было двери, и я решил, что случайно попал в боковую палату. Возвращаясь прежней дорогой, я встретился взглядом с охранником. Он пристально и недоверчиво посмотрел на меня: я никого не оставляю равнодушным. И сказал:

— Молодой человек, не нужно таскаться туда-сюда по этому углу.

Я обиделся и сухо ответил, что не имею привычки таскаться по углам и что мои родители дали мне хорошее воспитание. Это была ложь: меня совершенно не воспитывали. А моя мать дома с садистским удовольствием коверкала «Нежную Францию».

Я вернулся в кафетерий, чтобы выпить стакан кофе. Февраль в Кретее — это звучало как «Пасха в Нью-Йорке», так называется стихотворение Блеза Сандрара. Я любил заголовки — «Февраль в Кретее»! — но не имел никакого желания стать поэтом. В тот момент для меня было важно только одно: кофе, который согреет мой желудок. Библиотерапевты такие же люди, как все остальные.

В очереди к прилавку я смотрел на обложки журналов. Одна из них привлекла мое внимание.

«Трене: скоро конец». Этот заголовок был до-

полнен украденной фотографией похудевшего от болезни певца. Ему помогает ходить недавний друг, который намного моложе Трене и потребует свою долю пирога, как только на гроб будет брошена первая лопата земли. В конце концов, Трене хорошо делает, что не приходит в этот кафетерий. К тому же кофе здесь такой горячий, что стакан почти плавится. Его невозможно держать в руке. Выпить этот кофе — приготовиться к лечению в ожоговом отделении или, что хуже, в гастроэнтерологии, потому что расплавленная пластмасса, должно быть, разрушает желудок того, кто пьет из стакана. Я долго оставался там и смотрел на других таким же взглядом, как тот охранник, но не с такой убедительной силой, как он. «Не пейте, это опасно!»

Если хорошо подумать, это отсутствие вкуса — поставить врага поэзии наблюдателем перед комнатой Трене. Нужно было бы поставить кого-то странного — оригиналку с тигром на поводке, беса или оперного певца.

Если бы я смог проникнуть в комнату певца, я бы подвел Шарля (мгновенно возникшая дружба позволила бы мне называть его так) к окну. И мы поднялись бы на крышу вдвоем, следя за тем, чтобы не упасть. Это было бы не очень риско-

ванным предприятием: в мечтах люди никогда не умирают на очень долгий срок. Он был бы в больничных тапочках, я в потрепанных кедах. Мы держали бы друг друга за руки, чтобы чувствовать себя спокойней. Как два ребенка в лесу. С огромной крыши мы смотрели бы на Париж. Он был бы виден вдали: огромные магазины, склады, рельсы, брошенные государством жилые дома — весь мир раскинулся бы у наших ног. Я не ушел бы из книги, потому что Шарль сам был книгой, полной рассказов.

Возле высокой трубы, которая дымилась, сжигая разный мусор, мы до самого утра напевали бы какую-нибудь из его сюрреалистических песен. Забавную и волшебную песню, в которой животные разговаривают и дети глядят в окно. Песню, полную идей — нелепых идей. А когда проснулось бы солнце, я проводил Шарля обратно в его палату, чтобы не вызвать подозрений. Охранник спал бы перед дверью и ничего бы не услышал. Мы скоро начали бы обратный путь. Спуск по веревке из эластичных простыней с его кровати прошел бы без проблем: в мечтах все нам послушно. Ни головокружений, ни скольжения, зато невероятные всплески смеха — немного преувеличенного для тех, кто не мечтает, естественного

для нас. Потом я бы укрыл поэта одеялом, подоткнув края: поэтов укрывают одеялами так же, как мальчиков. Медсестра открыла бы дверь и убедилась, что он еще спит.

На следующий день Трене умер, и я утонул в нахлынувшей волне сожаления.

Встретиться можно везде

43. У меня особые отношения с этим числом. Оно часто возникает в моей жизни. Что-то вроде большого магнита, прилипшего к оперированному лбу в том месте, где череп починили металлической пластиной.

43. Два раза это число входит в мой номер телефона (можно поверить, что мой телефонный оператор сговорился с потусторонними силами или думал, что я слишком глуп, чтобы иметь номер как у всех, в котором все цифры разные).

Я родился в 18 часов 43 минуты — вечером и в грозу, как Шатобриан.

«Рокот волн, поднятых шквалом ветра, возвещавшим осеннее равноденствие, заглушал мои крики…»[31]

Больше у нас нет ничего общего. Я не так красноречив, но, несомненно, скромнее. И я считаю, что Мирабо был не так уродлив, как дает понять Шатобриан. Но кто сейчас читает Шатобриана? Кто знает про Мирабо и его по меньшей мере

---

[31] Сноски: 31

Франсуа-Рене де Шатобриан. «Замогильные записки», перевод О.Э. Гринберг. (*Примеч. пер.*)

странное лицо? Преподаватели, ученые-исследователи — и еще библиотерапевты, которых тревожит какая-то цифра. Человек сорок…

Каждый раз, когда я заказываю билет на поезд, мне достается место номер 43. Рассказывая об этом вечером в компании, чтобы усилить впечатление, преувеличиваю, но лишь немного. Проклятие цифры 43 обеспечивает мне нескольких любопытных слушателей. Ложь привлекает толпы.

Учась в колледже, я переписывался с девушкой-австрийкой. Чтобы позвонить ей по телефону, я должен был набирать 43 — код Австрии. Девушка была неприятная, и наши беседы на расстоянии стоили моим родителям целое состояние. С тех пор мы чувствуем вечное и несокрушимое отвращение к Австрии и ее жителям. Это чувство иррациональное, похожее на звериный инстинкт, и теперь для него нет никакой настоящей причины, но это стойкое чувство.

Курс библиотерапии я закончил с двенадцатым результатом из… 43. Но я никогда не сомневался, что получил это, в сущности, весьма низкое место только из-за влияния вездесущего числа 43. А ни в коем случае не из-за того, что был слабее своих товарищей. По моему собственному мнению, а

также по мнению других студентов, с которыми я разговаривал два или три раза, я, несомненно, заслуживал место в числе пяти лучших. Четвертое (4) или третье (3). 43.

Я мог бы привести и другие примеры, но размышления о магии числа 43 мгновенно прекратились, когда я вышел из автобуса у больницы Анри-Мондор. Номер маршрута был 217 — не было ни 4, ни 3.

Когда через пять минут в приемном покое больницы мне сказали, что Мелани лежит в палате 43, это меня ничуть не удивило.

Перед дверью не было охранников. Трене уже давно покинул эту больницу. Белая печальная дверь, честно говоря, не вызывала желания увидеть, что творится за ней.

Я постучал осторожно и тихо, почти поскреб дверь. Никто не сказал мне «войдите». Это явно становится обычным: двери не хотят меня впускать. Я все-таки открыл эту дверь. Ни одного посетителя. Родителей Мелани нет в палате. Тем лучше: мне не очень хотелось их видеть. Я не смог бы с ними говорить. Кровать только одна. Тем лучше — значит, есть смысл платить взносы в общество взаимного страхования, люди в нем компетентные. Они позвонили Мелани по

телефону однажды вечером, когда мы с ней еще жили вместе. Я помню, что умолял ее завершить вызов. Что размашистыми жестами показывал ей свое недовольство. Еда, над которой я трудился два часа, была уже на столе. Тот, кто готовит, хочет полного уважения к своей работе. Но разговаривать с человеком, который говорит по телефону, — скверная привычка. И эта привычка невыносима для того, кто должен вести одновременно два разговора — один по телефону, другой жестами, чтобы собеседник на другом конце провода ни о чем не догадался. Мелани устояла: говорила долго и очень подробно и лишь после этого дала оператору согласие. Таджин (я приготовил таджин) к тому времени уже остыл, и есть его было невозможно. В тот вечер мы поссорились и закончили спор каждый в своем углу. Каждый в своей постели, ругая другого. Мелани и на сей раз устояла — на следующий день я банально извинился: «Нет, я больше не буду вмешиваться в твои телефонные разговоры, обещаю, обещаю».

Однако через несколько дней я снова начал вмешиваться: суфле с сыром не могло ждать.

Договор с новым обществом взаимного страхования был подписан. И теперь, увидев Мелани в ее одноместной палате, я сказал себе, что она

хорошо сделала, сменив страховое общество. Соседа по палате нет, но страховка взаимная. А суфле было очень пресным.

Мелани словно затерялась среди приборов, проводов и трубок. Она спала и не проснулась от того, что я пришел. Мелани лежит, а я смотрю на нее! Если бы все ее силы были при ней, она бы, конечно, стала кричать на меня и объяснять, что так вести себя неправильно. Но она не просыпалась. На спинке кровати я увидел список лечебных процедур, в котором, среди прочей информации, были перечислены все повреждения, нанесенные пациентке. Список был длинным, как меню ресторана, где подают замороженные блюда, выдавая их за свежие. Бесконечный перечень блюд. Бесконечный перечень ран. Свежайшие раны на закуску, основное блюдо и десерт.

Мелани всегда удивляла меня своей силой и стойкостью. Она редко болела и даже с температурой шла на работу. Такой человек — счастье для нашей умирающей службы социального обеспечения. Образец выносливости, которую она, возможно, унаследовала от своих тевтонских предков; впрочем, Мелани не придавала никакого значения своему происхождению. Конечно, она делала так из уважения к моему

происхождению — и к моей слабости тоже. Я без малейших угрызений совести ложился в постель даже при легком недомогании. Мне нравилось оставаться в кровати, когда весь мир убивается на работе. Вставать лишь только по нужде или чтобы вскипятить чайник.

Но на этот раз ее счетчики покажут больше максимума, и она увеличит и так уже огромную дыру в бюджете соцобеспечения. Она лежала напротив меня совершенно без сил. Я так хотел увидеть ее и поцеловать. Она здесь, и я могу поцеловать ее так, что она об этом не узнает. Но хочу ли я этого по-настоящему?

В этот момент я не смог бы найти на ее лице участка в три сантиметра, к которому мог бы прижать свои губы. Оно было синим и распухло. Я любил прежнюю Мелани — ту, которая бежала без остановки, ту, которая отвечала мне убийственными репликами. Люблю ли я эту Мелани, немощную и искалеченную? Нельзя даже открыто формулировать этот вопрос! Нужно держать его при себе, как ценную вещь, которую бережно хранят в кармане. Я не сказал ничего, но на моем лице было сомнение, когда в палату вошла медсестра.

— Здравствуйте. Вы ее друг?

— Здравствуйте. В общем-то да, друг.

Мы разошлись, но медсестре незачем это знать. Она автоматически ответила:

— Очень хорошо. Знаете, это чудо, что она жива. Те, кто на нее напал, сильно ее обработали.

Медсестра стала суетиться вокруг Мелани, которая по-прежнему не шевелилась. Мелани была телом, которое находилось в центре комнаты и в центре разговора. Значит, чудесным телом. И почти безжизненным.

— Мне трудно осознать…

— Я еще не видела вас с тех пор, как ее привезли.

— Я был за границей по служебным делам. Тесть и теща сообщили мне в последний момент. Они не хотели меня беспокоить.

— Я понимаю. Хотите встретиться с врачом, чтобы он вам все объяснил?

— Спасибо, но не сейчас. Она крепко спит.

— Мы ввели ее в искусственную кому: если бы она не спала, она бы слишком сильно страдала.

И, ничего больше не сказав, медсестра ушла, толкая свою тележку по направлению к соседней палате.

* * *

— На этот раз вы не переоделись?

— Нет. В конце концов, в джинсах и пуловере я привлекаю меньше внимания. Люди больше привыкли видеть меня в шортах и футбольной майке. Они не представляют себе, что я такой же, как они.

— Как женихи не ожидали, что увидят Улисса в наряде нищего. Нами управляют системы мышления, которые сильнее нас.

— Вы все сводите к Улиссу.

— Это моя профессия. Вы платите мне за это.

— Я это знаю. И благодарю вас.

— Мы еще не начали раскрывать тему вашего детства.

— Я не любитель воспоминаний. И Гомер не говорит о детстве Улисса!

— Вы ошибаетесь. Именно отметина, полученная в детстве, — след от старой раны поможет герою подтвердить, что он — это действительно он. Воспоминания присутствуют везде. Они конструируют нас. Никто не может укрыться от них.

Полстра помолчал, обдумывая эти слова, проглотил слюну и сказал:

— Я родом из трудного квартала. И из трудной

семьи.

— Вы иногда возвращаетесь туда?

— Никогда.

— Почему?

— Я вам уже сказал: воспоминания — это не мое.

— Ваши родители и теперь живут там?

— Разумеется, нет! Как только заработал немного денег, я купил родителям дом в более спокойном месте.

Этот ответ Полстры был таким же резким, как его мощные удары на футбольном поле. Я был никуда не годным вратарем, но не отступил.

— А ваши друзья детства? — спросил я.

— Они и теперь там. Они не сдвинулись с места; они ждут.

— Ждут чего?

— Я не знаю — просто ждут. Там все ждут.

Я подумал, не упомянуть ли «В ожидании Годо», но в конце концов не стал этого делать. Было похоже, что моего пациента что-то беспокоит.

— А вы, чего ждете вы?

— С тех пор как стал богат, я больше ничего не жду. Это другие ждут меня — журналисты, болельщики, политики, которые хотят со мной позировать…

— Ожидание может быть конструктивным. Улисс…

— У вас все ведет к Улиссу.

— Улисс не был бы Улиссом без ожидания. Улисс тысячу раз представлял себе свое возвращение, прежде чем пережил его.

Наш разговор был прерван сообщением, поступившим на телефон Полстры.

— Извините меня, это журналист, которому я пообещал интервью. Он ждет меня.

Произнося эту фразу, футболист слегка улыбнулся, словно хотел мне сказать: «Видите, я вам не солгал».

Впрочем, Полстра был совершенно прав, когда объяснял мне, что сила на стороне тех, кого ждут, а не наоборот.

Когда я был подростком, Маджид, наш лицейский щеголь, всегда ухитрялся опаздывать на вечеринки, которые девушки устраивали по случаю своих дней рождения или в честь других важнейших торжеств своей богатой событиями жизни.

Если мы были приглашены на двадцать часов, он приходил в двадцать один час. С гитарой в руке в виде бонуса. Я знал этот его прием. У меня было шестьдесят минут, чтобы перепро-

бовать все. Я говорил, говорил без остановки, пока девичий рой не перелетал к опоздавшему музыканту. После этого мне оставались только стаканы содовой воды и соленые пирожки на столе, покрытом бумажной скатертью. Одиночество лицом к холодному буфету. Почему я никогда не учился играть на каком-нибудь благородном музыкальном инструменте? И почему так упрямо был пунктуальным?

— Вам бы нужно вернуться в квартал вашего детства.

Обломов и мышь – зевгма

В подвале Чэпмена везде была вода. Его жена, увидев, как велик ущерб, в панике стала изо всех сил звать мужа:

— Роберрррррр!!!

Поскольку ее муж привык слышать, как она окликает его по пустякам, он и пальцем не шевельнул: подумал, что крики затихнут сами собой. И продолжил читать «Обломова».

«Ольга осталась на своем месте и замечталась о близком счастье, но она решилась не говорить Обломову об этой новости, о своих будущих планах.

Она хотела доследить до конца, как в его ленивой душе любовь совершит переворот, как окончательно спадет с него гнет, как он не устоит перед близким счастьем, получит благоприятный ответ из деревни и, сияющий, прибежит, прилетит и положит его к ее ногам, как…»

— Роберрррррррррррр!

«Господи! — подумал Чэпмен, услышав, что жена снова зовет его. — Она никогда не даст мне покоя!» Что это за гнусная привычка — звать

его на помощь из-за мелочей — пропажи носка, исчезновения губки или невозможности найти ключи от автомобиля! Что может сделать он, если лежит на диване, купленном за огромные деньги?

— Роберрррррррррррррррррррр!

Он наконец встал — с улыбкой на губах: это место в романе ему так понравилось! — и с книгой в руке пошел к жене решать ее огромную проблему.

— Ты где, дорогая?

— В подвале. Иди скорее, здесь катастрофа.

Чэпмен принял серьезный вид, чтобы не контрастировать с интонацией своей жены. Нужно соответствовать тяжести ситуации, которую он сейчас увидит. Реальность проникла в него через ноги: он почувствовал, как вода заливает сначала пальцы на его ступнях, потом пятки и, наконец, поднимается до лодыжек. Вода заливала подвал. Чэпмен не знал, с чего начать. Его жена, кажется, была перепугана, как горничная с «Титаника», которая обнаружила океанскую воду в коридорах корабля.

— Успокойся, дорогая, успокойся.

— Как я, по-твоему, могу успокоиться?! Смотри: стиралка протекает, везде вода!

Революционная стиральная машина, потребляющая так мало воды! Вода лилась изо всех ее частей. Чэпмен вспомнил рекламные листки, приклеенные к стенам метро. РЕВОЛЮЦИЯ! Вращение! От него невозможно спастись, тем более когда ноги у тебя в воде.

— Отойди в сторону, я сейчас это починю.

Чэпмен ничего не понимал ни в стиральных машинах, ни в водопроводных работах. Но он хотел быть хозяином положения. Если он решит эту проблему, то станет в глазах своей жены мужчиной с умелыми руками. Прекрасная награда! Их друзья будут им гордиться. И гораздо больше, чем оттого, что он с наслаждением читает «Обломова».

«Вы представляете: Роберт пришел и за две минуты нашел решение. Иначе дом бы пропал». Его жена, которая обладает острым (но бессознательным) чувством гиперболы, превратила бы его в сказочного персонажа.

Чэпмен проанализировал ситуацию, насколько мог это сделать при своем невежестве. С книгой в руках он бросился на струю прибывающей воды, пытаясь ее остановить. Мокрый, он с огромным трудом повернул к себе кран. Тяжело, но это решение! Нужно остановить потоп прежде, чем

вычерпывать воду. Он попытался закрутить кран правой рукой. Невозможно: не получилось ухватиться. Но как раз в момент, когда, кажется, что все пропало, идеи возникают из ниоткуда. Мгновение назад их не было в уме, и вот за долю секунды они заполнили его. Книга! Решение — в книге! Не в ее тексте: Обломов в романе не решает никакие проблемы с водопроводной системой. А в том, чтобы использовать книгу как предмет. Чэпмен вырвал из нее три или четыре страницы и вытер ими кран. Потом бросил мокрые листки в лужу, которая образовалась в его подвале, и оторвал еще три — использовать, чтобы рука не скользила. Наконец ему удалось отключить воду. Он сразу же поискал взглядом глаза своей жены. Она смотрела на него с упреком:

— Я спрашиваю себя, зачем ты потратил целое состояние на прибор, который не работает. Подошла бы просто вещь, получившая первый приз.

— Но, дорогая, дело не в машине, это механизм подачи…

— Не называй меня «дорогая». Когда ты устраиваешь такое, я тебе не дорогая.

— Я сейчас вытру эту воду, и проблема будет решена.

— Хорошо!

И она поспешно ушла. Она явно была опечалена изменой своей стиралки. Человеку достаются те горести, которые он заслуживает. Пытаясь забыть об этом разочаровании, она решила подмести террасу.

Чэпмен не сердился на жену: она так много для него делала. Она всегда безумно любила его. И эта маленькая вспышка злости ничего не испортит. Он положил «Обломова» в безопасное место — на полку, которую с большим трудом прикрепил высоко над полом к стене из гипсокартона. Полка много раз падала, но сейчас явно держалась прочно: книга не заставила ее наклониться сильней, чем в обычное время. Она была горизонтальной Пизанской башней в его подвале: Чэпмен не владел искусством размещения предметов вдоль прямой линии. Зато в горячие минуты вроде той, которую сейчас переживал, он оставался хладнокровным.

Кстати, несмотря на спешку и свое желание остановить воду, он сохранил достаточно ясный ум — вырвал страницы из начала «Обломова». Не хотел пожертвовать страницами, которые еще не прочитал.

Он стал искать таз и посудину среднего размера, которые хозяева держат во всех подвалах

Франции, чтобы вычерпывать скопившуюся там стоячую воду. Разыскав их (его очень аккуратная жена хранила эти емкости вместе), Чэпмен принялся за работу. Миска, наполнявшая водой таз, работала идеально, и Чэпмен скоро перелил бы воду в него. Но это бы не принесло пользы. Он не станет увеличивать количество тазов. Нужно удалить воду. И Чэпмен осторожно зашагал к маленькому окошку, выходившему на террасу. Чтобы открыть окно, надо сильно потянуть рукоятку, и створка опустится. Чэпмен применил силу и добился своей цели. Он подумал: «Мне надо будет смазать шарниры, чтобы смягчить эту проблему». Наклоняясь, чтобы взять с пола таз, он увидел мышь, которая старательно плыла куда-то по его подвалу. Та мышь, которую он искал уже много недель. Та, которая обходила стороной все ловушки, от самой классической (мышеловка с сыром) до самой современной (ультразвуковой). Теперь она насмехалась над ним — плыла старательно, словно пожилая дама, любительница плавания, в воскресенье утром в муниципальном бассейне. Ей не хватало только купальной шапочки. Чэпмен был доволен: мышь заперта в комнате, как в ловушке, и не выйдет отсюда живой. Это была гордыня человека, знаю-

щего, что его враг сейчас погибнет.

Он принялся выливать воду — сначала понемногу и осторожно, потом обнаружил, что это занимает слишком много времени, и встал на табурет, чтобы оказаться выше, на более удобном месте, и просто перевернул таз. Вода обрушилась вниз.

— Роберрррррррр, ты с ума сошел! Я вся мокрая!

Чэпмен мог забыть о своем желании стать ближе к жене, причем на неопределенный срок. Он совершил оплошность. Немалое количество воды, вылитое супруге на спину в декабре, даже если декабрь теплый, не слишком укрепляет отношения между супругами.

Чэпмен хотел сказать «Это не я», как делают дети, но, кроме них двоих, в доме никого не было, и потому такой ответ только усугубил бы его вину.

— Прости, — сказал он слабым дрожащим голосом, которым не говорил с тех пор, как читал стихотворение на уроке в шестом классе.

В его сознании возникли строки этого стихотворения — не только первые, но и те, которые он не сумел вспомнить в день той проверки. Он вспоминал их через сорок лет. Чэпмен прочитал все без запинки. Господи! Если бы его тогдашний учитель не был похоронен на соседнем кладби-

ще, было бы неплохо пойти и крикнуть ему в уши: «Я не лгал, когда сказал вам, что выучил стихотворение!» Никто не поверил в это — ни жестокий учитель, ни товарищи. Его подвел страх, а не недостаток труда. Человеку достаются те несправедливости, которые он заслуживает.

Голова говорит «нет»,
Сердце всегда «да»...[32]

У Чэпмена выступили слезы на глазах. Он был горд, что прочитал это стихотворение. Он поднял взгляд к небу, потом опустил глаза, чтобы убедиться, что в комнате только он и мышь-пловчиха. Но мыши не любят стихи; это подтверждается тем, что он никогда еще не покупал ловушку для грызунов, в которой приманкой был бы, например, сборник сочинений Сен-Жона Перса. Например, его «Анабазис» — такое заумное произведение, губитель студентов, пытавшихся найти в нем смысл, а не мышей.

Чэпмен решил прыгнуть на рвавшуюся вперед нахалку и раздавить ее ногой. Он оперся на левую ногу, чтобы наступить на мышь сильной правой ногой. К несчастью, мокрые туфли помешали

---

[32] Сноски: 32
Жак Превер. «Шалопай», перевод Елены Маруниной. (*Примеч. пер.*)

ему довести дело до конца. Он упал навзничь и разбил себе об пол затылочную часть черепа. Это тяжеловесное падение было несчастным случаем для газет, которые вскоре упомянули о смерти Чэпмена в разделе некрологов, и глупым случаем для мыши, его свидетельницы.

Мышь подождала несколько мгновений, потом убедилась, что человек не шевелится, спокойно спрыгнула ему на плечо и взобралась на туловище. Спасена! Она поднялась еще выше, пробежав по лицу, и осмотрела ноздри. Из них текла струйка крови. В доме раздавались упреки и ругательства жены Чэпмена. Самыми слабыми из них были «дурак» и «идиот». Но ее муж их не слышал. Когда раздался шум приближающихся шагов, мышь испугалась. Пользуясь тем, что находится на высоком месте, она забралась на железную этажерку, где лежало продовольствие семьи Чэпмен. Если мыши немного повезет, там найдется доступный для нее поднос с начатым пакетом риса или макарон.

Разъяренная мадам Чэпмен вошла в подвал, желая покончить с этим безобразием.

Голова ее мужа лежала в луже крови. «Обломов» был сухим, мышь тоже.

Наконец жизнь… И книги!

Мелани проснулась 15 декабря, и я был рядом с ней, когда это произошло. Первое, что я ей сказал, когда наши взгляды наконец смогли встретиться: «У меня есть для тебя письмо». Она слабо улыбнулась, и этот намек на улыбку разорвал мне душу. Я, Алекс, мальчик с каменными глазами, с глазами Венеры, плакал так, как не плакал никогда. Каменщик, стоя на высокой лестнице, огромным молотом разбивал лицо статуи.

Моя мать, если бы оказалась рядом, удивилась бы, что ее сын разревелся. Это было что-то неслыханное, эксклюзивный репортаж в прямом эфире из Кретея. Но мама этого не увидит. Она хранит в глубине своей души, на самом дне, свою суровость — образ ребенка, который не чувствует чужих страданий.

Я не солгал Мелани, когда сказал ей о письме для нее: оно все эти недели было со мной — моя закладка. Я положил его на миниатюрный ночной столик, который спал рядом с Мелани.

Каждый раз, приходя к ней, я задавал один и тот же вопрос: «Ты хочешь, чтобы я прочитал его?» И

каждый раз Мелани, улыбаясь, качала головой: «Нет». Она практически не говорила, потому что проводила без сна еще мало времени.

Из ее распухших губ вырывались слова: «ДА, НЕТ, СПАСИБО, ЛАДНО». Как во время манифестации. Я бережно ловил каждое из этих слов. Ее голос напоминал мне и ей, что она жива. Жива и со мной. А поскольку Мелани не могла двигаться, не было риска, что она уйдет. Она не уйдет от меня.

В конце каждого дня, когда ее родители возвращались домой, я входил к ней. Палата Мелани была похожа на сцену, где играли низкопробный водевиль. Двери открывались и закрывались. Кто-то заменял одних второстепенных персонажей другими.

Мелани никогда не оставалась одна очень долго. Я, если говорить правду, не знал, полезно ли ей это. Мы привыкли проводить у постели больного много часов подряд, не спрашивая на это его согласия. Мы так уверены в своей правоте, когда стоим перед теми, кто лежит и молчит.

Я давал ей немного послушать музыку — разумеется, U2, ласковые песни и Шарля Трене. Остальное время я говорил — говорил много, и никто не приказывал мне остановиться. А

еще я читал вслух. Читал «Долгую помолвку» Себастьяна Жапризо, потому что часто говорил о ней с Мелани и потому, что если есть книга, которой сюжет заранее обеспечивает проигрыш, то именно эта. Манеш и Матильда на берегу озера Осегор. Буквы, вырезанные на дереве, МЛМ. Девчонка-инвалид разыскивает солдата. И уверена, что найдет. Все возможно! Если Матильда сумела найти Манеша, то и я сумею поставить Мелани на ноги. И вернуть в мои объятия.

«Матильда не знает, слышал ли ее Манеш в шуме ее детства, в грохоте больших волн, в которые она ныряла в двенадцать лет, в пятнадцать лет, вися на нем. Ей было шестнадцать, когда они впервые занялись любовью в один апрельский день, и они поклялись друг другу, что поженятся, когда он вернется с войны…»

Я был мало похож на Матильду. Она не могла ходить, а я ходил нормально. Зато Матильда напоминала Манеша усталостью от жизни и тем, что ее организм был изношен.

— Ты хочешь, чтобы я прочитал его тебе?

— Нет, еще нет.

— Предпочитаешь послушать продолжение «Долгой помолвки»?

— Да, пожалуйста.

* * *

Когда наши разговоры становились слишком долгими, ее слова начинали звучать тише. И звуки, которые выходили тогда из ее рта, не имели ничего общего с голосом, который был у Мелани до нападения. У нее отняли ее нежные черты лица, ее изящную грудь, но самым ужасным, несомненно, был голос, потому что его исчезновение ощущалось каждую секунду.

Она думала, что я могу ответить на ее вопросы о том, что с ней будет. Но врачи и сами не поставили бы и гроша на будущее этой пациентки. Они говорили ей про статистику, когда она ждала уверенных утверждений. Голос вернется, когда уменьшатся гематомы, утверждали они. Лицо тоже снова примет «правильный» вид: такое слово употребил хирург. Но что он подразумевал, говоря «правильный»? Лицо Мелани не было правильным, оно было выразительным, на него было так же приятно смотреть, как на лицо Луизы Брукс[33]. Это лицо французской Луизы Брукс, на-

[33] Сноски: 33

Луиза Брукс — известная американская танцовщица и актриса немого кино. *(Примеч. пер.)*

пример, Жаклин Делюбак[34]. Жаклин Делюбак, в глазах у которой нежность и твердость. Жаклин Делюбак, которую безуспешно пытался покорить Саша Гитри — Мэтр, как его называли. Его, неуклюжего увальня с огромным запасом остроумных фраз, укротила черноволосая девочка. Глаза актрисы великолепны. Голос Гитри невыносим. Глаза Мелани. Наука говорит: все вернется, надо только быть в подходящей группе людей.

«Жертва нападения, совершенного во время демонстрации сторонников брака для всех, по-прежнему находится между жизнью и смертью. Нападавшие не задержаны. Скоро Рождество, и магазины постоянно полны. Футбольный мир по-прежнему изумлен заявлением лучшего из французских футболистов, Энтони Полстры, объявившего о своем уходе из спорта. Больше о Полстре нет никаких новостей…»

Разумеется, министр внутренних дел пообещал, что нападавшие будут скоро арестованы и предприняты дополнительные меры безопасности: он всегда это обещает в подобных случаях.

---

[34] Сноски: 34

Жаклин Делюбак — известная французская актриса, прожила 90 лет и скончалась также в Кретее. В 1930-х годах была третьей женой знаменитого французского писателя, актера и режиссера Саша Гитри. *(Примеч. пер.)*

Иногда политикам надо бы молчать, и журналистам тоже. Потому что жертва — это Мелани. Потому что она больше не находится между жизнью и смертью, и потому, что нападавшие, разумеется, не будут арестованы никогда. Нападение произошло в конце манифестации, когда такие костоломы действуют тайком и далеко от шествия. Ни свидетелей, ни камер наблюдения. Словно от этого линчевания не осталось ничего, кроме распухшего тела Мелани.

— Подождите немного, я выключу радио.

— Ей повезло.

— В самом деле?

— Да. Уцелеть после ударов ногами в голову — редкий случай.

Я плохо понимал, как в этом случае можно сказать «повезло». Но полицейский, который сегодня утром приходил ко мне, имел добрые намерения, когда произнес это слово. Или, может быть, рахит его идиолекта не позволил ему найти более подходящее.

— Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Я никогда не пью кофе: становлюсь от него нервным. Итак, вы уверены, что ничего не помните — ни одного человека, который показался бы вам подозрительным, когда вы

расставались с мадам Аттал?

— Нет. Иначе я бы сказал об этом, поверьте мне. Если бы был хотя бы малейший риск, мы остались бы вместе.

— У нас действительно очень мало информации. Расследование сложное. В день манифестации все гомофобы столицы тоже вышли на улицы… А их немало.

— Это верно. Противников было так много, и они были такими решительными… Послушайте, как раз после того, как я отошел от Мелани… Это был человек из противоположного лагеря. Это пациент, которого я веду последние несколько недель. Он не имеет никакого отношения ко всему этому, но, возможно, сможет дать вам информацию.

— Вы врач?

— Нет.

— Но вы сказали «пациент»…

— Я библиотерапевт.

— Вы восстанавливаете книги?

Я никогда не слышал такого вывода. Но если хорошо подумать, это оригинально и забавно. В других обстоятельствах я бы ответил утвердительно и долго рассуждал бы на тему страданий книги в городской среде. Я смог бы даже вы-

тащить из своего книжного шкафа несколько отреставрированных книг. Но в этом контексте — нет.

— Я восстанавливаю людей с помощью книг.

— А!

Это междометие не означало ничего хорошего в области понимания.

— Да.

Это слово тоже не поможет.

— Вы не могли бы сообщить мне имя вашего пациента?

— Чэпмен, Роберт Чэпмен. Но не говорите ему обо мне. Я не хочу ставить под угрозу наши отношения.

— Рассчитывайте на меня. У вас есть ручка?

— Конечно.

— Обычно я все записываю на свой смартфон, но он перестал работать. Нужно будет его сменить. А пока я вернулся к хорошему старому способу — записной книжке. Я не открывал ее целых три или четыре года.

Следователь был доволен, что может показать кому-то этот предмет без возраста, реликвию из утраченного времени. Он написал заглавными буквами «ЧЭПМЕН РОБЕРТ» на листке, заполненном очень удачными рисунками. ЧЭПМЕН среди

набросков.

— А чем он занимается, этот Чэпмен? Я бы не хотел спутать его с кем-то другим.

— Он продает наручные часы класса люкс.

— Удачно получается: я обожаю красивые часы.

— Как и все.

Он несколько раз повторил «ЧЭП-МЕН», слегка подчеркивая границу между слогами. Я вспомнил, как дети, чтобы научиться делить слово на слоги, отмечают эту границу хлопком в ладоши. Здесь два слога.

— ЧЭП-МЕН. На удостоверении личности жертвы обнаружены отпечатки пальцев. Можно будет проверить.

Удостоверение личности было разорвано пополам и брошено на тело Мелани. Они хотели ее уничтожить. Но она упрямая девушка, она никогда не покорялась, она будет сражаться до конца.

— Кстати, вы-то что делали на этой демонстрации?

— Участвовали в ней.

— Я хотел сказать: вы нормальная пара, так почему вы рисковали?

— Я не уверен, что мы пара. А если и пара, то не слишком нормальная.

— Я не хотел рассердить вас своим вопросом.

— Мелани часто водит меня с собой на манифестации. Она очень общественно активная, иногда бывает в ярости. Я сопровождаю ее, чтобы защищать.

— Доказательство налицо.

— Что вы сказали?

— Ничего.

Я не сердился на агента полиции. Во мне нет ничего от мужчины-защитника, но все-таки он мог бы позволить мне верить в мои слова.

Где я исчезаю

Некоторых пациентов приятно видеть снова, потому что ты знаешь: в компании этого человека проведешь время приятно. Удовольствие вдобавок к профессиональным отношениям. Но, к несчастью, есть и другие пациенты — те, которые тебя смущают, те, о ком ты знаешь, что они загонят тебя в твои окопы. В траншею, под обстрел. Ян из второй категории. Идя к нему в тот день, я говорил себе, что мы, наконец, приближаемся к концу нашего литературного приключения. Было ли оно успешным? Конечно да, но лишь частично. Это не так уж плохо, потому что в Яне есть препятствие — какое-то упорное противодействие, с которым мне не удавалось справиться. Провести час рядом с ним казалось мне не более приятным, чем если бы меня погладили по коже наждачной бумагой. Впрочем, он сам не управлял ничем — ни своим телом, ни своим умом. В них проникало все. Нет никаких фильтров. Он как планета без озонового слоя, не защищенная от лучей и метеоритов. Он писал все, без цензуры, и часто попадал в цель. Под-

росток Холден по сравнению с ним казался мне менее ужасным — менее опасным. Вот пример относительности. Я подумал, что, если бы Холден пришел ко мне за помощью, я бы посоветовал ему прочитать историю Яна. Холден почувствовал бы, как велика его собственная свобода. Он бы возненавидел Яна. Но Холден жил в Нью-Йорке и искал уток Центрального парка.

Из-за того, что я живу в книгах, меня подстерегает опасность: я могу начать думать, что книжные персонажи живут на самом деле. Как Бальзак, который в старости разговаривал со своими созданиями.

— Здравствуй, Холден; как дела?

— Привет, Алекс. Дела не очень; в последнее время у меня немало неприятностей, и все такое.

— Я хотел бы предложить тебе познакомиться с одним подростком, его зовут Ян. У него была нелегкая жизнь.

— Честно говоря, если он — еще один такой же идиот, как другие, это мне не интересно. О господи! Что ты в них находишь, в этих чудаках? Ты их любишь?

— Это работа.

— Ну да, верно; только, честно говоря, эта твоя работа боится максимальной нагрузки. Я лучше

не буду ни хрена делать весь день, чем встречаться с этими психами. Есть у тебя виски?

— Есть то, что хуже виски — снотворные, психотропные средства, арсенал, от которого можно покинуть землю на несколько дней.

— Ты мне нравишься, Алекс, когда так говоришь. В конце концов, ты такой же, как я, когда меня выгнали из школы и я бродил по улицам и встречался с разными типами, которые хотели послушать мои россказни.

— Ты прав, Холден, я — это ты. Я становлюсь тобой, когда слишком много прочитал и снял с полки коробку с лекарствами.

— Тогда дай мне из нее виски, бедняга: на улице жарко. Понимаешь, скоро Рождество, а и утки не улетят из Центрального парка. Я думаю, что двадцать четвертого числа приду туда, выпью стаканчик и выкурю сигарету рядом с ними. У нас есть много чего рассказать друг другу — у меня и уток.

— Вы верите в совпадения?

— Не знаю. Я никогда не задавал себе этот вопрос.

— А я в них верю и за последние дни стала верить еще больше.

Я не понимал, почему Анна, ожидая, пока к

нам присоединится Ян, говорила со мной об этом. Я чувствовал себя неуютно в этом доме. И начатый разговор ничего не изменял к лучшему. Бессодержательные темы вроде «совпадений» напоминали мне плохой курс философии, который читал у нас в лицее преподаватель, чем-то сильно угнетенный. Анна продолжала:

— В последнее время я очень много читала. Много лет я не погружалась так в книги. Это было погружение в бездну. Впрочем, вы знаете про это: читать ведь ваша профессия.

— Услышать от кого-то, что он снова начал читать, — всегда хорошая новость.

— Вы когда-нибудь чувствовали, что роман засасывает вас, что вы тонете в словах писателя?

— Да, со мной такое бывало. У классиков есть места, которые вспыхивают, как молнии, и уносят тебя с собой. Сложно описать это словами. В этом есть что-то мистическое, волшебное. Великие писатели — сверхъестественные существа. Они имеют власть воздействовать на наше сознание. Но какая книга украла вашу душу?

— Я с огромным удовольствием открыла для себя романы Мопассана. Я читала их Яну, и мы провели это время очень приятно. Этого с нами не было уже много лет.

— Вы читали «Милого друга»?

— Да! Жорж Дюруа — забавный человек. Мужчина, лишенный смелости, который напомнил мне моего мужа.

Анна чувствовала, что стала свободной. Она улыбалась мне. Здороваясь, я пожал ей руку и заметил, что она не была, как обычно, покрыта потом. Ладони Анны были липкими, но этот раз стал исключением. Они были мягкими и приятными — признак того, что мать Яна становилась довольной женщиной. Она уже не была главной жертвой своего сына.

— Значит, Яну понравилось то, что вы читали? Я не подумал о Мопассане. А был бы должен подумать!

— Я сказала это не для того, чтобы кого-нибудь упрекать. Вы нам очень помогли. Теперь мне кажется, что мы с Яном можем двигаться дальше вместе.

— Я очень рад за вас. Терапевт всегда желает, чтобы его пациентам стало лучше, иначе он шарлатан! Значит, вы желаете прекратить наше сотрудничество?

— Совершенно верно. Я приготовила вам счет. Проверьте, нет ли ошибок.

— Я верю вам, Анна.

Я был разочарован: мне хотелось довести сотрудничество до конца и, если возможно, самому решить, когда наступит этот конец. Анна увольняла меня вежливо, потому что родители хорошо ее воспитали. Она уважала других при любых обстоятельствах. Но она меня увольняла. Я не сомневался, что мне было бы приятней, если бы меня прогнали с порога. Если бы Анна оставила дверь закрытой на цепочку, высунула в щель только кончик носа и заявила: «Возвращайтесь домой: вы нам больше не нужны. Вот ваш чек, держите!» И бросила бы мне чек на землю. По крайней мере, я бы ушел быстро и не должен был садиться. Я хотел сказать Анне, что моя работа начала приносить результаты, и не нужно прекращать ее так рано, но говорить было бы бесполезно. Решение уже принято. Пришлось ждать вундеркинда, который больше не хотел меня, и говорить о литературе с его матерью, которая тоже меня не хотела.

Мопассан! Писатель, попавший в психбольницу, сумасшедший! Писатель, чей грубый отец бил его мать! Знала ли об этом Анна? Мопассан. Писатель, которого подтачивало безумие! Может быть, однажды Ян станет писать: способности для этого у него есть.

— Вы не должны бы доверять людям. В наше время доверие — устаревшее чувство. Много лет я доверяла мужчине, который меня обманывал. Я ставила его на пьедестал. Я считала его образцовым отцом, идеальным мужем. Считала тем, кто дарит жене цветы в воскресенье, кто гуляет со своим ребенком в сквере, а у матерей при виде этого текут слюнки: «Вот это папа! Он занимается со своим ребенком, играет с ним, а мой муж бы этого не сделал». Я вам говорю — образец! И этот образец вел двойную жизнь и едва не стал причиной смерти своего сына.

— Я лишь частично согласен с вашем мнением. Но вы прошли через очень тяжелые испытания, которые я, конечно, не могу понять. Я не всем доверяю, но вам — да. Мне кажется, что возникшие между нами отношения основаны как раз на доверии. Вы на самом деле думаете, что Ян придет к нам? Мы ждем его уже давно.

Мне очень хотелось убежать отсюда, выпрыгнуть в первое окно, которое попадется на пути: дверь была слишком далеко. Я был бы рад уйти незаметно, но чувствовал себя так плохо, что слово «незаметный» казалось слишком слабым. Я хотел бы стать невидимым, как Улисс у Калипсо. Исчезнуть в пелене тумана. Оглядевшись,

я заметил белую скатерть, но не осмелился ею завладеть. Все равно она бы не сделала меня невидимым, разве что смешным.

— Он обещал мне это. Он знает, что вы здесь, он придет.

Ян любил заставлять других ждать его. Он знал, что мать и Алекс разговаривали до его прихода. Это привилегия того, кто рождает в других желание — и раздражение тоже.

Однажды он подсчитал, сколько часов его мать потеряла, ожидая его.

Итак, один час в день. В неделе семь дней, в месяце четыре недели, в году двенадцать месяцев. Прошло десять лет.

Значит, 3360 часов за десять лет. Она ждала Яна 3360 часов — в кресле, в коридоре, за дверью. Божественная пытка, творцом которой был он. Гордость от того, что можешь заставить другого ждать, ощущение своего могущества. Кто заставляет ждать, тот, без сомнения, командует. Врач заставляет вас ждать два часа, когда у вас жар, когда ваше тело ноет, когда вас тошнит. И вы молча сидите среди других страдальцев. Вы покорны потому, что врач пропишет вам лекарства и покой и вам станет легче. Надо ждать.

Банкир, который даст вам деньги на покупку

дома, заставит вас ждать в приемной своего агентства. А у вас дрожат ноги, потому что он красив, этот дом. Банкир говорит по телефону, надо ждать. Вы догадываетесь об этом потому, что слышите через тонкую дверь, как он громко говорит с собеседником. Надо ждать и молчать. Тсс!

Анна жила, погруженная в ожидание, как в ванну, а сын держал ее в этой ванне. Ян был Фетидой, Анна — Ахиллом. Перевернутый миф в центре Парижа.

Ян знал, что должен написать несколько строк Алексу — объяснить, что прекращает с ним встречаться, несмотря на то что их встречи помогли ему сделать маленький шаг вперед в отношениях с людьми. В конечном счете библиотерапия его разочаровала. Он рассчитывал на молниеносное озарение, на откровение, а встретил симпатичного молодого мужчину, увлеченного литературой. И только. По крайней мере, именно так решили считать он и его мать. В глубине души Ян спрашивал себя, верна ли эта оценка. Все решения, которые он и мать принимали вместе, часто приводили к неудачам. Все попытки восстановления, которые хотела его мать, оказались на свалке его существования. Уверенность, что успеха не будет, возникавшая еще до попытки, сводила к

нулю все эксперименты.

Ян знал, что его мать с самого начала боялась Алекса. Ей Алекс с его книгами казался опасным. Она предпочла бы человека равнодушного. Такого, которому в конечном счете была бы не интересна болезнь ее сына, но который не пытался бы вырвать Яна из объятий матери. Такого терапевта, как те, которых они уже видели, — классического, без книг.

Ян решил сочинить текст со ссылками на литературу: это понравится Алексу. Читателю всегда надо льстить, писать то, что он хочет прочитать: надо дать ему почувствовать, что он тоже существует. И хотел закончить текст завершающими фразами «Цветов зла», которые считал полными тайны и движения:

> *И бездна нас влечет. Ад, Рай – не все равно ли?*
>
> *Мы новый мир найдем в безвестной глубине!*[35]

Эти слова выражали состояние души Яна. Кроме того, он не хотел оставить Алексу о себе плохое воспоминание.

---

[35] Сноски: 35

Шарль Бодлер. «Путешествие» из сборника «Цветы зла», перевод Л. Кобылинского-Эллиса. (*Примеч. пер.*)

Алекс — единственный парень, с которым он проводил немного времени в своей комнате, и при этом не для того, чтобы играть в видеоигры. Ян улыбнулся, подумав об этом. Алекс вел себя так, словно на лице Яна не было никаких следов аварии. Чтобы не разглядывать его развороченное лицо, Алекс исчезал в своих книгах и искал в них справки. Но Ян понимал, в чем дело. Он не сердился на Алекса: в конце концов, Алекс не так уж сильно отличался от других, хотя и сказал однажды Яну, что никого не оставляет равнодушным. Он ошибался.

Ян вошел в комнату спокойно, как будто не хотел нас беспокоить. На самом деле не было никакого риска, что он нас потревожит: Анна и я не разговаривали уже пять минут. Мне нечего было добавить к уже сказанному, ей тоже. Поэтому, чтобы скоротать ожидание, она сделала вид, что ищет в своей библиотеке сборник новелл Мопассана. А я делал вид, что жду ее. Анна хотела, чтобы я прочитал «У смертного одра». Но почему всегда такие мрачные тексты? Я не похож на девицу в военной форме, которая идет впереди процессии и улыбается даже под ливнем. Но все-таки провести вечер с поздним Шопенгауэром — этого я не заслуживал! «Бувар и Пекюше» — забавная

книга, «Заговор дураков» тоже. Вот чего я хотел.

Порядок в библиотеке был настолько идеальный, что на поиски любой книги в ней уходило меньше минуты. Иное невозможно было представить: больше времени ушло бы только у того, кто не умеет пользоваться алфавитом. Анна вела себя так, словно страдала синдромом Диогена, за долгие годы накопила тысячи книг и хранила их без всякой классификации.

Тишина меня пугала. Единственным шумом, который улавливал мой слух, был звон в моих ушах. Я поблагодарил этот звук за то, что он не покинул меня в таком одиночестве.

Ян протянул матери листок, она ознакомилась с содержанием записки и, не взглянув на меня, вышла из комнаты — без книги Мопассана. Она, конечно, пошла продолжать свои поиски на кухню.

Ян не стал садиться, а встал передо мной. В первый раз я видел его под этим углом зрения. Следы аварии на его лице были мне видны крупным планом и снизу.

— Моя мать все вам объяснила?

— Да.

— Я надеюсь, что вы не обиделись.

— Не беспокойтесь обо мне. Мне бы хотелось

продолжить наше сотрудничество, но будем смотреть на случившееся с хорошей стороны. Я думаю, что прочитанные вами книги подействовали. Это уже очень интересно.

«Алекс, вы невероятный человек. Я слушал Бранденбургский концерт Баха, и эта музыка увлекла меня за собой. Любите ли вы Баха?»

Любите ли вы Баха? Любите ли вы Брамса?

«И эта коротенькая фраза: „Любите ли вы Брамса?“» — вдруг разверзла перед ней необъятную пропасть забытого: все то, что она забыла, все вопросы, которые она сознательно избегала перед собой ставить»[36].

— Я ценю классическую музыку, но мало понимаю в ней.

«Не обязательно быть знатоком чего-то, чтобы это чувствовать. Я люблю музыку Баха ушами, а не мозгом».

Есть люди, которые прячутся за культурой как за ширмой. И давят этой ширмой своего собеседника. Моя мать была специалисткой по использованию культуры в качестве оружия массового поражения. Для нее ничего не значил человек, который не прочитал полное собрание

---

[36] Сноски: 36

Франсуаза Саган. «Любите ли вы Брамса?», перевод Н. Жарковой. (*Примеч. пер.*)

сочинений Филона Александрийского — одного из тех писателей, кто оказывается на последнем месте (из многих миллионов) в списке интернет-продаж. По этой причине она часто оказывалась в одиночестве.

Ян потерялся в Бранденбурге, а я в Париже, во враждебном мне доме. Молодой человек из хорошей семьи уж точно не сказал бы мне, что его чувствами завладел образчик электронной музыки или, что еще хуже, песня, восхваляющая достоинства солнечного понедельника или благотворность отдыха в Нормандии. Это было бы слишком народно. Яну была нужна ссылка, которую нельзя подвергнуть сомнению. Официальный портрет Баха, написанный Элиасом Готтлибом Хаусманом, художником с невероятным именем, которое я помню потому, что эта пара (имя и портрет) пугала меня, когда я был ребенком. Бах и его парик огромного размера. Бах и его двойной подбородок. Бах и его пухлые руки. Бах, который выглядит так несимпатично, что я не пожал бы ему руку даже за большие деньги. Бах, который жил в нашем доме, потому что моя мать слушала его постоянно. В общем, Бах, такой же безобразный, как Мирабо. Я хорошо сделал, когда купил себе затычки для ушей, чтобы боль-

ше не слышать его помпезную музыку, когда она гремела в доме. С первых ее нот я применял это средство против Баха, как другие средство против вшей.

«Может быть, мы встретимся на днях при других обстоятельствах».

— Я так не думаю. Я никогда не встречаюсь со своими пациентами вне работы.

«Жаль. Значит, вы читаете мои слова в последний раз».

— Несомненно, да.

«И не жалеете об этом?»

— Не жалею. Вы, кажется, опечалены моим уходом, но сами его добиваетесь.

«Расставание всегда болезненно. Я кое-что понимаю в этом. Кстати, по этому поводу: вы знаете Энтони Полстру, футболиста?»

— Только по имени.

«Он исчез, и вся Франция ищет его».

— Это верно.

«Расставание всегда болезненно. Идите: я оставляю вас вашим другим пациентам, тем, которые говорят. Если быть честным, ждать при общении, пока я пишу… Должно быть, это раздражает нервы и сильно утомляет. Вам никогда не хотелось задушить меня, когда я слишком долго медлил

с ответами?»

— Нет! Меня готовили к такому при обучении. Но если хорошо подумать, я был бы должен задушить вас при нашей первой встрече. Когда я понял, что вы зададите мне трудную задачу. Что касается Полстры, меня достаточно сильно тревожит, что человек, решивший отступить, становится центром мира. Умение исчезнуть — это искусство. Он успешно справился со своей задачей! Его советник по связям с прессой работает с мастерством ювелира.

«Его советник по связям с прессой… А почему бы не библиотерапевт?»

— Вот как? Об этом я не подумал.

«Представьте себе это! Лучший французский футболист консультируется у терапевта. Штамп „спортсмен-идиот“ был бы разрушен».

— У вас очень богатое воображение, Ян. Сейчас я должен вас покинуть. Я сохраню ваши записки. И стану читать их при случае, когда мне будет не хватать язвительности в разговоре с немного агрессивным пациентом.

«Значит, вы все-таки не сердитесь. Я успокоился. И последнее. Моя мать заплатила вам?»

— Разумеется, да.

«Я попросил ее заплатить больше той суммы,

о которой вы с ней договорились. В знак признательности. И, кроме того, потому что это деньги моего отца».

Я снова был на улице, с чеком в руке, рассерженный немного меньше, чем Жорж Дюруа. И хотел как можно скорее бежать к Мелани. Моя жизнь не кинофильм, я не убил Яна, но как музыкальное сопровождение для этой сцены бега по городу я мысленно выбрал Modern Love Дэвида Боуи. Руки движутся во всех направлениях, ноги неловкие, дыхание частое. И Дэвид Боуи. Я не побежал. Люди лишь в редких случаях делают то, что хотели бы, — потому что боятся условностей, чужих взглядов, чужого осуждения и ломоты в теле.

Я мог вычеркнуть Яна и Анну из своей адресной книжки. Они больше не существовали для меня. Они существовали только друг для друга. Адская пара: Аид и Персефона под музыку Баха.

Еще одно бегство

Я не дружу с веб-камерой. Мелани открыла для нас общий аккаунт в приложении, которое позволяет общаться на расстоянии с помощью этого пластмассового глаза. Аккаунт был открыт на мое имя, потому что Мелани не хотела, чтобы ее нашли бывшие одноклассники. Иногда прилипчивые парни, устав от своей жены, ищут на лицейской фотографии одноклассницу, любовь к которой давно поблекла. Они хотят увидеться с ней тайно от всех и лгать о своей жизни, чтобы возобновить прошлое.

Мелани пользовалась веб-камерой «с совершенно иными целями» — для разговоров с одной своей бывшей сослуживицей, уехавшей жить в Бразилию. Эта девушка была так красива, что ее красота не могла быть естественной. По словам моей спутницы жизни, эта красавица переделана с головы до ног. Эта девушка, как только устанавливалось соединение, впускала к нам солнечный свет, который заливал всю нашу квартиру. Искусственные груди и ботокс подруги не имели значения: на расстоянии, как на только

что покрашенной заново стене, детали не видны. Когда Мелани начинала с ней разговор, я пользовался этим: подходил, здоровался с подругой и смотрел на красавицу. Та говорила ни о чем. Если быть честным, со мной это тоже случалось, но я, контактируя с другим человеком, пытался принести ему хотя бы одну интересную для него новость. Я не врывался в чей-то дом для того, чтобы там любовались цветом моих ногтей.

Поэтому, когда мерзкий сигнал скайпа прозвенел в моей гостиной, я решил, что прекрасная Арманс (которая, учитывая количество своих побед, не рискует окончить свою жизнь в монастыре, как героиня Стендаля) только что вернулась с пляжа и желает побеседовать с Мелани. Я мог бы сообщить ей, что у ее подруги возникла небольшая проблема и что при нынешнем положении дел подруге наплевать на ее последнюю пару шлепанцев-вьетнамок, а также на исследование поведения наночастиц в стерильной среде. И ничто не мешает мне выключить звук, когда она откроет рот.

Но на экране появилось не лицо Арманс, а мужское лицо, такое же молодое и прекрасное. Удравшая звезда, великолепный беглец, пенсионер в двадцать семь лет, молодой Кирк

Дуглас — Энтони Полстра. В моей гостиной. Мечта футбольных болельщиков. Мечта отправленных в погоню за ним журналистов, которые мчатся за ним по миру. Кошмар библиотерапевта, изнуренного физическим отсутствием своего пациента. Энтони Полстра на экране моего персонального компьютера… А я перед ним, одетый как для прогулки с собакой… хотя ее у меня нет. И подумать только, миф о парижанах еще живет за границей и в некоторых отдаленных уголках Франции. По крайней мере, это можно сказать про парижанок, но обязательно должен существовать и мужской эквивалент. Парижанин всегда выглядит классно, несмотря на загруженность делами и давление жизни, парижанин в идеально выглаженной рубашке, рукава которой подняты до локтей, а пуговицы на шее застегнуты. Я родился в Париже, однако был одет в шорты, которые в три или четыре раза шире моих бедер, и в футболку, краски на которой полиняли, как на произведении искусства, на которое миллионы посетителей Лувра выдохнули тонны углекислого газа.

— Я не ожидал, что увижу вас так скоро, Энтони.

— Мне нравится эффект внезапности и на поле,

и в жизни. Но, может быть, я вас беспокою? Вы не собираетесь выйти?

— Нет, вовсе нет. Вы самый молодой пенсионер Франции. Вы займете место в следующем издании Книги Гиннесса.

— Можете не волноваться: меня быстро забудут, как старую стиральную машину.

Явно весь мир одержим стиральными машинами. Сначала Чэпмен, теперь Полстра.

— Я, по крайней мере, надеюсь, что не имею отношения к вашему решению все бросить. Когда представляю себе, сколько боли это причиняет вашим болельщикам, журналистам…

— Вы тут ни при чем, Алекс. Но Улисс при чем!

— А?

— Я немало понял, читая «Одиссею». Улисс теряет часть своей жизни, странствуя по миру. Я тоже. Улисс любит только свою семью. Я тоже. Мне надоело, что я никогда не могу быть вместе со своими. Я не заблудился, я могу пристать к берегу, когда хочу. Я решил больше не плавать по морям.

— Если такова ваша воля, я не могу вас осудить. Вы берете свою жизнь в собственные руки, это похвально.

— Спасибо.

Нашу беседу прервал голос, спросивший: «Мы идем на пляж, папа?» Кудрявый мальчик, голый до пояса и в очках для дайвинга, сильно и настойчиво тянул футболиста за руку. Если бы на поле противник так потянул за нее Полстру, тот бросился бы на землю и стал кричать, что на него совершили покушение, ему нанесли ужасную рану, и умолял бы судью удалить виновника. Но Полстра был «на пенсии», и, если бы лег на землю лицом к своему сыну и ко мне, это бы ничего ему не дало. Он лишь сказал ребенку: «Подожди», и тот направился к огромной рождественской ели, которая торжественно возвышалась на заднем плане. Веб-камера не могла показать ее полностью: елка со всех сторон вылезала за границы кадра. Гостиная футболиста была похожа на вход в «Галерею Лафайет» на бульваре Осман.

— Я вижу, что вы уже не во Франции.

— Мы отчалили от берега. И проведем праздники под солнцем. Мы в Бразилии.

— Значит, вы оказываете мне доверие! У меня есть хорошая приятельница в Бразилии.

— Я обожаю эту страну, ее ценности, ее краски…

Будь я немного склонен к язвительности, добавил бы: ее коэффициент смертности, ее трущобы,

ее детей, которые нюхают клей, и т. д. Но я не хотел выводить Полстру из себя такими мрачными явлениями. Часто говорят, что те, кто ушел на пенсию, нелегко адаптируются к новой жизни. Если я испачкаю черной краской идиллическую картину футболиста, он рискует снова впасть в депрессию. А у меня нет в Бразилии знакомого библиотерапевта, я знаю там только Арманс с ее шлепанцами и грудью, заметной за километры.

— Это еще и страна футбола.

Наступила тишина. Полстра поморщился. Может быть, вспомнил себя — мяч у ног, и весь стадион приветствует его. Я не должен был бы произносить слово «футбол». «Трущобы», в сущности, было бы более подходящее в этой ситуации слово.

— Кстати, мой агент сделал перевод на ваш банковский счет.

Бывший спортсмен не хотел говорить о футболе, но слово «футбол» притянуло за собой другое слово — «перевод». Спорт и деньги скованы одной цепью, как два каторжника. Каторжники, которые тонут вместе.

— Не обязательно было торопиться.

— Я люблю, когда дела делаются быстро. А я не скоро вернусь во Францию.

— Идем, папа! — снова принялся за свое мальчик.

Полстра посадил его на колени.

— Алекс, спасибо за все. Я должен уходить. И последнее: я теперь очень хочу прочитать «Илиаду». Что вы думаете об этом?

— Очень хороший выбор.

Сказать о таком монументальном произведении, что оно «хороший выбор», примерно то же, что сказать о Микеланджело, что он делал хорошие скульптуры. «Твой Давид неплох, Мишель, но он не смотрит нам в глаза».

Мое суждение было в высшей степени пошлым, но тем хуже. Гомер не стал бы мне противоречить, Полстра тоже. Он, как Улисс, решил спрятаться, скрыть, кто он такой. Это старый фокус писателей, чтобы легче было вернуть на сцену персонажа. Полстра, несомненно, вернется, когда Бразилия ему надоест и когда о нем больше не будут говорить. У него явно много общего с Улиссом. Я надеялся только, что футболист будет менее жестоким, чем древний герой.

— Хочу сказать еще кое-что напоследок, Алекс.

— Я слушаю.

— Перед тем как сесть в самолет, я сводил сына посмотреть квартал, где вырос.

— Вы последовали моему совету?

— Да, и в точности. Я хорошо сделал, что вернулся туда. И знаете, что было?

— Нет, не знаю.

— Никто меня не ждал. Я сел на том самом месте, где мои друзья детства проводили свои дни.

— Они были там?

— Да. Я присел рядом с ними, и мне показалось, что ничего не изменилось. Они подвинулись, чтобы дать мне место, вот и все.

Даже люди доброй воли прекращают борьбу

— Комиссар Жерро скоро примет вас, месье. Будьте добры подождать здесь.

Агент, встречавший посетителей, указал мне на неудобный стул в одном из закоулков комиссариата. Рядом со мной ждали другие люди. После больницы я интересовался другой стороной человеческого несчастья — бедой жертв.

Одна женщина успокаивала подругу, чей автомобиль ударила машина, водитель которой сбежал с места происшествия. Мужчина с перевязанной челюстью громко жаловался, что ее побил старый друг.

А я пришел узнать, продвигается ли следствие. Мелани с каждым днем чувствовала себя лучше, и ей стало легче говорить. Когда она произносила слова, уже не казалось, что ее рот набит камешками. И она поручила мне встретиться с комиссаром Жерро.

Мужчина с повязкой открыл беззубый рот. Нападение было тут ни при чем: этих зубов он лишился раньше. Он пытался поделиться сво-

ими заботами прямо, в более доверительном разговоре. Поэтому он хлопнул меня по плечу и заговорил:

— На тебя тоже напали? Видно, что да: у всех таких лицо одинаковое. Мой дружок крепко заехал мне в зубы. А мы двадцать лет как знакомы. И все из-за машины. Хорошо, мне помог другой приятель (у меня их много, дружков). Понимаешь, я не драчун, никогда ни с кем не дрался.

— Вы правы. Насилие ничего не улаживает. Я тоже никогда не дрался — и, можно сказать, горжусь этим. Сила в том, чтобы отказаться от боя.

— Ну да, но все-таки, понимаешь, я иной раз говорю себе, что должен был бы защищаться, потому что ударов мне досталось — ох сколько.

Если хорошо подумать, почти беззубый рот был доказательством его правоты. При некоторых обстоятельствах надо защищаться.

— А тебе кто вмазал?

— Вообще-то никто. Я…

В последнее время меня не ударял в лицо никакой предмет. Просто новый друг ошибочно истолковал мою бледность.

— Значит, это ты вмазал кому-то?

— Нет, я пришел повидаться с комиссаром.

— Жерро хороший мужик.

— Я в этом уверен.

Он отвернулся и после этого не обращал на меня внимания: не хотел меня больше беспокоить. Истинный джентльмен, но ему не повезло: он не родился в семье университетских преподавателей. О моих зубах всегда хорошо заботились. Ни малейшего риска, что один из них выпадет. Когда мне было десять месяцев, моя мать каждый день чистила мой первый зуб специальной щеткой, купленной за огромные деньги у хирурга-дантиста, друга нашей семьи. Семья университетских преподавателей дружит с хирургами, редакторами, архитекторами. В моем окружении не было ни одного беззубого человека — у всех были красивые зубы, которые выстроились ровно в ряд, как слишком благоразумные дети в классе. Битые жизнью люди вроде тех, кто сидел рядом со мной в этом комиссариате, не жили рядом с нами. Я часто думал, что моя мать накапливала дипломы не для того, чтобы делиться с нами своими знаниями и вызывать у своих студентов желание сделать эти же открытия, а для того, чтобы не соприкасаться с бедняками. При защите диссертации ей достаточно было применить правило «нет начитанности — человек отвергнут», чтобы ее почтили самым хвалебным упоминанием.

Поскольку мне не с кем было говорить, я решил немного почитать. Я принес с собой книгу Жорж Санд, которую еще не читал: «Франсуа ле Шампи».

Моего соседа сменил напуганный мужчина, который постоянно оглядывался, словно на него с минуты на минуту должны были напасть. Он встретился со мной взглядом, и его выкатившиеся из орбит глаза остановились на моих.

— «Франсуа ле Шампи»!

— Вы знаете эту книгу?

— Если я ее знаю, значит, проклятие продолжается. Он все время говорит о ней: «Мама села подле моей кровати; она взяла роман «Франсуа ле Шампи», которому красноватый переплет и непонятное заглавие придавали в моих глазах отчетливую физиономию и таинственную притягательность»[37]. И тра-та-та…

— О чем вы говорите? О каком проклятии? Я с вами не знаком, месье.

— Месье, я ничего не имею против вас. Простите. Я говорил о проклятии книг. И в особенности одной книги — «В поисках утраченного времени».

---

[37] Сноски: 37

Марсель Пруст. «В поисках утраченного времени», книга 1-я «В сторону Свана», перевод А.А. Франковского. (*Примеч. пер.*)

— Я никогда не слышал об этом проклятии.

— Скажу вам только одно: остерегайтесь Пруста! Он среди нас! И он очень агрессивен! Час назад он набросился на меня посреди улицы. Он хотел меня задушить.

— Пруст? Но он…

— Нет, он не умер. Он повсюду.

К нему подошел полицейский и сказал:

— Месье Баррель, ваша очередь.

Мужчина встал; это заняло у него всего долю секунды, словно его подбросила вверх пружина. Я, наконец, не одинок: есть еще кто-то, живущий в литературе.

— До свидания, месье, счастлив был познакомиться с вами. Пожалейте себя: избавьтесь от этой книги.

На него напал Пруст! Я думаю, что на земле больше жертв его фраз, чем жертв самого бедняги Марселя.

— Идите за мной.

Это указание, адресованное мне, оборвало мои убийственные размышления.

— Значит, дело Аттал… Садитесь.

— Спасибо.

— Сожалею, что заставил вас ждать, но мы сейчас загружены выше головы.

— Я использовал это время для разговора с человеком, который терпеливо ждал вместе со мной.

Жерро, делая вид, что интересуется тем, что я делал в ожидании встречи с ним, искал в куче разноцветных переплетов папку с делом Мелани.

— Вы хорошо сделали: когда человек с кем-то разговаривает, время бежит быстрее. Кстати, я вас не спросил: вы здесь по делу Аттал, а не по другой причине?

— Будьте спокойны: я не заставлю вас заводить новое дело. Я вижу, что у вас их и так достаточно.

— Десятки дел, которые надо вести. А средств мало. Выводы можете сделать сами…

Жерро наконец вынул из кучи папку-карман сиреневого цвета, на которой можно было прочесть: «Аттал».

— Не стану вам лгать: у нас мало что есть. Дело начато не очень хорошо. Но наша команда работает активно.

— По пять минут в день на каждое дело.

— Вы шутите? Мы работаем над каждым делом очень серьезно.

— Да, я пошутил. Вы надеетесь когда-нибудь найти тех, кто напал на Мелани?

— Не знаю. След, который вы указали мне в

прошлый раз, оказался сложней, чем я думал.

— Чэпмен?

— Да, Чэпмен. Мне будет очень трудно заставить его говорить.

— Вот как! Он отказывается встретиться с вами?

— Можно сказать, что да. Он умер.

— Умер?

— Невозможно быть мертвей, чем он сейчас.

Плохие новости следовали одна за другой, как барьеры на дистанции сто десять метров. К счастью, я пробегал под препятствиями.

— Да что же с ним случилось? Я видел его совсем недавно, и он был здоров.

— Чтобы умереть, достаточно одной секунды. Это не любовь: тут не нужна подготовка. Он неудачно упал в своем подвале. Дурацкий несчастный случай. Поскользнулся и разбился насмерть в один миг. Хоп! Чэпмен не сможет нам помочь.

Мне трудно было свыкнуться с мыслью о смерти Чэпмена, в моем последнем воспоминании он хвастался своей стиральной машиной. Человек, который умрет через несколько дней, не станет тратить свое время на разговор об электроприборе. Я понимал, что Чэпмен не предчувствовал

близкую смерть, но все-таки. Говорить о стиральной машине — как это грустно. Оскар Уайльд что-то писал о том, как бессодержательны разговоры о погоде, хорошей или плохой. Я думаю, что, если бы он жил в XXI веке, он заменил бы погоду на стиральную машину. Человек недостоин быть живым, если делает центром своего разговора домашний электроаппарат.

— Я должен был увидеться с ним завтра.

— Он не придет. В четырнадцать часов его хоронят.

— Вместе с его стиральной машиной? — пробормотал я.

— Простите, вы что-то сказали?

— Нет, ничего. Я опечален.

— Мне показалось, что я расслышал «стиральная машина». Это меня испугало, потому что я задавал себе вопрос: при чем тут стиральная машина?

— Я бормотал какие-то пустяки. Повторяю вам: то, что случилось, меня потрясло.

Выходя из комиссариата, я вынул свой мобильный телефон и едва не набрал номер Чэпмена. Вызвать мертвого. Как будто он мог мне ответить: «Добрый день, Алекс, я умер. Извините, что беспокою вас. Я не приду на нашу завтрашнюю

встречу. Передайте привет вашему соседу».

У мертвых нет телефонов, а если бы были, пришлось бы увеличить пропускную способность сетей связи, потому что у них было бы много чего сказать.

Я пришел в церковь, когда служба уже началась. Звучала песня Трене. Покойный очень любил ее, по словам одного из близких, который неуклюже произносил речь перед собравшимися.

Я хожу в религиозные здания только для того, чтобы взглянуть на произведения искусства, которые там находятся, — например, на распятие. Такой интерес сокращает число друзей до опасно малого. Зумба точно не производит этого действия. Но мода на зумбу быстро пройдет. А я люблю все долговечное — например, песни Трене. Когда меня упрекали за любовь к странным вещам, я сразу думал об этом модном танце только потому, что стены нашего города оклеены афишами, призывающими любителей сидячего образа жизни, у которых жирные пальцы, срочно пойти на одно из занятий по зумбе — туда, где столько ярких красок и шума. Эти афиши распространяются, как бубонная чума в XIV веке. Позволим людям выбирать, от чего им умирать — от жира или от танца.

Среди участников похоронной церемонии я узнал дружков Чэпмена, которые шли с ним в день демонстрации. Они смотрели хмуро и, разговаривая между собой, шептали слова на ухо, чтобы не нарушить ход церемонии. А может быть, еще и от страха перед божьим наказанием. Ведь самый гордый из них, их красноречивый друг, лежал в открытом гробу возле алтаря. «Обломов», лежащий человек. Было отчего испугаться. Как это может быть: несколько дней назад он говорил так уверенно, а теперь спит при всех в глубине начинающей ветшать церкви?

Чэпмен никогда не скажет мне, дочитал ли он до конца «Обломова», книгу о лежащем человеке. Священник восхвалял достоинства умершего. Прекрасный человек, образцовый семьянин, всю жизнь жертвовавший собой ради своих друзей… Мертвые всегда доблестней живых. Поэтому о мертвых и сожалеют. Впрочем, я плохо представлял себе, чтобы служитель церкви стал открыто критиковать Чэпмена: «Дрянь, жалкий ничтожный человек, способный броситься в погоню за извращенцем…» Нет, такие слова священник не мог бы произнести — разве что решил бы мгновенно и ярко покончить со своей церковной карьерой. Следующая остановка: Отлучение.

Церемония тянулась долго, и мои веки отяжелели. Скоро я закрыл один глаз. Если бы Бог меня видел, он, несомненно, наказал бы меня, но было так приятно дать себе волю, когда все остальные всхлипывали или по меньшей мере делали вид, что всхлипывают. Это была дремота моряка — сон, срок которого отмерен заранее. Специалисты говорят, он продолжается самое большее пятнадцать минут. Короче говоря, это был управляемый сон…

Соседка по ряду, которая пыталась протолкаться мимо меня к своему месту, прервала мой сон словами:

— Извините. Вы не могли бы иметь немного уважения? Разве можно храпеть во время прощальной церемонии!

— Извините.

Значит, я не очень хорошо владею техникой управления сном. Счастье еще, что я не плыву на корабле в «ревущих сороковых».

Женщина втянула живот, чтобы протиснуться между мною и скамьями и добраться до остальной группы, которая уже пошла к гробу для отдания «последней почести». Я решил не видеть Чэпмена. В сущности, я не хотел оказывать ему почет. А раз он не мог мне сказать, дочитал ли он

«Обломова»…

В конце церемонии я решил, что обязан принять участие в сборе пожертвований. И в самом деле: моя бывшая соседка — та, которая упрекала меня за храп, — смотрела на меня: дам ли я монетку. Я заплатил за Чэпмена, который был должен мне деньги. Это уже слишком! Но я не мог в этих особых обстоятельствах потребовать плату за занятия у его жены.

В результате у меня в памяти остался образ ящика без крышки, похожего на один из тех пластмассовых контейнеров, которые забывают в глубине холодильника. Что было внутри? Все говорили о человеке, которого я не видел, но который, кажется, был очень хорошим. Не фокус ли это? Не вылезет ли по велению мага из ящика кролик, или птица, или… мышь? Я не люблю представления «магов». И еще меньше люблю похороны: их длительность явно больше, чем время, которое я способен провести в ожидании.

Прежде чем окончательно покинуть церковь, я подошел к священнику, который в это время прощался с завсегдатаями погребальных церемоний. Есть люди, для которых похороны — единственный случай, ради которого они выходят в свет, единственное развлечение. Их легко узнать: они

могут декламировать все религиозные гимны без шпаргалки, всегда встают и садятся вовремя (на что не способны остальные присутствующие) и перед уходом долго прощаются со священником.

Так долго прощаются, что я, по-моему, простудился. Один ли я боялся этой простуды? Чувствовали другие этот холод или нет?

В средствах массовой информации часто говорят про кризис веры во Франции. Может быть, чтобы справиться с ним, было бы достаточно установить в церквях обогреватели. Прикрепить фотоэлектрические панели рядом с горгульями. Улавливать тепло, чтобы обратить зло в бегство и вернуть в церкви людей. Между этими двумя желаниями явно есть родство. Чтобы согреться, я решил еще немного приблизиться к своей цели. Но не сообразил, что пол, сделанный из огромных камней, не так гладок, как натертый воском бетон, который все шире применяют в современных квартирах. Я попал ногой в стык между двумя камнями и, на свою беду, споткнулся. Удар по пальцам ноги заставил меня покачнуться. А равновесие так неустойчиво. Я упал, коснулся лицом пола, и только ладони в последний момент спасли меня. Рефлекс рептилии, воспоминание тех дней детства, когда я учился ходить (оно не

вызывает никакой ностальгии). В церкви не учат детей ходить. Я сделал свои первые шаги в библиотеке, чем была невероятно горда моя мать, искавшая в тот момент текст понепонятнее, чтобы предложить его на экзамене своим студентам. Одна рука опиралась о холодный пол, а другую защищал конверт, который я в ней держал. Неприятное прикосновение: никто не касается пола в церкви, и я понимаю почему. Священник, который был свидетелем несчастного случая, дал волю природной быстроте своих движений (о которой забыл в годы, проведенные в каком-нибудь аббатстве). Он растолкал прихожан и помчался ко мне, как спасатель в море. То ли он хотел мне помочь: при его сане это было самое меньшее, что он должен был сделать. То ли хотел избавиться от святош, уже четверть часа не дававших ему покоя. Я — ОСВОБОДИТЕЛЬ!

— Все ли в порядке? Вы ничего не сломали, сын мой?

— Ничего. Все в порядке, спасибо.

— Вы меня напугали: так грузно свалились.

Вот это мастер дополнять сказанное! Мое падение действительно не было элегантным, но кто падает изящно? И я исправил свою оплошность. На мой взгляд, я вышел из этой ситуации

с честью. Оценка за технику — 7 баллов из 10 возможных. За несколько секунд вокруг меня собралась толпа. И в церкви, и в других местах человек в лежачем положении явно вызывает у людей больше интереса, чем в любом ином. Чэпмен неподвижно лежал возле алтаря. Я лежал в другом конце церкви. Стоящие люди не интересны для других. Я встал с пола. На ногах я не буду так их очаровывать. Священник взял меня за руку и увел от любопытных. Я наконец мог заговорить с ним и назвать его папой, точнее, отцом. Я бы предпочел говорить ему «папа». Это слово ласковее, в нем больше защиты. Но так не делают, а жаль. Этот священник по возрасту не мог бы быть моим папой. Уже давно я не думал об этом слове. Потому, конечно, что мой родитель начал новую жизнь с девушкой, которая, по-моему, даже для меня слишком молода! Он совершенно не смущался и не чувствовал неловкости, когда представлял ее мне. Скорее, он был доволен: «Видишь, Алекс, кого я способен привести на свой шестидесятый день рождения…». Мой биологический отец был немного с претензиями. Надо сказать, что моя мать двадцать лет держала его на коротком поводке. Поэтому, как только появился случай разорвать цепь, которая прико-

вывала его к конуре, он бросился на этот случай и на Наташу — добычу ростом метр восемьдесят, вечную студентку, которая изучает социологию, а в качестве дополнительной работы проедает наследство, которое я никогда не получу. Иными словами, у моего отца нет ничего общего со священником, который стоял передо мной в рясе, слишком сильно пахшей ополаскивателем для белья.

— Отец, не будете ли вы так добры передать этот пакет вдове мистера Чэпмена? Это текст, который я хотел ему предложить.

— А почему вы не передаете его сами?

— Я не хотел бы ее беспокоить, вот и вся причина.

— Я это сделаю. В такой ситуации любые слова — утешение.

Он улыбнулся — немного искусственной улыбкой, как все служители церкви. Эта улыбка скрывала свирепое желание сказать мне, чтобы я разбирался с этим делом сам, как взрослый мужчина. Он взял у меня пакет и пообещал его передать. Некоторые профессии не позволяют людям вести себя как животные. Священник — одна из этих профессий. Если бы мой собеседник был владельцем автомастерской, он отшвырнул

бы меня, как бросают старую шину в огромную кучу автомобильного мусора.

Выходя из церкви, очень довольный тем, что смог разжать ладонь священника и отдать ему свой пакет, я прошел мимо пары, которая внимательно глядела на экран планшетного компьютера. Экран был большой — размером с лист формата А4; такую вещь не положишь в карман, зато качество картинки, несомненно, высокое.

«Ты видела это? Какое падение! И притом в Божьем доме!» — хохотал мужчина. Мои четверть часа славы были увековечены другом Чэпмена. Нужно уметь пользоваться счастливыми моментами: они никогда не бывают долгими.

Вечером, когда близкие разошлись по своим домам и снова стало тихо, вдова Роберта Чэпмена распечатала пакет, который священник отдал ей в самом конце церемонии. И прочитала:

«Что же стало с Обломовым? Где он? Где? — На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье. Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой да безмятежно пахнет полынь. Кажется, сам ангел тишины охраняет сон его.

Как зорко ни сторожило каждое мгновение его жизни любящее око жены, но вечный покой,

вечная тишина и ленивое переползанье изо дня в день тихо остановили машину жизни. Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести».

Это был отрывок из романа, который ее муж читал перед смертью. Слова Гончарова успокаивали мадам Чэпмен, потому что были ласковыми и правильными. Она уже очень давно не читала отрывков из романов. И она стала искать в пустом доме «Обломова». Она хотела утешения.

Крыша под ногами

Марселине Фарбер надоел Алекс. Слишком он женственный для мужчины. И к тому же неаккуратно платит. Она решила не возобновлять с ним договор о найме жилья. Легко найдет кого-нибудь получше. В Париже много этого товара — жильцов. Мадам Фарбер уже много дней отсеивала неподходящие кандидатуры. Опубликовав свое объявление, она сразу же получила десятки откликов с анкетами: соискатели налетели тучей, как саранча. Мужчине она не сдаст, нет. Ей нужна девушка, студентка. Марселина указала в объявлении, что ей требуется помощь в уходе за старой матерью. За это она обещала доступную плату.

Мадам Фарбер жила, конечно, не в нужде, но в относительной бедности. И с оттенком фатализма говорила себе: «Нельзя иметь все». Поскольку мать без конца повторяла ей: «У тебя есть здоровье. Это главное», дочь терпеливо переносила свои трудности. И ждала, что у нее появится «приятная» соседка по площадке, которая будет немного помогать ей: убираться в квартире, гладить и купать ее мать. Может быть, она также

сможет немного разговаривать с этой соседкой. И время от времени выпивать вместе с ней по чашке кофе. Короче говоря, общаться. А нынешний жилец не предлагает ей поддержку. Этот библиотерапевт — настоящий хам! И какая профессия! Научное название человека, который заставляет людей читать…

Она твердо решила отказать Алексу и постучала в его дверь.

— Мадам Фарбер, как я рад вас видеть…

— Не преувеличивайте. Я должна объявить вам, что не стану продлевать ваш договор, а его срок кончается через два месяца. Я хочу вернуть себе свою квартиру.

— Это ваше право. Она ваша.

— Совершенно верно.

— У вас, кажется, одышка, да? А вы прошли до моей двери всего три метра. Вам было бы полезно провериться у врача или… не говорите мне, что волновались от мысли о необходимости объявить мне эту новость. Вам не нужно доводить себя до такого состояния. Я в восторге от этой новости. В любом случае собирался переехать на другую квартиру, где будет больше простора и воздуха.

— У меня вовсе нет никакого стресса. Я задыхаюсь из-за этой проклятой погоды, вот и все.

— Вы меня успокоили. Я принимаю к сведению ваше решение. Я съеду от вас.

— Очень рассчитываю на это. В день составления акта о состоянии квартиры ваша подруга должна быть здесь.

— Это будет сложно.

— Но это нужно.

— Она пострадала в результате несчастного случая.

— У нее есть два месяца, чтобы выздороветь.

— Я этого желаю.

Марселина Фарбер думала, что Алекс ей лжет. Она считала, что он выдумал предлог, чтобы не признаваться ей, что Мелани уже несколько недель не живет в этой квартире. Слова Алекса не переубедили ее.

— К вам будут приходить возможные жильцы. Вам нужно будет сообщать мне, в какие часы вас можно застать дома. Но, как мне кажется, вы сейчас не очень загружены работой.

— Почему вы говорите мне это?

— Я не вижу, чтобы к вашей двери приходило много людей.

— Это вас не касается.

— Это меня касается, потому что, если вы не будете работать, вам будет трудно мне платить.

— Мадам Фарбер, вы владелица квартиры, которую я арендую. У вас нет полномочий шпионить за мной.

— Вы живете у меня, и я обязана быть осмотрительной. Мне не безразлично, каковы у меня жильцы.

— А должно быть безразлично. Что касается посещений — в будни, после восемнадцати часов.

Алекс хлопнул дверью и оставил старую даму одну. Она была разочарована его реакцией, но довольна и горда тем, что сказала ему «то, что была должна сказать».

Наконец-то он уберется отсюда! Она взяла свой телефон и набрала номер.

— Здравствуйте, мадемуазель! Я мадам Фарбер, владелица той квартиры, которую вы хотели бы снять. Меня заинтересовала ваша анкета. Я, знаете ли, получила много ответов. Ситуация на парижском рынке жилья сейчас напряженная. Мне остается лишь устранить одно маленькое сомнение. Я хотела бы убедиться, что вы согласны помогать мне в различных повседневных делах… Перезвонить через десять минут? Нет проблем. До скорой встречи.

Фарбер — бедная женщина.

Фарбер — бедная женщина.

Фарбер — бедная женщина.

Я повторял эту фразу с удовольствием. Без слов «мадам» или «Марселина».

Фарбер — бедная женщина, но она — владелица квартиры, в которой я живу.

Фарбер — бедная женщина, но у нее есть средства, чтобы иметь крышу над головой. Даже несколько крыш.

Какая польза от того, чтобы копить недвижимость?

Моя мать всегда хотела, чтобы я был собственником. Это для того, чтобы я был в благополучной части населения — в числе тех, кто владеет. Мне плевать на то, владею я квартирой или нет. Мне наплевать на то, принадлежат мне или нет кирпичи, электропровода, выключатели, фаянс, которые меня окружают. Я желаю владеть только книгами. Мне нужен участок земли, на котором я мог бы разместить их все вокруг себя. Сотни книг, тысячи книг слева, справа, впереди, сзади, вверху, внизу — и я в центре. Это был бы хороший дом. Без проводов. Без выключателей. Без фаянса. Дом из слов. Например, в пампе. Там, где тихо и тепло. Где Фарбер не шпионила бы за мной. Но где со мной была бы Мелани. Пампа огромная. Мы были там счастливы, в этом нет сомнения. Летом

солнце там давит на людей зноем, а зимы — безжалостные. Но бумага — хороший изолятор. По крайней мере, я в это верю.

Марселина Фарбер — бедная женщина, но она также ужасная мегера.

Имя пациента: Марселина Фарбер

История болезни:

Совершенно бесчувственное существо. Сказочный персонаж — несомненно, ведьма. Во всяком случае, не принцесса. Помогла бы этой пациентке библиотерапия? Сомневаюсь…

План работы:

Рекомендуемые произведения:

Достаточно будет альбома для детей. Я вспоминаю историю, которую мать читала мне, когда я был ребенком. Одна колдунья хотела стать молодой и красивой. В результате она оказалась вверх ногами, головой в своем котелке, такая же уродливая, как раньше, среди жаб и змей.

Я не раз прочитывал целый роман на крыше дома, где живу. Мадам Фарбер об этом ничего не знала. В коридоре квартиры есть люк, который не заинтересовал никого, кроме меня. Я очень настойчиво добивался от Мелани, чтобы мы сняли эту квартиру, которая ей не нравилась.

Когда я пришел посмотреть квартиру, спросил у хозяйки, есть ли какая-нибудь польза от этого люка. Она ответила: «Никакой, кроме возможности выйти на крышу». Мелани знала о моем увлечении, любила меня и не стала противиться моему желанию. Я должен был только оставаться незаметным. Мелани считала это занятие таким же, как любое другое, только более оригинальным. Так же как библиотерапия.

Когда хотел уйти подальше от мира, я укрывался в своем убежище на крыше. Это было практично, но немного рискованно, потому что за парижскими крышами ухаживают не очень хорошо. С тех пор как Мелани ушла и у меня начались финансовые неприятности, я реже поднимался на крышу: мадам Фарбер немедленно выгнала бы меня, если бы узнала о моих походах туда. Но поскольку она только что объявила мне о моем скором отъезде, мои пациенты перестали быть моими пациентами, а Мелани больше ничего ко мне не чувствует, у меня есть хороший предлог, чтобы взобраться на крышу и посмотреть, как живут люди внизу. Марселина Фарбер вполне может застать меня врасплох. Что же, я уеду. Куда? Об этом я не имел ни малейшего представления. В любом случае гараж моей матери

свободен. Она сложила в нем все мои детские и подростковые вещи. Я вернусь туда и мягко погружусь в них, хотя сомневаюсь, что у гаража хорошая теплоизоляция.

Под моими ногами сновали прохожие с пакетами в руках. Конечно, некоторые из этих людей были так же разочарованы в жизни, как я, но скрывали разочарование, пока гуляют по улице с семьей или друзьями, пока делают покупки к Рождеству.

Поскольку мои родители живут отдельно друг от друга, я получил два приглашения на праздники. Настоящая удача. Корнелевская дилемма длиной в две или три секунды: папа или мама? Я бы предпочел «или».

Отец предложил мне пообедать у него дома, с ним и Наташей. Он заказал веганский обед из уважения к пищевым привычкам своей куколки, которая выше его на целую голову. Потом они будут танцевать… а я буду в середине. Танцуя, отец, должно быть, станет маскировать свою усталость, показывая, что ему лишь по документам шестьдесят лет (возможно, он будет это делать уже во время еды: в те времена, которые я помню, он засыпал чуть позже двадцати часов). Потом он, наверное, заснет в объятиях Наташи,

как большой младенец. Я отказался от отцовского приглашения.

Моя мать пригласила меня на рождественский ужин, где соберутся те члены ее семьи, которые еще живы — два дяди и одна тетя, все одряхлевшие физически, духовно или в обоих отношениях. Я из осторожности не стал ей отвечать. Сидеть за столом с этими существами мне так же мало хотелось, как провести неделю прикованным к постели из-за тяжелого гриппа. Я не был привит от гриппа.

Я вынул из кармана сборник стихов Сильвии Плат[38]. Мне пришла в голову мысль ближе познакомиться с ее творчеством. Но не удалось прочесть целиком ни одно стихотворение. Хотя я переживал не лучшие дни, и речи не могло быть о том, чтобы мне умереть от удушья, когда вся остальная семья мирно спит. Смерть Сильвии Плат была символической — литературная смерть, подготовленная заранее, чтобы исследователи анализировали все ее подробности. Сильвия Плат, которой хватило чуткости, чтобы приготовить своим детям ранний завтрак перед тем, как наглотаться газа. «Когда вы проснетесь,

---

[38] Сноски: 38

Сильвия Плат, талантливая американская поэтесса и писательница, умерла в 1963 году, прожив всего 30 лет. (*Примеч. пер.*)

молоко еще не остынет, и я тоже». Сильвия Плат, также отравленная литературой (она хотела выйти замуж 16 июня в честь романа Джойса «Улисс», в котором действие происходит именно в этот день). И нашла в себе мужество перестать жить, чтобы сделаться легендарной писательницей. Сильвия Плат или искусство устроить своей семье приятный день. Сильвия Плат, которую надо читать осторожно:

Я могу не спать всю ночь, если нужно, –
Холодная, как угорь, без век.

Если бы я купил журнал со своим гороскопом, я бы прочитал: «Ваша жизнь великолепна. Сейчас вы развиваетесь». Редакторы этих текстов, всегда обращенных в сторону будущего (потому что мертвец не купит журнал, а человек, которого погладили по шерсти, купит), нашли бы в моей жизни несколько положительных сторон. Но раз я решил отложить в сторону Сильвию Плат, отказывался потратить хотя бы сантим на эти слишком безликие тексты. Перестать читать — вот, несомненно, подходящее решение. Нужно просто жить.

* * *

Квартира Марселины Фарбер тоже имела выход на крышу. Обе квартиры, моя и ее, построенные одновременно, были одинаковыми. У каждой перегородки, у каждой комнаты одной из квартир была соответствующая ей пара в квартире напротив. Но близнецы, хотя иногда бывают так похожи, что по внешности их нельзя отличить друг от друга, по-разному воспринимают мир. Как братья Мелани, которых я постоянно путал и этим приводил в бешенство, но радовал их мать, которой нравилось видеть сыновей разочарованными. Эти двое различались своим отношением к одиночеству. Старший, который родился на три минуты раньше, очень любил быть один. Он, несомненно, хотел почувствовать себя в том времени, когда второго, младшего, еще не было. А этот младший, был постоянно окружен друзьями, знакомыми, кузенами, кузинами… Он никогда не был один и, несомненно, боялся одиночества.

Моя квартира была завалена книгами. В квартире хозяйки, где я однажды побывал, когда наши с ней отношения были хорошими, не было ни одной книги. Зато бесконечное множество коллекций — брелоки для ключей, зажигал-

ки, марки, старые открытки. Она с безмерным удовольствием показывает их посетителям и описывает во всех подробностях. И эта презентация повторяется при каждом новом визите, словно хозяйка забывала обо всем, как только ты покидал ее квартиру. Общение проходило в толстом слое пыли, от которой у меня начинались невероятно долгие приступы чихания. Но мадам Фарбер даже не замечала этого, когда развертывала передо мной свои воспоминания о той или иной вещи, которую случайно нашла на блошином рынке. В договор аренды, который подписали я и Мелани, нужно было бы включить статью: «Квартиросъемщики принимают на себя обязательство выслушивать, не выражая недовольства, пояснения владелицы квартиры относительно ее коллекций».

* * *

Марселина Фарбер была у меня под ногами. Я подошел к люку, который находится над ее коридором, и осторожно приподнял крышку. Я не чувствовал никакого стыда: вполне мог позволить себе этот маленький реванш.

Сразу же раздался голос мадам Фарбер. Старуха-хозяйка разговаривала по телефону, при этом

передвигаясь по квартире. Мадам Фарбер вошла в коридор и остановилась там, оказавшись ближе к моему уху.

— Теперь вы лучше слышите меня? Еще раз сожалею, что недавно побеспокоила вас. Очень хорошо. Значит, вы согласны немного помогать мне по дому, да? Два или три раза в неделю? Отлично. Это мне подходит. Предлагаю вам прийти посмотреть квартиру в пятницу вечером после восемнадцати часов. Жилец будет там; он не очень симпатичный, но это, в общем, не важно.

Тот человек из Квебека, который увлек меня прогулками на высоте, настаивал на том, чтобы я никогда ни за кем не шпионил. Это было одно из условий договора. Он фотографировал город, он менял точки обзора, чтобы увидеть то, чего не видят другие. Он не хотел довольствоваться теми видами города, которые профессионалы желают нам показать.

Теперь я тоже выбирал точки, но для того, чтобы лучше слышать. Обращаясь ко мне, мадам Фарбер никогда не говорила так, как сейчас. Сейчас она была вежливой, интонации голоса — приятными. Это была милая бабуля. И я понял, почему она желает избавиться от меня как можно скорее. Меня заменит жиличка-помощница

по хозяйству, студентка, у которой, в сущности, нет ни гроша. Мадам Фарбер выиграет от этой замены.

Когда телефонный разговор закончился, я решил еще немного последить за Марселиной Фарбер. Она говорила сама с собой о будущей встрече с новой жиличкой и, кажется, была счастлива — до того счастлива, что стала напевать песню, которую я невероятно любил. Скоро слова песни стали прекрасно слышны. По квартире разлетался ласковый милый голос, и он принадлежал моей квартирной хозяйке! Она, такая неприятная, могла петь как молодая девушка:

Потом, потом, потом,
Когда ушли поэты в мир иной,
Песни их все плывут над землей...[39]

Творчество Трене принадлежит всем. Жаль, что это так. Если бы однажды какой-нибудь судья решит осудить Марселину Фарбер за ее противозаконные сделки по сдаче внаем жилья, я надеюсь, что к большому штрафу будет добавлен официальный запрет этой женщине, под угрозой

---

[39] Сноски: 39

Песня Жюльетты Греко «Душа Поэта», перевод И. Олеховой. (*Примеч. пер.*)

тюремного заключения или даже худшего наказания, петь песни Трене.

Конец истории, которая не началась

«Мелани!

Я счастлив, что встретил тебя. С того вечера я очень много думаю о тебе. Я не лгу. Я думаю о тебе почти каждую минуту, так же регулярно, как минутная стрелка обходит по кругу циферблат часов. Хотя наш разговор продолжался всего несколько мгновений, я был очарован твоей улыбкой, твоим непринужденным поведением, твоим обаянием. И подумать только – я не хотел идти на этот праздник.

Я бы так хотел снова увидеть тебя! Я знаю, что у тебя кто-то есть. Я тоже не одинок: я женат. Но, может быть, настало время все изменить. Я стою на жизненном перекрестке. И боюсь упустить необыкновенную историю любви.

Ты не можешь себе представить, как неловко мне было писать тебе это письмо. Ты решишь, что я застрял в подростковом

возрасте.

Когда я подвез тебя к метро, ты не оставила мне номер своего мобильника. Но, к счастью, ты забыла в машине свою визитную карточку. Благодаря ей я могу отправить это письмо на твой домашний адрес. Я считаю эту визитку знаком судьбы. В последние годы я так много работал, что забывал жить. Я последую твоему совету и свяжусь с твоим другом-библиотерапевтом. Он сможет мне помочь, я в этом уверен.

Надеюсь всем сердцем, что ты ответишь на это письмо.

Роберт Чэпмен.

P. S. Мне очень жаль, что добавляю эти несколько слов неуклюжим почерком. Я стою перед твоей дверью, и понял, что твой друг Алекс живет с тобой».

Читая Мелани это письмо, я очень скоро понял, что из недавних событий сплетается что-то тревожное для нее и для меня. Мой мозг анализировал слова за секунду до того, как они вылетали из моего рта. Это явно влияло на мое чтение.

Чэпмен пришел ко мне потому, что Мелани сказала ему обо мне. Чэпмен ничего не понимал в наших с ней отношениях. Он влюбился в Мелани с первого взгляда. В мою женщину! А Мелани, разговаривая с Чэпменом, ничего к нему не чувствовала. А Мелани думала, что новый пациент поможет мне свести концы с концами. Мелани даже на мгновение не предположила, что может заинтересовать продавца часов как женщина.

Когда я закончил читать, Мелани сказала:

— Господи! Этот человек сошел с ума.

Я подтвердил ее догадку.

— Я сейчас отвечу ему и скажу правду.

— Какую правду?

— Что он меня не интересует. Он будет разочарован. Мне бы не хотелось его обидеть: он несколько раз повторил мне, что очень чувствительный.

— Ты не причинишь ему никакой боли. На прошлой неделе я был на заупокойной службе по этому человеку.

— Он умер?

— Заупокойную службу редко служат по живому.

— Он умер?

— Да, умер глупо — неудачно упал. Одним па-

циентом стало меньше.

— О господи!

— Ты горюешь о нем или обо мне?

— О вас обоих, но позволь мне сильнее горевать о том, что этого человека не стало.

— Ты права. Он был хорошим человеком. Он любил песни Трене.

Я не удержался и рассказал Мелани о гомофобских высказываниях Чэпмена. Она была еще слаба, но я не мог бы ей солгать. В отличие от меня она не должна была жалеть о Чэпмене.

— Алекс, ты чувствуешь, что жизнь очень зависит от мелочей. Если бы после манифестации я пошла с тобой, а не захотела вернуться к себе одна, то увидела бы Чэпмена, он стал бы красоваться передо мной. И я не оказалась бы вся в синяках.

— Он был со своей женой.

— Он швырнул бы ее в Сену, чтобы посвятить себя мне. Концы в воду.

— Ты сошла с ума. Это признак того, что тебе лучше.

— А ты не видишь тут отсылку к литературе? Муж убивает жену, чтобы спокойно жить с любовницей.

— Но ты же не была его любовницей!

— Еще нет.

— И никогда не будешь.

— Ты прав. Моя история с Чэпменом не стоила ни гроша. Мы упустили свой случай — разминулись на манифестации и на кладбище. Это имеет символический смысл. Если бы те, кто напал на меня, целились точней, когда били меня по голове, я бы чокнулась с ним бокалами в загробном мире. Мятежница и гомофоб.

— Как случилось, что ты встретилась с ним?

— Я видела его один раз на вечере, который организовал мой работодатель. Там были представители бренда часов С..., и среди них Чэпмен. Мы с ним немного поговорили. Он был приятный. Немного растерянный. Рассказал мне о своей жизни — профессиональное выгорание, жена больше на него не смотрит. Мне стало его жаль. Мы выпили немного. Он довез меня в своей машине до метро. И не остался ко мне равнодушным...

— Ты заметила его неравнодушие?

— По-настоящему нет. Мы с ним говорили, и больше ничего.

— Для него это было уже много.

— Иногда мужчины видят обольщение в равнодушном разговоре.

— Некоторые мужчины: не обобщай!

— Все мужчины, кроме тебя, если это тебе приятно.

— Это мне приятно.

«Сегодня вечером большинство французов будут отмечать Рождество в кругу семьи. В положенное время начались холода. Будет и снег; ожидается его выпадение в низменностях на значительной части страны. Туристические компании могут отдохнуть. Политики тоже отдыхают: сегодня у наших депутатов и министров выходной. Сейчас 9 часов; вы слушаете…»

Я положил историю болезни Яна в коробку, которую минуту назад решил выбросить на свалку. Это отсрочит ее конец на несколько дней — так же как президент Трамп дал индюшке отсрочку в День благодарения. Поверх папки Яна я положил другую, с историей болезни Чэпмена.

Его жена накануне позвонила мне, чтобы поблагодарить за текст. Она очень быстро объединила отрывок, роман и меня. Невероятно уравновешенная женщина. Она говорила со мной о своем муже и об удовольствии, которое он испытывал при мысли о сеансе библиотерапии. Она упоминала также о доброте мужа, о знаках его внимания, например, о стиральной машине.

Чэпмен радовал тех, кто его окружал, не обрадовал только несколько дней назад. Она нашла его мертвым в подвале. Задняя часть головы разбита. Как он мог при падении удариться с такой силой? Как будто хотел подпрыгнуть и начал разбег… Но куда он бежал? Разве прыгают в подвале, да еще когда он затоплен? Это непонятно. Она не была там в тот момент и ругала мужа за то, что он случайно вылил воду на ее одежду. Его последний поступок — выплескивание воды. Потом — тайна. Она никогда не узнает, что произошло. С тех пор она каждую ночь проживает во сне эти неувиденные несколько минут. Всегда новый сценарий. Она, конечно, винила себя. Она ни в коем случае не должна была говорить с ним в таком тоне. И это были ее последние слова! Она обхватила руками голову — свою, в сущности, маленькую вывихнутую голову. Она хотела продать дом. Слишком много воспоминаний повсюду. Фотографии, подарки Роберта. И еще мышеловки. Они были в подвале повсюду. И плавали на поверхности воды. Одна подруга говорила ей о проклятии мышей. Она в это не верила. Как мышь могла бы сбить с ног ее мужа?

Тот, кто хочет войти в книжный магазин за несколько часов до Рождества, почти сумасшед-

ший: это обычно тихое место становится похоже на многолюдный проходной двор, превращается в супермаркет слов. Перед рождественским ужином здесь тесно: покупатели ищут самый новый модный роман, самую новую книгу, которую надо прочесть, — подарок, покупаемый в последний момент.

И все же я решил зайти в свой книжный магазин — тот, который находится в моем квартале, как делал в любой из остальных дней года. Место, где человек часто бывает, становится для него своим. Человеку кажется, что оно ему принадлежит, даже если он не вложил ни гроша в это предприятие. Так устроен человек: он все себе присваивает. Итак, мой соседний книжный магазин: я должен называть его так, чтобы получать скидку в пять процентов, которую владелец магазина предоставляет «верным клиентам» (слово «покупатель» он выбросил из своего словарного запаса). Сейчас этот магазин был захвачен толпой людей, которых я никогда не видел среди этих недавно перекрашенных стен. Впрочем, только настоящие «верные клиенты» замечали, что цвет стен изменился. Стены стали серыми, «цвета фланели»; он мягче для глаз, чем прежний красный, который хозяин заведения называл

«цветом красной смородины».

У этого продавца книг весьма необычный жизненный путь: до того как поселиться поблизости от моего дома, он пятнадцать лет торговал домашней птицей на рынке Ранжис. Однажды утром утки, пулярки и каплуны превратились в книги. Для большинства смертных это было бы радикальное изменение, но для моего книготорговца — нет. По его мнению, эти две профессии, на первый взгляд такие далекие одна от другой, очень близки. Товар немного отличается, но их сближает любовь к «хорошо сделанной» продукции. Чтобы оценить товар, его нужно потрогать. Надо много раз поворачивать товар в одну сторону, потом в другую. И убеждать возможного покупателя в хорошем качестве вещи.

В рождественские дни выручка книготорговцев увеличивается как печень птицы, которую кончают откармливать. Этот продавец книг был мастером подбирать аналогии. Если быть совершенно искренним, я не разделял его точку зрения. Ценность книги не зависит от ее веса, и я никогда не слышал, чтобы книга пела на рассвете.

Я узнал почти случайно, от слишком разговорчивого пациента, что настоящей причиной этого превращения торговца домашней птицей

в продавца книг было огромное наследство, завещанное старой теткой. У покойной была в жизни только одна страсть — книги. Поэтому она включила в завещание одно условие: ее дорогой племянник, которого она считала подлым убийцей цыплят, должен был открыть книжный магазин в принадлежавшем ей доме. А дом находился в нескольких метрах от моей квартиры. Деньги творят чудеса.

* * *

Все говорили, все толкали один другого, у покупателей не осталось ни капли вежливости друг к другу. Я направился к моему любимому столу — тому, где находились сочинения классиков и о классиках. Там была великолепная книга о рукописях Артюра Рембо. В серой обложке, почти того же цвета, что стены. Если бы книгу приклеить к стене, она стала бы незаметной, словно исчезла. Но Рембо и так уже в достаточной степени исчез. На нее ушло много труда: подумать только, что этот поэт, когда был подростком, писал на клочках бумаги, которые потом обнаружили во множестве разных мест. Бродяга с листком бумаги и карандашом, согнувшийся над столом в ветхой гостинице… Издатели явно любят

парадоксы, и читатели тоже… Справа от себя я заметил своего бывшего пациента, Филиппа М., который обратился ко мне два года назад. Он с бешеной скоростью просматривал книги: четверть обложки за две секунды. Так он ничего не узнавал о тексте.

— Здравствуйте, Филипп.

— Алекс! Я очень рад, что встретил вас. Вы такой же, как я: покупаете подарок в последнюю минуту.

— Вовсе нет. Я не ищу подарки, разве что для себя самого.

— Тогда вы совершенно правы. Нужно уметь доставлять себе удовольствие. Вы не могли бы направить меня, Алекс? Я хотел бы купить книгу для жены, а хозяин занят. И я думаю, что при таком количестве народа он освободится не раньше чем через час.

— Книга для Эльзы? Дайте минутку подумать.

Филипп М. тогда обратился ко мне из-за проблем в супружеских отношениях. Он думал, что больше не любит свою жену. И говорил, что литература, возможно, поможет ему ясней разобраться в его чувствах. Я никогда не вел такой случай. Я не знал, осталось ли у него еще немного любви в венах. Я скрестил на счастье пальцы,

как адвокат, защищающий возможного убийцу, и достал книгу Арагона. Пусть на помощь придет поэзия. Не стихи старика Ронсара, который пытался встречаться с девушками своего времени (старый сатир!), а лирика Арагона. Этого оказалось достаточно. Тот, кто не влюблен, читая сборник стихов о любви, может быстро уснуть или засмеяться. Тот, кто влюблен, хотя бы немного, всегда найдет в них, чем поддержать огонь своего чувства. Филипп понял, что женщина, которая спала с ним рядом, по-прежнему была ему дорога — и не только потому, что соглашалась спать с ним рядом, и не потому, что терпеливо слушала его вечные рассказы о работе. Арагон разбудил в нем другое: «Глаза Эльзы»[40].

Пока я рылся в книгах, как собака, которую учат спасать людей под лавиной, ищет приманку, спрятанную под тонной снега, я вспомнил, что Филипп во время наших сеансов несколько раз говорил о ссорах, которые были у него в детстве с его бабушкой. Она была сварливой и без колебаний поднимала руку на внука-ребенка.

— Нашел! Возьмите это, Эльза будет в восхищении. В этом романе есть даже идеи рецептов.

---

[40] Сноски: 40

«Глаза Эльзы» — стихотворение, которое Луи Арагон посвятил своей любимой жене и другу Эльзе Триоле. (*Примеч. пер.*)

Потом расскажете мне новости.

— О романе или о рецептах?

— И о нем, и о них, Филипп.

Филипп попрощался со мной и направился к кассе — оплачивать покупку. Очередь уменьшалась так медленно, что он (я это видел) стал читать роман, который я только что ему посоветовал. Первые слова я знал наизусть.

«Вечерело. Жак Марль ускорил шаг. Деревенька Жютиньи осталась позади…»[41]

Пока Филипп внимательно читал начало романа, торопившиеся клиенты без малейшего смущения обгоняли его, почти толкая, чтобы скорей оказаться у кассы. В этом предпраздничном мире перестали существовать все правила приличия. Люди забыли про все — даже те из них, кто подарит кому-то утонченные произведения.

Люди, которым не хватало сведений и которые видели, как я помогал Филиппу М., без колебаний стали подходить ко мне и обращаться за помощью, как только увидели, что я остался один. Они принимали меня за временного работника магазина. Не открывая им, кто я на самом деле (впрочем, им было плевать на то, кто я), я провел

---

[41] Сноски: 41

Жорис-Карл Гюисманс. «У пристани», перевод на русский язык В. Азова.

нескольких из них вдоль полок. Я обращался с ними не так ужасно, как, может быть, обошелся с Филиппом. Для них я останавливал свой выбор на фотографиях Виктора Гюго или на романе Селина с иллюстрациями Тарди[42].

Хозяин магазина достаточно быстро заметил, что я взял на себя роль консультанта. Он покинул своих сегодняшних верных клиентов (которые, как я объяснил раньше, не были верными) и подошел ко мне:

— Алекс, что вы делаете?

— Даю справки двум или трем покупателям.

— Но я не давал вам разрешения.

— И это вас беспокоит?

— Да, немного. У каждого свое занятие.

— Я не думал, что это вас раздражает. Примите мои извинения. Я ухожу домой.

— Так будет лучше для всех. Вы не продавец книг.

— Я всего лишь «верный клиент».

— Вот именно — верный. Приятных вам праздников, Алекс.

И он отвел меня к двери магазина, хотя я желал еще немного побыть внутри. Мой книгопродавец

---

[42] Сноски: 42

Речь идет о романе Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи» с иллюстрациями Жака Тарди.

(я по-прежнему употребляю притяжательное местоимение) не был злым или агрессивным человеком. Он только охранял свою территорию. Если кто-то нападал на библиотерапию, я тоже умел дать ему ответ, но не так грубо, это надо признать. Моя рука искривилась под большой ладонью, которая сжала ее и потянула меня к выходу. Ладонь великана на хрупкой руке. Ладонь торговца домашней птицей, который, откармливая птенцов, выбрасывает одного из клетки, потому что он подвергает опасности других. Гадкий утенок.

Я опять оказался на тротуаре, с книгой о рукописях Артюра Рембо в руке. Хозяин магазина так спешил, что забыл взять с меня плату за нее. Это будет мне подарок к Рождеству.

Праздники заставляют нервничать коммерсантов, особенно книготорговцев, которые не привыкли работать с толпой.

Чья-то ладонь мягко легла на мое плечо.

— Рембо! Великолепно, Алекс! С тех пор как по вашему указанию я открыл для себя Арагона, я очень часто читаю поэтов.

— А, Филипп! Вы выбрались живым из этой западни!

— Да, я задыхался внутри. Кстати, я прочел

несколько страниц того романа, который вы мне посоветовали. Он на любителя, но Эльзе понравится. Она любит все немного странное. Между прочим, вы ей очень нравитесь.

— Я должен считать это комплиментом?

— Разумеется. Такие люди, как вы, Алекс, встречаются человеку не каждый день.

— Спасибо.

Я вполне осознавал всю неуместность этого «спасибо», но не знал, что сказать. Возможно, молчание подошло бы больше.

— Я действительно так думаю. Вы так верны своим пациентам. Я никогда не видел ни одного владельца своего дела, кроме вас, который бы вел себя так.

Аналогия показалась мне достаточно удачной, в особенности после того, что со мной только что случилось. Действительно, книготорговец, которого я еще час назад называл «моим» (поскольку притяжательное местоимение создавало между нами почти любовную близость), не был по-настоящему верен мне в том смысле, который вкладывал в это слово Филипп. Но мой бывший пациент ошибся, когда сравнил меня с коммерсантом. Если бы моя мать присутствовала бы при этом разговоре, она была бы в восторге. Пациенты

становились клиентами, читатели потребителями. Коммерция охватывала весь мир. И я решил продолжить разговор в более молодежном стиле, чтобы соответствовать ситуации.

— Это работа, Филипп. Своему делу надо отдаваться душой и телом.

Положим, вторая фраза явно звучала не слишком «молодо». Тем хуже.

— Передавайте привет от меня своей супруге. Кстати, как ее дела? Она все такая же спортивная?

Филипп несколько раз встречался с Мелани, входя в кабинет. И каждый раз она была в тренировочном костюме для бега. Кончилось это тем, что Филипп очень громко (как это безвкусно!) прочитал ей на лестничной площадке несколько строк Арагона — разумеется, чтобы проверить, «работают» ли они. Этот ученик поэта за работой заставил мадам Фарбер выйти на площадку. Старая дама приняла его за ясновидящего, который говорит стихами в припадке вдохновения. Получив от Мелани объяснение и установив, кто такой этот человек, она быстро вернулась в свою квартиру, на свой наблюдательный пункт сразу за дверью.

— Сейчас немного менее спортивная.

— Тем лучше. А теперь желаю вам хорошо провести праздники в семье.

— И вам хороших праздников. До скорой встречи.

Большинство людей, когда задают вам вопрос типа «Как дела?», не обращают никакого внимания на ваш ответ. Филипп не почувствовал досаду в моем ответе. Он ничего не слышал. Скажи я ему, что Мелани теперь живет на Марсе, он отреагировал бы так же. Его, несомненно, преследовал образ Мелани в костюме для бега. В его уме она бежала, гибкая, расслабленная, равномерно дыша, двигаясь размеренно. В его уме она быстрой походкой шла мимо магазинов в парк, возле которого мы жили. Ее связанные волосы почти не касались затылка.

В его уме она не лежала за той дверью, перед которой я сейчас стоял.

Бегунья мирно спала. Спящая больше не бежала. Я придвинул кресло к ее кровати и стал смотреть, как спит бегунья, хотя это было не совсем правильно с моей стороны. Кто хотел бы чувствовать, что за ним наблюдают, когда он в таком положении?

Мелани не могла протестовать. Я смотрел на нее, пока не заснул. В этой комнате было так

жарко. И никто нас не беспокоил. Мы уже давно не спали вместе. То есть рядом.

Меня разбудило громоподобное вторжение больничной няни, которая, споткнувшись, пролила на мои брюки половину воды из графина, предназначенного для больной.

— Простите, я не хотела вас разбудить.

— Но это вам удалось.

— Подождите, сейчас я вытру воду.

Она схватила тряпку и приложила ее к моему бедру. Тряпка была уже мокрой (у этой женщины, несомненно, есть дурная привычка опрокидывать графины) и ничем мне не помогла. Я вежливо снял с себя ладонь этой женщины и сказал:

— Не беспокойтесь, ничего страшного не случилось. Сейчас я уйду.

— Мне очень жаль. Я сейчас неважно себя чувствую.

— Вы любите поэзию?

— М-м-м… я выучила много стихов в школе.

— Вы знаете Артюра Рембо?

— Это тот мальчик, чья фотография на обложке вашей книги?

— Да.

— Чертовски хорошенький!

— Вы его знаете?

— Не очень.

— Возьмите, это подарок.

И я протянул ей книгу с рукописями Рембо, за которую книготорговец не взял с меня деньги.

— Вы так любезны. Я не заслуживаю подарка после того, что сделала с вами.

— Вы это сделали не нарочно. А когда человек плохо чувствует себя, Рембо может ему сильно помочь. Примите этот подарок.

— Большое спасибо. А мне нечего вам подарить, кроме моей тряпки.

— Вы забавный человек. Я принимаю вашу тряпку!

Я ушел из больницы с пятном на неудачном месте и ощущением, что преподнес очень хороший подарок. Иногда совершенно незнакомый человек доставляет нам больше удовольствия, чем член нашей семьи.

Дорогая тетя

— Алло! Мама, это ты?

— Нет, это твоя тетка Адриена.

— Теперь по телефону отвечаешь ты?

— Твоя мать занята на кухне. Она готовит обед.

— Представляю себе это. Ты можешь позвать мне ее?

Я услышал, как тетка резким и громким голосом позвала мою мать.

— Она придет через пять минут.

— Спасибо.

— Ты по-прежнему лечишь книгами?

— Да, по-прежнему.

— И дело идет?

— Да, и очень хорошо; спасибо.

— На днях я слышала об этом по телевизору.

— О библиотерапии?

— Да. Был очень интересный репортаж: несколько врачей обсуждали эту тему. Кажется, они не убеждены.

— Это их право. На каждый новый подход находятся клеветники. В конце концов они поймут. Я не говорю тебе ничего нового.

— Надеюсь, для тебя и твоего предприятия, что ты прав.

— У меня не «предприятие».

— Просто так говорят.

— Мама идет сюда?

— Пока нет. Я слышу стук кастрюль. Твоя мать мне сказала, что у тебя были трудности.

— Если ты это знала, зачем спросила меня, хорошо ли идут мои дела?

— Машинально, чтобы начать разговор.

— Ты бы не могла посмотреть, идет ли мама. Я хочу ей кое-что сказать.

— Хорошо; подожди минуту.

Моя тетка Адриена, как и моя мать, испытывает болезненное отвращение к моей профессии. Она — бывшая аптекарша и, уйдя на отдых, теперь пользуется деньгами, которые заработала за сорок лет в своей аптеке. Она называет себя «старинной» аптекаршей. Сорок лет она продавала аспирин с феноменальной наценкой. Она предлагала покупателям бесполезные спреи для горла и порошки против гриппа, от которых возникали язвы и другие хронические болезни. Старинная аптекарша. К тому же скупердяйка. Когда она устраняла недостачу в аптечке моей матери, принося ей коробку медикаментов, то

никогда не забывала выставить ей счет за них. Иногда любовь к сестре приносит деньги. Благодаря всему этому она постоянно путешествовала по миру, но всегда возвращалась на Рождество.

Я ненавидел ее, как ненавидят соседа, который слишком много шумит. Как только ее видел, я мечтал вызвать полицию. Чтобы полицейские вывели ее прочь без всякой обходительности — пригнув к полу и надев на нее наручники. Как в «Рокки». Но не в первом, слишком успешном фильме, а, например, в четвертом, неудачном, со злым русским. Адриена не заслуживает ничего лучшего. Во всяком случае, ничего литературного.

— Твоя мать слишком занята, она не может прийти. Что ты хотел ей сказать?

— Я бы предпочел сказать ей это сам.

— Тогда скажи сегодня вечером, когда увидишь ее.

— Я звонил ей как раз по этому поводу. Я не приду сегодня вечером.

— Твою маму это опечалит. Ты понимаешь, что это Рождество?

— Да, я это понимаю. И мне не слишком приятно, что я не увижусь с ней.

— Не говори мне, что это работа мешает тебе

ужинать в Рождество с семьей.

— Нет, дело не в моей работе. Дело в вас, и особенно в тебе. Я не желаю тебя видеть. Впрочем, других тоже.

— Ты всегда такой милый, племянник. Я скажу все это твоей матери. Рассчитывай на меня.

— Спасибо, тетя.

Она больше всего не любит, когда ее называют тетей. Считает, что для женщины ее общественного положения это простонародное слово.

Я прекратил разговор в тот момент, когда Адриена начинала новую атаку в ответ на мое «тетя». Атака была предсказуемой и злой. Тетя совершенно не верила в библиотерапию, потому что аптекари, ее собратья по профессии, не получали от лечения книгами никакой выгоды. Разве что стали бы получать, если бы начали продавать романы. Тогда кончилось бы время одинаковых цен на книги. Появились бы карманные издания за сорок евро, и потраченные на них деньги возвращал бы Фонд социального страхования.

Первый раз в жизни я проведу рождественский вечер в больнице. Больные не обязательно находятся там, где их ждут.

Я позвонил матери, чтобы сообщить, что не приду. Но еще и для того, чтобы сказать, что

Мелани болеет. Я не думал, что буду говорить об этом с моей теткой Адриееееннннннннннннн-нооооооооой.

Подъем

Палата Мелани была на шестом этаже, а дирекция больницы, считая, что 24 декабря будет мало посетителей, решила поставить лифты на техобслуживание. Я много минут прождал перед закрытыми дверями: то решал подняться по лестнице, то отказывался, то снова собирался идти по ней. «В ожидании Годо»: «Что мы здесь делаем, вот о чем мы должны себя спросить. Нам повезло, что мы это знаем»[43].

— Вам на какой этаж? — спросил меня санитар.

— На шестой.

— Да, вам не повезло.

— Я спрашиваю себя, придет ли лифт.

— Не хочу вас разочаровывать, но, по-моему, не придет. Завтра вы все еще будете ждать его здесь.

— Тогда я пойду по лестнице.

— А вы поезжайте со мной на служебном лифте, сегодня вечером работает только он.

---

[43] Сноски: 43

Сэмюел Бекетт. «В ожидании Годо», перевод А. Михаиляна. (*Примеч. пер.*)

— Вы очень любезны.

— Сегодня Рождество.

— А двадцать шестого числа вы бы не предложили мне поехать на этом лифте?

— Вот именно. Вы все отлично поняли. Но не думайте о будущем. Сейчас двадцать четвертое число, и вы поедете со мной.

Санитар повернул ключ в замочной скважине рядом со служебным лифтом. Словно по волшебству открылась дверь, и за ней обнаружилась очень большая кабина — такого размера, чтобы в ней умещались постели пациентов. Санитар пропустил меня вперед и вошел туда вслед за мной с чем-то похожим на магазинную тележку для продуктов, только огромную.

— Вы возите в этой тележке хомяков?

— Если хомяков, то больших. Это коляска для детей. Их сажают внутрь, и они не могут вылезти. Это для операционной. Я бы не хотел ходить за покупками с такой тележкой. Ею нелегко управлять, и колеса останавливаются каждые пять минут.

На четвертом этаже дверь открылась. Санитар начал толкать свое приспособление; оно неподвижно замерло на пороге.

— Я же вам говорил: эта вещь совершенно

непрактичная.

Он применил силу и вытолкал тележку наружу.

— Не хотите, чтобы я вам помог?

— Спасибо, я справлюсь. Хороших вам праздников!

— Спасибо. И вам тоже.

И дверь закрылась. Я заметил, что санитар потерял свою связку ключей. Приехав на шестой этаж, я увидел родителей Мелани, напрасно ждавших лифта. Если бы их не терзала тревога из-за болезни дочери, они пошли бы по служебной лестнице. Они прекрасно знали эти места: мать Мелани рожала в Анри-Мондор. Я подошел к ним медленно: боялся, что она предложит мне снова посмотреть в палате видео о рождении Мелани.

— Скорей заходите сюда и поезжайте со мной. Все остальные лифты на техобслуживании. Я отвезу вас вниз.

— Спасибо, Алекс. Мы уже давно…

— Ждете?

— Давно не виделись.

— Это верно. Мы каждый день встречаемся, но не видим друг друга.

— Спасибо, что не оставляешь Мелани.

Они говорили в один голос, словно сорок лет

совместной жизни наложили отпечаток на их мозги. Сиамские близнецы с общей корой головного мозга.

— Это нормально.

— Спасибо. Ты останешься с Мелани сегодня вечером?

— Да.

— Она безнравственная: уверяет нас, что хочет остаться одна. Она сказала нам, что в этом году не имеет желания ничего праздновать.

— Она не будет ужинать в Рождество одна. И я принес ей немного фуа-гра и шампанское.

— Спасибо, Алекс; мы тебя очень любим, ты это знаешь.

Я не представлял себе, как бы я ответил им: «Я вас тоже», поэтому просто глупо улыбнулся, чтобы не быть равнодушным к этим прекрасным словам.

— Мне было приятно встретить вас.

— Ты всегда будешь желанным гостем в нашем доме.

— Я буду иногда к вам заходить.

Мы дошли до той стадии, на которой наши реплики стали совершенно неинтересными. Все разговоры постепенно угасают; нужно уметь уйти до того, как станет слишком поздно.

— У нас еще лежат несколько твоих мелочей.

При слове «мелочи» я представил себе одну или две пары кальсон и старую лохматую зубную щетку.

— Можете выбросить зубную щетку: она старая, и я с тех пор купил себе другую.

— Хорошо, что купил, но я имела в виду не ее, — ответила моя бывшая теща. — Мелани сохранила все письма, которые ты ей посылал. Их целая сотня. Ты хочешь их забрать?

— Не знаю.

— Скажи мне в другой раз, забираешь или нет. Знаешь, эти письма напомнили мне хорошее время, когда Мелани была здорова.

— Ей станет лучше, и скоро. Я в этом уверен.

Лифт закончил спускаться. Родители Мелани ушли в холл первого этажа. Я поднялся на четвертый, чтобы попытаться найти санитара. Пустые коридоры и тишина. Найти его невозможно. Вероятность, что я случайно встречу его, ничтожно мала. Я решил, что оставлю его ключи на сестринском посту шестого этажа.

— Ты любишь меня так, что готов провести 24 декабря в больнице?! Алекс, это невероятная жертва!

— Нет, не жертва. По пути сюда я встретился

в коридоре с твоими родителями. Я знаю: ты им сказала, что предпочитаешь остаться одна. Я не верю ни одному слову из этого. Ты хочешь их защитить. Это нормально.

— Раны и болезни не исчезают на время праздников. А жаль. Мои родители старые люди, им нужен отдых. Они будут мне нужны еще долго.

— Я тоже мог бы тебе помогать.

— Не знаю.

— Мне бы этого хотелось.

— Ты любил здоровую спортивную девушку. Сейчас ты говоришь с машиной, годной только на свалку.

— Не смотри на происходящее так мрачно. И не забывай: ты обещала, что начнешь учить меня бегу. Это может быть полезно, если за нами опять кто-нибудь погонится.

— Бег не спас меня от жестоких побоев. Я научу тебя не быстроте, а выносливости.

— Выносливость — это уже хорошо. Нужно только немного потерпеть.

— Тебе это тоже нужно.

— Я буду терпеть.

Молчание.

— Мадам Фарбер не продлевает наш договор. Через два месяца я окажусь на улице.

— Какая дура! Она объяснила тебе почему?

— Да, но не совсем. Она хочет сдать квартиру девушке, которая будет, можно так сказать, преданно помогать ей. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Нет.

— Девушке, которая бы занималась ею и ее матерью. Короче говоря, была бы их домработницей.

— Ты ищешь новую квартиру?

— Займусь этим всерьез после праздников. У меня нет выбора.

— Трехкомнатную?

— Мне одному три комнаты не нужны. Достаточно будет двухкомнатной.

— А книги?

— Часть положу в бокс, другую часть у своей матери. Оставлю при себе только те, без которых не могу обойтись.

— Это какие? Скажи мне заголовки книжек, без которых не можешь существовать.

— Ну, я еще не размышлял над этим. Но я могу тебе назвать… «Жизнь не здесь», «Человек без свойств», «Самопознание Дзено», «Поиск», «Мечта», «Люди доброй воли», «Месье Тест», «Замок», «Бувар и Пекюше», «Западня», «Человек ли это?»,

стихи Рембо, Верлена, Дикинсон, Валери, Сен-Жона Перса, Сюпервьеля, Бодлера, пьесы Мюссе, Мольера… Гюго — «Собор Парижской Богоматери», Вольтер — его сказки, Дидро, Шодерло де Лакло… Жюль Ренар — его дневник… Поль Ост…

— Алекс, тебе будет нужно сто квадратных метров только для твоих книг. Откажись от кабинета.

— Ты знаешь поговорку: выбирать — значит отказываться.

— А ты мог бы отказаться?

— Это трудно.

— Куда же я пристрою свои вещи?

— Так ты хочешь снова жить со мной?

— Если найдется немного места между двумя книжными полками.

— У тебя будет столько места, сколько тебе нужно.

— Между Флобером и Мопассаном?

— Столько, сколько тебе нужно, Мелани.

В больнице обед подают, когда у здоровых людей бывает поздний полдник. В восемнадцать часов по коридорам начинают ездить тележки. Шум колес, стук тарелок, звон стаканов и столовых приборов долетают до ушей тех, кто лежит, скрытый за пронумерованными дверя-

ми. Несмотря на необычное время, это важное событие в жизни больных. Сегодня, 24 декабря, мне, в виде исключения, было разрешено обедать вместе с Мелани. Можно было немного нарушить правила.

Мелани чувствовала себя хорошо и была счастлива, что наконец видит меня, пока я ждал в ее обществе свой поднос с едой (еще одно нарушение).

— Я принес шампанское и фуа-гра.

— Этим будет приятно заесть суп, который здесь подают.

Мы терпеливо ждали, прежде чем выпили по стакану. Больничные няни внесли подносы. У нас был впереди час покоя.

Повар, несомненно, потратил несколько лишних сантимов на этот праздничный обед. Из накрытого пленкой лотка на меня глядела креветка; она пыталась дать мне понять, что ее и ее сестер лучше не есть.

«Если бы ты знал, какой долгой была моя дорога сюда. Громадный бассейн в Азии, фабрика, красители, кастрюля, огромная, как вселенная, самолет, снова какие-то продукты, холодные ладони, которые нас хватали, и, наконец, этот жалкий лоток, где вынуждены жить я и мои

коллеги».

Я предпочел оставить креветок в покое. Мелани поступила так же: эта оранжевая еда вызывала у нее отвращение. Тогда я достал фуа-гра. Эту закуску я купил на деньги, полученные по чеку Анны. Столько часов работы ради маленькой порции утиной печени.

Я открыл упаковку, которая имела форму шкатулки. Утка, от которой мало что осталось, хотела что-то мне сказать, но я не стал ее слушать. Иногда нужно закрывать глаза на несправедливости. Я уже выслушал креветок.

Мы выпили шампанского из потертых помутневших маленьких стаканов, которые минимум двадцать лет содержали в себе только воду. Сколько умерших пили из этих стаканов? Несомненно, сотни. Может быть, и Трене? Лучше этого не знать. Пузырьки ничего не хотели мне сказать, они хотели только быть проглоченными.

Мы посмеялись, поели и допили шампанское.

— А что, если мы немного прогуляемся? — спросила меня Мелани.

— Ты же не можешь ходить.

— Найди кресло. Здесь это, должно быть, нетрудно. Во всяком случае, легче, чем найти бутылку шампанского.

Мелани была права: кресло ждало меня в нескольких метрах от палаты. Я с трудом усадил в него Мелани. Я не хотел усиливать ее страдания своей неловкостью. В коридоре мы слышали довольно веселые разговоры медсестер, обедавших в своем кабинете. Мы, как в плохом шпионском фильме, старались быть незаметными, чтобы нас не обнаружили. Мы добрались до лифта. У меня еще был волшебный ключ санитара.

— Куда ты хочешь поехать? — спросил я у Мелани.

— Здесь пятнадцать этажей над землей и два под землей. Я не знаю.

— Поедем в кафетерий? Я знаю, это не очень оригинально, но…

— Хорошо.

Но все было закрыто — и кафетерий, и киоск. Кому хотелось пить безвкусный кофе или есть сухую выпечку на Рождество?

— Мы можем выйти на крыльцо. Я давно не дышала свежим воздухом.

— Я не хочу, чтобы ты простудилась.

— Снаружи холодно?

— Пока ты находишься в больнице, погода изменилась. Наступила зима.

— Ты говоришь как журналист в программе

о погоде.

— Я слишком много слушаю радио. У меня есть мысль лучше, чем о крыльце. Поднимаемся обратно вверх! Следуй за мной.

— Следуй за мной? Как я люблю твой юмор!

В лифте я попросил Мелани закрыть глаза. И помог ей надеть мою спортивную рубашку. Обычно она считала эту рубашку уродливой, потерявшей форму от стирок. На этот раз ей понравилось прикосновение этой одежды к телу. Все зависит от обстоятельств.

— Ты ничего не видишь?

— Совсем ничего.

Лифт включился. Поездка заняла немало времени. Наконец двери открылись.

— Не открывай глаза. Мы скоро будем на месте.

— Мы уже на месте?

— Да, это здесь. Открой глаза.

Мы были на крыше больницы, на площадке. Куда садятся вертолеты. Очаровательное место. Если однажды библиотерапия не будет обеспечивать мне приличную жизнь, я мог бы открыть сеть гостиниц «кровать и завтрак»… на крышах. Таких еще нет. И Кретей стал бы туристическим городом. Сюрреалистическая идея, из которой

Трене смог бы сделать песню.

— Ты совсем сошел с ума… А если кто-нибудь нас обнаружит?

— Не думай про это. Пользуйся моментом!

Вокруг нас горели огни города. Усталые вывески лишились некоторых букв и были похожи на книги с вырванными страницами. М_БЕЛЬ, Р_СТОРАН… Появления почтовых открыток с видами ночного Кретея придется немного подождать.

— Я не думала, что Кретей может быть красивым.

— Я тоже так не думал. Если хочешь, когда ты выздоровеешь, мы поедем в Канаду, на крыши. Там виды необыкновенные. Скажем себе, что сегодняшний вечер — это предвкушение.

Чтобы быть в согласии с моей мыслью, я был бы должен сказать «пред-предвкушение», такой огромной казалась пропасть, отделявшая этот пригород от канадских городов. Разлом Сан-Андреас[44] у ворот Парижа. Предвкушение экономкласса.

— Я очень хочу поехать с тобой в Канаду. На крыши.

---

[44] Сноски: 44

Сан-Андреас — разлом тектонических плит длиной 1300 км, который тянется вдоль побережья Калифорнии. (*Примеч. пер.*)

— Будем пользоваться этим моментом, Мелани. Мы единственные, кто может видеть это зрелище. Подумай обо всех этих скучающих людях за столами.

— Спасибо, Алекс. Спасибо, что остался. Я не уверена, что все они скучают.

— Тебе не холодно?

— Немного холодно, но я в порядке. Ты помнишь, как твоя мать сказала мне, что у тебя каменные глаза?

— Да, помню, и очень хорошо. Даже мать Рембо показалась бы симпатичной рядом с моей. Я никогда не научусь понимать ее сомнительные аналогии. Но почему ты снова говоришь со мной об этом сейчас?

— Потому что она ошибалась. Твои глаза не из камня, а из чернил. Если бы ты заплакал, из них потекла бы черная или синяя жидкость. Твои глаза наполнены словами. И хотя они не твои, они тебе отлично идут.

Я встал лицом к Мелани. Трудно поцеловать человека, сидящего в кресле. Врачи этому не учат.

— Можно мне тебя поцеловать?

— Да, если хочешь. И если можешь.

Тогда я встал на колени, чтобы приблизить свои губы к ее губам. И закрыл глаза. Сейчас Ян,

должно быть, ужинает со своей матерью. И ругает ее за холодную индейку или плохо очищенное от жил фуа-гра. Полстра загорает. Чэпмен мирно спит далеко от «Обломова». Мадам Фарбер ждет свою будущую квартирантку, а старая мать угощает ее картошкой. Мне было наплевать на них. И на литературу тоже. Забыты каменные глаза: из моих глаз текли слезы. Забыта Венера Арлезианская. Я целовал губы Мелани, наслаждался их вкусом; они были ледяными от ветра, который дул над почти красивым городом. В тот момент для меня существовали только они. Наша любовь не устарела: она перепрограммирована! Песни не стареют, они улетают в небо.

В моем уме звучал, спускаясь в обратном направлении, с неба, голос Трене:

Мое сердце улетает к тебе,

И я, одинокий, с нежностью вспоминаю

Такое короткое время,

Которое ты последний раз провела у меня.

Тогда мы оба жили нашей любовью.

Когда-нибудь ты вернешься…

Волхвы в Кретее

В жизни людей бывают важнейшие моменты — минуты, сила которых так велика, что они действуют как обезболивающее. В такие минуты масло из тресковой печени кажется вкуснейшим блюдом, а укол от жала шершня — нежной лаской. Но чтобы пользоваться такими моментами, надо быть способным их распознавать. И не упускать их, потому что они не возвращаются и, если упустишь, оставляют во рту горький вкус утраченного времени.

В Библии, когда волхвы в конце концов отыскали младенца Иисуса, они должны были вернуться к Ироду, своему царю, и сообщить ему, где обнаружили младенца. Их вела звезда. Чтобы не заблудиться, им нужно было только поднять голову.

Ирод, если бы его предупредили, убил бы младенца. Но волхвы осознали важность момента, его великое значение. Они смогли бы, не моргнув глазом, выпить литры тресковой печени. Если бы все шершни нашего мира жалили их, волхвы бы закатали рукава своей одежды, чтобы насекомым

было легче вонзать жала. Этот момент затмил собой Ирода и его желание убить. Они опустили головы. Прощай, звезда!

Эту историю о волхвах мне часто рассказывала мать. Она цитировала библейский текст по памяти, а потом комментировала его (она была не способна молчать после такого совершенства) и этим лишала текст почти всей его чистоты. С годами комментарии выдохлись, и теперь остался только текст. Мама оставила в моем мозгу слова и истории, как участки земли под паром.

Мелани и я проживали одну из главных минут своей жизни. Я осознавал это, Мелани тоже. Сегодня вечером, чуть позже, родится Иисус. Волхвы вернулись в свои далекие страны с чувством, что пережили необыкновенное событие. Ирод существует теперь только в книгах. А сегодня вечером я не открою ни одну из них.

Вдали стали видны огни приближавшегося вертолета. Знаки всегда подаются сверху.

Было 23 часа 24 декабря.

Мелани попросила меня отвезти ее обратно в палату и там скоро уснула.

В конце концов выигрывает служанка

— Алло, это ты, Анджела?

— Мой дорогой мальчик, очень рада тебя слышать.

Come stai?[45]

— Хорошо. А как твои?

— Мне нелегко. Ты знаешь, я старею, у меня все болит. Но сегодня Рождество, надо быть счастливыми.

— Ты права. Надо быть счастливыми.

— А Мелания?

— Она в поездке.

— По работе?

— Да.

— А мама?

— Тоже в поездке.

«Сегодня 25 декабря. Всем радостного Рождества. Наша программа новостей не прекращает работу никог…»

---

[45] Сноски: 45
Как твои дела? (*ит.*) (*Примеч. пер.*)

— Подожди, я выключу радио.

— Ты что, один сегодня?

— Да.

— Poverino[46]. Приходи к нам домой. Поешь с нами.

— Ты всегда такая милая, Анджела.

— Это нормально, Алессандро. Ты для меня как мой сын.

— До скорой встречи.

— Чао.

Анджела не поверила ни одному слову из моих фраз о поездках, но из стеснительности не стала расспрашивать меня подробнее. Я буду счастлив снова увидеть ее. Выбирая между отцом и матерью, я в итоге выбрал служанку.

Родители Мелани сегодня будут завтракать с ней. Близнецы справятся сами: они привыкли оставаться без родителей. На улице падал и кружился густой снег. Это был настоящий водоворот. Снег в декабре! Моя жизнь поправляется. Мелани тоже.

Я люблю, когда у книги хороший конец.

Имя пациента: Александр

Итоги: «Дневник соблазнителя» Кьеркегора

---

[46] Сноски: 46

Бедняжка (*ит.*). (*Примеч. пер.*)

оказался совершенно бесполезным. Александр его даже не открыл. Эта книга осталась на своем месте в библиотеке, раздавленная между двумя сочинениями в тисненных золотом переплетах.

Книги могут не все, но они сопровождают тех, кому нужна доза вымысла, чтобы уйти от действительности. Это старая история.

Не в обиду будь сказано скептикам, библиотерапевты будут иметь все больше и больше пациентов и все больше и больше книг. Те, кто их окружает, приспособятся к этому (проверить!).

Александр начнет заниматься бегом, когда Мелани снова сможет свободно передвигаться. И будет бегать, слушая через наушники аудиокнигу. Или песню Шарля Трене. Будет музыкотерапия в виде дополнения.

Возможные дальнейшие действия:

Читать разумно.

Уделять время спутнице жизни, если эта спутница у меня есть.

Несмотря ни на что, снова наладить отношения с некоторыми членами своей семьи. Но не со всеми. Сблизиться с ~~матерью~~ (исправление:) с мамой. Искать в ней нежность.

Рекомендуемые для Александра книги: все.

Примечание: Я — Алекс.

Произведения, которые Алекс прописывает своим пациентам

Луи Арагон. «Глаза Эльзы» (1942)

Жоашен дю Белле. «Блаженны те, кто как Улисс…» (1558)

Жан Кокто. «Самозванец Тома» (1923)

Альбер Коэн. «Книга моей матери» (1954)

Иван Александрович Гончаров. «Обломов» (1859)

Гомер. «Одиссея» (около VIII века до н. э.)

Сёрен Кьеркегор. «Дневник соблазнителя» (1943)

Милан Кундера. «Неспешность» (1995)

Мишель де Монтень. «Опыты» (1595)

Дж. Д. Сэлинджер. «Над пропастью во ржи» (1951)